

The background is a dark, atmospheric illustration. A woman with long, dark, wavy hair is the central figure. She is wearing a white, long-sleeved dress with a lace-up bodice. Her expression is somber and haunting. The setting is a misty, wooded area with bare trees and a body of water in the distance. The overall color palette is dark and moody, with shades of grey, black, and muted blue.

ВИКТОРИЯ ДЕНИСОВА

РУСАЛКА

СБОРНИК СТРАШНЫХ
РАССКАЗОВЪ

Виктория Денисова Русалка. Сборник страшных рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70443115

Аннотация

Данная рукопись состоит из девяти мистических рассказов, действие которых происходит в Российской империи. Читатель перенесется в царскую Россию, где в мрачных поместьях герои сталкиваются со странными и необъяснимыми явлениями – упырями, духами, ведьмами, магическими предметами и даже самим Дьяволом.

РУСАЛКА

Надвигалась гроза. Могучая летняя гроза с беспощадным ливнем и раскатами грома. Небо уже давило свинцовой тяжестью, воздух был парной, словно в бане, а где-то в полях, за дорогой поблескивали иглами молнии. Полянский расположился на веранде, в старом кресле принадлежавшем еще его прабабушке Прасковье Кузьминичной. За чашкой крепко заваренного чая он вновь решил перечитать свои вчерашние записи. Николай Полянский мыслил себя писателем, однако его попытки занять достойное место на литературном поприще до сих пор не увенчались успехом. Небольшие памфлеты и фельетоны газеты иногда брали на публикацию, но вот создать что-то поистине монументальное у Полянского не получалось. Писатель как-то разродился романом, но перечитав его, нашел творение настолько скверным, что рукопись тотчас же полетела в печь. Молодой литератор внезапно решил писать сказки, и приехал в деревню- черпать вдохновение в народном фольклоре. На кануне вечером он аккуратно законспектировал в тетрадь услышанные от нескольких крестьян поверья и сказания. Особенно заинтересовали Полянского многочисленные духи, обитавшие как оказалось в самых разных и неожиданных местах – помимо домового, свои потусторонние обитальцы существуют и у конюшен, овчарен, лесных чащ, прудов, полей, болот и озер. Есть где разгуляться фантазии, – размышлял писатель.

Тем временем крупные капли дождя всюду начали барабанить по крыше, и в считанные секунды из разверзшейся небесной хляби хлынул безудержный ливень. До сидящего на веранде Полянского долетали брызги от стекавших с крыши потоков. Он стряхнул с тетради дождевую воду и, отодвинув кресло подальше от крыльца, продолжил чтение.

Вот, к примеру, водяной. Его не раз видели опрошенные писателем крестьяне. Правда одни утверждали, что дух обитает исключительно в стоячей воде, и похож на крупную жабу, другие клялись, что существо являлось им на Купалу в реках и являло собой старца с покрытой зеленой ряской бородкой, а третьи описывали хозяина вод, как гигантскую рыбину, обитающую на самом дне, поглядеть на которую можно лишь глубоко занырнув в озеро.

Особенно впечатлил Полянского рассказ старика Онуфрия о банном духе. Крестьянин клялся и божился, что его первую супружницу до смерти запарил банник. Долго изводил проклятый семью Онуфрия – переворачивал кадки с водой, крал веники и даже чуть было не спалил всю баню. Крестьяне решили задобрить духа и оставляли ему гостинцы – краюху ржаного хлеба и кружку кваса. Тот сперва утихомирился, но не прошло и полугода, как взялся за старое, да с еще большей охотой. Вызвали дьячка, тот окропил парную святой водой, и банник вновь пропал на несколько месяцев. Однако на страстной седмице, в чистый четверг Онуфрий

нашел в бане бездыханную жену и сразу смекнул кто отправил супругу на тот свет.

Все это было записано в тетради писателя, и сейчас, попивая чай, он озадаченно размышлял о том, как лучше преподнести читателю эту историю – в сатирическом ключе или как страшную сказку в гоголевском духе.

А гроза тем временем прекратилась. Лишь с ветвей раскидистой липы, росшей возле от веранды, продолжало капать на крышу. Повеяло сырой землей, свежей зеленью и потревоженными ливнем цветами. Полянский очень любил этот старый, заросший сорняками сад. С ранней весны и до поздней осени здесь бушевала разномастная растительность, стаями вились пчелы, порхали бабочки, и пахло одновременно свежо ипряно. Нынче всю цвели жасминовые кусты, распустились пионы, табак и туберозы. Дождь посбивал у цветков лепестки, но на подходе зрели уже свежие бутоны. Писатель, глядя на все это садовое великолепие, даже задумался о том, не посвятить ли ему себя пейзажной прозе, воспевая майский птичий гомон и печальное осеннее увядание. Однако, немного поразмыслив, решил вернуться к сказкам и фольклору.

Раздумья Полянского были внезапно прерваны появившейся на веранде тетушкой Евдокией.

– Ох, как лило то, как лило – прямо светопреставленье! – запричитала пожилая женщина, – и пионы все изничтожились.

Писатель ничего не ответил. Он молча вдыхал свежий, насыщенный приятными ароматами воздух и любовался закатными лучами солнца, светившими сквозь густую липовую листву.

– Вечереет, – Евдокия подошла к облетевшим цветам и сокрушенно покачала головой. – Все как есть опали. Я Лукерье приказала самовар ставить, так что ты Коленька, не уходи, попей со мной чаю.

Коленька сегодня уходит и не собирался, уж больно не хотелось блуждать по огромным лужам и месить грязь. Вот завтра, если день выдаться жарким, к вечеру земля подсохнет и можно снова наведаться к крестьянам, да поспрашивать еще о духах и поверьях.

– А Вы встречали когда-нибудь домового, тетушка? – неожиданно для самого себя спросил Полянский.

– Да Господь с тобой, Коленька! Это ж грех великий в такую несусветицу веровать. Уж не язычница же я какая-то! – с негодованием ответила женщина.

– А случилось ли Вам видеть что-нибудь потустороннее? – не унимался писатель.

– Ох, случилось. Дядюшка твой, покойничек, аккурат на сороковой день как преставился, так и явился мне в зеркале. Попрощаться, видать, приходил. Упокой, Господи, душу раба твоего Алексея, прости ему все прегрешения вольные и невольные, – Евдокия набожно перекрестилась. – А ты чего спрашиваешь? Уж не привиделся ли кто тебе?

– Я тетушка рассказ пишу, про народные поверья и потусторонние явления.

– Глупости какие! – раздосадовано произнесла старушка. Лукерья вынесла на веранду дымящийся самовар. На столе уже стояли разномастные лакомства – смородиновое и вишневое варенье в креманках, орехи в липовом меду, засахаренная клюква, посадская коврижка, белевская пастила. Полянский с удовольствием принялся за еду, а в саду уже начали сгущаться сумерки. Затрещали в густой траве сверчки, повеяло вечерней прохладой. Тетушка Евдокия озябла и велела Лукерье принести пуховую шаль, а сама попивая чай из фарфоровой чашки задумчиво сказала:

– Покойнички то они часто являются с того света. Бывает

привидится тебе маменька усопшая или кухарка еще у прабабки служившая, а ты и не знаешь – снится оно или наяву.

– А мне никогда не приходилось видеть мертвецов, – рассеяно сообщил писатель.

– Так ты молодой еще, мало кого схоронил на своем веку. Вот в том году сосед наш. Иван Ильич – возьми, да и застрелись. Страшная смерть! Греховная. Так он, не отпетый, дважды являлся мне. Вот в этом самом саду его видела – стоял у оградки и смотрел на меня, взгляд – жуткий, невидящий. Осенила я себя крестным знаменем, так видение и исчезло. А через неделю снова показался – на кладбище, бродил за воротами. За воротами его и схоронили. Ты, Коленька, если увидишь не упокоенную душу – сразу крестись и твори молитву.

Тем временем почти совсем стемнело, а ветер усилился. Где-то вдалеке, на западе, небо еще светлело кобальтом, а с востока наступала аспидная тьма. Евдокия, совсем продрогнув, ушла в дом, а Полянский все никак не мог надышаться праной свежестью летней ночи. Откуда-то со стороны леса послышался отдаленный девичий смех, и как показалось писателю, промелькнул между деревьями белый сарафан.

Полянский улыбнулся молодому крестьянскому задору,

которому не страшны темнота и раскисшая от дождя земля, и отправился спать.

Утром, после пробуждения Николаю ужасно не хотелось подниматься с кровати – так бы и лежал, глядя как солнечные лучи, проходя сквозь ажурную занавеску рисуют на полу затейливые узоры. За окном неугомонно щебетали птицы, пахло старым деревом, луговой травой и липовым цветом. Откинувшись на приподнятую подушку, Полянский вновь принялся изучать свои записи. Слишком мало их было даже для небольшой сказки. Однако времени еще предостаточно – он дал себе сроку до сентября.

Писатель подошел к окну, настежь растворил его и подставил лицо теплым июньским лучам. По саду бегала худая тетушкина левретка и звонко лаяла на бабочек-капустниц. Предстоял долгий, по-летнему теплый день.

За завтраком Евдокия, охая и ахая, рассказала, что из-за вчерашних разговоров ей приснился покойный супруг. Однако снился не живым, а утопленником, хоть, по правде, скончался он от чахотки. Будто выловили его из пруда мужики, и лежит он берегу синий и вспученный. А сама она, Евдокия склонилась над ним и плачет, убивается. А тот возьми, да и открой ни с того ни с сего глаза да хвать ее мокрой рукой за локоть. Так и проснулась тетушка посреди ночи и до самого рассвета глаз не смыкала, молясь пред лампад-

кою за упокой души Алексия. Раздосадованный Полянский клятвенно пообещал старушке впредь не заводить на ночь глядя разговоры про покойников и всякую нечисть. Однако крестьянам он такой клятвы не давал и потому с нетерпением ждал вечера, чтоб вновь отправиться в деревню.

Днем он написал три письма товарищам в город, сделал несколько пастельных набросков с усадьбой и старой липой, побродил по мокрой хвое в лесочке и даже зачем-то набрал в карман молодых шишек, которые всю дорогу до дома с особым удовольствием нюхал.

Вечером овчар Тихон на сеновале рассказывал Полянскому, что нынешняя неделя – русальная и вся нечисть свистопляску устраивает. В лесок, или того хуже не болото – одному лучше не соваться, да и втроем не стоит. В позапрошлом году утащили девки-утопленницы двух крестьянок.

– Как утащили? – с неподдельным интересом спросил писатель, – Куда?

– Знамо дело куда! На тот свет, к нечистому. Пошли Аграфена с Марьей в лесок за лебедой, да так и не вернулись. Нашли йихнии платки и кресты нательные. Все и смекнули – утащили баб русалки. Они, русалки баб на дух не терпят. Нашего брата мужика, бывает тоже топят, а бывает пощекочут и отпустят. А ежели баба им попадетса – то все, считай

сразу покойница.

– А ты сам то их видал? – Полянский жевал соломинку и смотрел на щербатый диск луны, висевший в светло-синем еще небе.

– Русалок-то? Видаал. Малой был, купались мы в реке с ребятишками, баловались, плескались. Я в заводь заплыл и чую – за ногу меня под водой схватили и держут. Я визгом зашелся, брыкаюсь, а снизу – держут, не отпускают. И вдруг – всплывает она. Сама вся бледная аж синяя, глаза черные и глядит так страшно. А дальше – не помню. Очухался в камышах на мелководье. Не утопила меня, пожалела видать, маленького то. Она ведь, русалка, тоже баба, хоть и утопленница. Но, стало быть, и человечье ей не чуждо, раз жалость имеется.

Писатель меж тем размышлял что именно этому загадочному существу, – русалке, и стоит посвятить сказку. Мертвая красавица, таскающая мужские души самому Дияволу – сюжет пикантный, хоть и не слишком оригинальный.

А овчар тем временем с русалок перешел на Лешего. Лесной хозяин, по заверению Тихона, выглядел седым старцем высокого роста со спутанными длинными волосами. Сам овчар Лешего не встречал, а вот отец его сказывал, как лесной черт трое суток водил его меж деревьев по сырому мху, когда

тот сбился с тропы. Помогли батраки, случайно шедшие через лес на работы в деревню. Они сперва приняли отца Тихона за беглого каторжника – уж больно жутко выглядел он – оборванный и грязный. Однако сам крестьянин был щуплый и низкорослый, а потому для двух плечистых детей опасности от него не было. Поплелся он за ними кротко, те и прогонять не стали, а к вечеру вышли уже к деревне.

– Сказывают, детей Леший у баб таскать любит, – продолжал овчар, – зазевается какая молодуха, а он раз и вместо дитятки полено ей в тряпки положит.

– А есть ли в деревне ведьма? – Полянский отбросил соломину и радостно уставился на Тихона. Мысль переговорить с колдуньей взбудоражила его воображение.

– Ну таких, что б порчу и сглаз наводили, таких у нас нет. Таких у нас не жалуют. Если и появится такая холера – ее мужики со свету сживут. Но есть Агриппина – травница. Она же и повитуха. С животом кто зашелся или баба в горячке рождает – все за ней посылают. Добрая старушка, толковая.

Травница Агриппина никак не подходила на роль мрачной подельницы Сатаны, – раздумывал писатель, – однако стоит наведаться и к ней. Луна уже светила с по-летнему бархатного неба, где-то вдалеке заходились лаем собаки, в гу-

стой траве вовсю стрекотали сверчки. Полянский слез с сеного стога, отряхнул со штанов солому, поблагодарил овчара за рассказ и отправился в усадьбу.

На следующий день Николай решил прогуляться пешком по лесу, а вечером подробно описать в своей тетради красоты дикой природы, весьма важные для создания будущей сказки. Лешего он не боялся, как и прочей нечисти. Стоит отметить, что Николай Полянский, был материалистом и в чертей не очень-то веровал. Воинственным атеистом писатель не являлся, однако ж церковные службы посещал лишь по просьбе и за компанию с престарелыми родственницами.

Сперва, на редколесье было тепло и сухо. Полуденные лучи пробивались сквозь негустые кроны молодых еще сосен, пахло нагретой солнцем опавшей хвоей. Чем глубже продвигался Полянский в чащу, тем прохладнее становился воздух, а под ногами вместо сухих иголок ковром стелился влажный зеленый мох. Всюду встречались большелистые папоротники, на стволах давно поваленных буреломом деревьев кучковались рыжие грибы. Трещали старые ели, стучали дятлы, отсчитывала чей-то срок кукушка. Полянский подетски восхищался этой насыщенной, таинственной лесной жизнью. Было здесь что-то древнее и сказочное, и становились понятны истоки всех этих сказаний, преданий и верований, и было ясно почему прежние люди обожествляли природу.

Сам того не заметив, писатель почти дошел до соседней деревни. Внезапно между деревьев он заметил хрупкую фигурку в белом платье и маленькой шляпке. Красивая темноволосая барышня, заметив Полянского отчего-то рассмеялась и кокетливо спряталась за деревом. Должно быть одна из дочерей Мещанского из соседского имения, решил писатель. Он хотел подойти ближе и поздороваться, однако девушка отбежала и игриво смеясь снова спряталась за сосновый ствол.

На вид ей было лет шестнадцать. Роста среднего, лицо ясное, чистое и открытое. Однако странна была эта не достойная барышни жеманная игра с незнакомцем. Немного смущенный Полянский остановился, забрался на высокую мшистую кочку и стал смотреть на девушку. Она привалилась к молодой березе и, загадочно глядя темными глазами из-под шляпки, спросила:

– А чего это вы здесь бродите?

– Гулял. – ответил Полянский, – наслаждался лесными птичьими трелями. А вы, должно быть дочь Ивана Ильича Мещанского?

– Должно быть. – улыбнулась девушка. – Я – Ася. Анастасия Ивановна.

– А я Николай Полянский, племянник Евдокии Тихоновны.

Не смотря на близкое соседство усадеб писатель крайне мало знал о Мещанских. Да и у тетушки он гостил не так чтобы часто. Вспомнил он рассказ Евдокии о самоубийстве Ивана Ильича, и с удивлением подумал – как беспечна и весела эта девушка, несмотря на столь трагичную гибель отца. Ася тем временем подошла к нему поближе, и склонив хорошенькую головку на бок, попросила:

– А погуляйте вместе со мной. Мне страсть как скучно здесь одной. Вы, кстати, видели пруд? Здесь рядом такой чудный живописный пруд.

Полянский был совершенно не против составить компанию такой очаровательной особе, и они неспешно отправились искать пруд.

– Почему я раньше никогда вас здесь не видела? – спросила Ася.

– Я, признаться честно, довольно редко гощу у тетушки в имении. Но в этом году намерен пробыть здесь до конца лета.

– Как замечательно! – Ася восторженно сложила на груди руки.

Пруд был старым, заросшим тиной и желтыми кувшинками, по берегам сплошь улепленный камышом. Над поверхностью бодро носились стрекозы, квакали изредка лягушки, в зарослях осоки догнивал остов старой лодки. Было здесь какое-то особое очарование. Казалось, будто там, на дне живет древний, как Земля хозяин вод. И иногда, в ясную тихую ночь, когда полная луна оставляет на водной глади мерцающую дорожку, он всплывает, весь покрытый водорослями и ряской, и жабыми глазами осматривает мир вокруг.

Ася тем временем радостно щебетала обо всем на свете. Она рассказывала Полянскому о поездках в Петербург и Карловы Вары, о том, как на масленицу катались на санях и как красиво было зимнее предвечернее небо, о том, как в Рождество ударили такие морозы, что страшно было и носу на двор казать. Писатель слушал эту девичью трель и был очарован. Лицо Аси казалось ему невероятно красивым, а сама она какой-то светлой, простой и чистой. Быть может от того, что большую часть жизнь девушка провела в деревне, вдали от пышных столичных приемов и городских соблазнов. Ей были чужды ужимки и игривость, а то, что Полянский сперва принял за кокетство оказалось детским стремлением к общению. Конечно же здесь, в этой зеленой глуши,

Асе было невыносимо скучно, и она страстно жаждала внимания. Писатель тоже немного рассказал о себе и своих литературных поисках. Упомянул он и том, что пишет сказку и погрузился сейчас в фольклор.

– Ах, как это увлекательно! – Ася неподдельно восхитилась, – и что же вы узнали от крестьян?

Полянский поведал девушке все что удалось выяснить о банниках, леших и водяных. Она искренне смеялась или округляла от удивления глаза, а писатель любовался этим милым и наивным еще созданием.

Они расстались под огромным вековым раскидистым дубом, не доходя до усадьбы. На прощание Ася попросила:

– Приходите завтра сюда в эти часы. Только не говорите никому что вы меня видели.

– Хорошо. Тогда до завтра. – ответил Полянский, поцеловал ей руку и долго еще глядел вслед удаляющейся хрупкой фигурке.

Вечером Николай сел описывать свое лесное приключение, однако мысли все время сбивались с темы и витали вокруг Аси. Полянский поймал себя на желании встретится с ней снова и как можно скорее. – Неужто влюбился? – спро-

сил себя писатель. Ему, в его недолгие двадцать, случилось, конечно увлекаться, да только все это было не то и пустое. Ася. А может, ну их к черту эти сказки? Может, лучше снова взяться за роман. О любви, о чистой, непорочной и вечной. Господи боже, как дурак рассуждаю. В таком состоянии и писать то нельзя, выйдет что-то приторное – засмеют критики. Особенно потешится Ставров. Ставров был давним товарищем Полянского, однако никогда не упускал момента, чтобы уколоть Николая или как-то съехидничать в его сторону.

Было уже за полночь. Писатель настежь открыл окно, и комнату заполнил томный запах цветущего жасмина. Стрекотали сверчки, откуда-то из лесу доносилось уханье филина. Полянский высунулся по пояс и вдыхал аромат летней ночи. Внезапно, в густой темноте Николай различил стоящий возле деревьев мужской силуэт.

-Кто здесь? – крикнул он в сторону незнакомца, но тот не откликнулся и не пошевелился.

Писатель погасил свечу и снова стал всматриваться в незваного гостя. Тот стал медленно отходить назад, и когда человек вышел из тени деревьев под свет луны, Полянский заметил, что это пожилой мужчина в сером сюртуке с висящей на руке тростью. Черты его лица показались Николаю смутно знакомыми. А странный господин, тем временем уда-

лялся все дальше и дальше, пока полностью не скрылся из виду.

- Кто бы это мог быть? – удивился писатель и с содроганием вспомнил рассказ тетки Евдокии о бродящем по окрестностям неуспокоенном соседе. Ощувив всем телом какой-то животный ужас, Николай перекрестился, и не раздеваясь лег спать.

Утром Полянский решил ничего не говорить о ночном визитере тетушке. Евдокия снова жаловалась на бессонницу и уверяла, что слышала, как кто-то шелестел кустами под ее окном.

- Это должно быть ветер, тетушка, – успокаивал родственницу писатель.

- Я, Коленька, умом пока не тронулась, хоть и стара уже, – Евдокия отпила чаю и пристально посмотрела на племянника. – Точно человек в кустах таился. Никак вор или каторжник какой беглый.

Полянский подумал, что таинственный господин, которого он заметил в ночи, вовсе не был похож на беглого каторжника. На мгновение в нем даже промелькнула мысль, что странный гость ему приснился, но уж слишком явственно он помнил детали этого видения.

Не было еще и полудня, а солнце уже вовсю припекало. От мокрого деревянного забора шел пар. Николай взял летнюю шляпу, трость и отправился в деревню, он решил все же побеседовать с травницей Агриппиной, и, возможно списать с пожилой женщины образ деревенской ведьмы для будущей сказки.

Травница оказалось сухой полуслепой старушкой, которой на вид запросто можно было дать лет сто. Она, охая и причитая, как и овчар Тихон, предостерегала Полянского от прогулок по лесу на этой неделе. Из ее рассказа выяснилось, что травницей Агриппина стала по материнской линии, мать ее тоже была знахаркой, а бабка – самой настоящей ведьмой, водившей шашни с нечистым и имевшей в прислужниках выводок анчуток. За подлые дела бабку Агриппины не раз били крестьяне, обвиняя то в болезнях, то в пожарах, то в падеже скота. Как и полагается колдунье, бабка умирала страшной смертью, призывая дочь-мать Агриппины, – принять перед кончиной ведьмовской дар. Однако матушка нынешней травницы не согласилась вступить в столь страшное наследство, а ограничилась лишь полученными еще при жизни родительницы знаниями о целебных и ядовитых травах.

Пользуясь случаем, Полянский, попросил у Агриппины травы для тетушки от бессонницы. Та завернула в старую

тряпку пучки сушеной душицы и зверобоя, а после протянула ему небольшой кусочек ладана, опутанный каким-то растением.

– Росный ладан с плакун-травой. От лукавога, от сряща, от беса полуденного, – старуха пожимкала беззубым ртом и трясущейся рукой перекрестила писателя.

– А ты сама-то видела лукавога или еще какую нечисть? – спросил Полянский.

– А как же не видеть? Всю седмицу мне бесы да покойнички в окна по ночам глядят. Стучать окаянные. Детскими голосочками кричать – пусти нас. А токмо меня не проведешь. Я-то знаю кто там. Всю ночь лампадку жгу, на масло вся поистратилась.

Странные дела, – думал писатель, – у тетки под окнами кто-то бродит, у меня – стоял загадочный старик в пенсне, у деревенской травницы – черти в дом просятся. Вот и поди не верь во всякое потустороннее. Воистину жуткие ночи на этой неделе.

Когда Полянский вышел от Агриппины солнце уже всю стояло над горизонтом. Он решил сразу, не мешкая через лес отправиться к усадьбе Мещанских. По пути ему встретился

овчар Тихон. Увидев, что писатель шагает в сторону леса, он предостерегающе крикнул:

-Не ходили бы вы барин сегодня в лесок то!

- У меня ладан есть! – крикнул весело Полянский и показал Тихону на разжатой ладони маленький кусочек душистой смолы. – И плакун-трава!

Тихон с досадой махнул на барина рукой и закурил самокрутку. А Полянский, радостно предвкушая встречу с Асей, чуть ли не вприпрыжку побежал к лесу.

Ася ждала его на том же месте. Она снова стояла, прислонившись к молодой березе и мечтательно глядя куда-то вдаль. Вновь они бродили вокруг пруда и болтали обо всем на свете. Полянский чувствовал себя невероятно счастливым, и, когда Ася восхитилась застенчивой красотой водяных лилий, писатель вызвался сорвать один из цветков для нее.

- Бросьте вы эту затею, – звонко смеясь, пыталась переубедить его девушка, – вы же упадете в пруд и промокните.

Полянский снял обувь, закатал брюки, и зашел по щиколотку в мутно-зеленую воду. Ася наблюдала за ним, прислонив хрупкие ладошки ко рту. Писатель сделал несколько ша-

гов вперед и потянулся к заветному нежно-розовому цветку. Он ухватил чашечку лилии и потянул за нее, но та не поддавалась. Удвоив усилия, Полянский тянул растение к себе, и ожидаемо потерял равновесие. Он рухнул в пруд, под испуганное аханье Аси. Однако приключившийся конфуз, нисколько не расстроил писателя. Полянский поднялся на ноги, и широко улыбаясь, весь покрытый зеленой ряской и пиявками, гордо пошагал к берегу, торжественно сжимая в руке хрупкую лилию.

– Ну зачем же вы... Как же вы теперь... – Ася была раздосадована и польщена одновременно. – Право не стоило.

Полянский глупо улыбался, а девушка, приняв цветок, и прикрепив его к платью, стряхивала с писателя тину и водоросли.

– Как же вы мокрый теперь домой пойдете? – Асю явно смущало, что она стала причиной такого неприятного происшествия.

– Сегодня жарко. – как ни в чем не бывало ответил Николай. – Обсохну пока дойду.

На прощание Ася поцеловала Полянского в губы и снова

попросила не рассказывать никому, что они виделись.

Домой Полянский возвращался словно пьяный, весь окрыленный каким-то новым, доселе не ведомым чувством. Хотелось плясать, петь, и, если бы путь его пролегал не через безлюдный лес, а по оживленному проспекту, писатель стал бы, наверное, целовать прохожих от радости. Он рвал какие-то цветы, непрестанно нюхал свои руки, на которых был еще жив Асин фиалковый запах. Именно таким, растерянно счастливым, в мокрой, бурой от тины одежде Полянского и увидела тетка Евдокия, чинно пившая на веранде чай.

– Батюшки святы! – Евдокия надела очки и с ужасом оглядела племянника, – Коленька! Да что же это с тобой приключилось?

– Я тетушка упал в пруд. – весело ответил писатель.

– Да зачем же ты туда побрел? Водяного что ли искал?

– Искал водяного, а нашел прекрасную нимфу, – ответил Полянский, но вспомнив об Асиной просьбе никому не говорить об их встречах, прервался и, поцеловав тетку в лоб, прошмыгнул в дом.

Вечером Николаю на ум не шли никакие сказки и поверья.

Все, о чем он мог думать – нежный алый ротик, прелестная головка с каштановыми кудрями, и большие, немного грустные глаза под длинными черными ресницами. Ася. Анастасия. Настенька. Он как заколдованный выводил чернилами на листе это имя.

Внезапно, краем глаза Полянский увидел в приоткрытом окне чье-то бледное лицо. Он повернулся и с ужасом понял, что вчерашний господин глядит прямо на него из ночной июньской тьмы. Что-то в глубинах сознания подсказывало Николаю, что лицо, на которое он смотрит, это лицо мертвеца. Он вскрикнул, и жуткое видение начало стремительно отдаляться. Писатель вспомнил о взятом у травницы ладане, однако тот остался в карманах испачканной одежды, которую еще засветло забрала в стирку Лукерья. Полянского начала колотить мелкая дрожь. Он, зажег несколько свечей, забрался под одеяло и, вспомнив теткино наставление, начал шептать все знакомые ему с детства молитвы.

Проснулся Николай поздно. В комнате было душно, голова тяжелела. Писатель встал, отворил рамы, впуская теплый, наполненный цветочными ароматами летний воздух.

На веранде уже дымился самовар. Над блюдечками с вареньем вились пчелы, а тетка Евдокия с пристрастием осматривала кусты пионов. Завидев племянника, она бросила на него строгий взгляд поверх очков и скрипучим голосом ска-

зала:

– Разоспался ты сегодня, Коленька, разоспался.

– Никак не мог уснуть вчера, тетушка, – превозмогая головную боль, отозвался Полянский.

– Все о нимфах с водяными думал? – спросила Евдокия насмешливо.

Николай, сам не зная зачем, решил рассказать тетке о страшном ночном видении.

– Никак сосед-покойничек Мещанский. – Евдокия по описанию опознала потустороннего гостя.

При упоминании отца Аси, сердце Полянского сжалось от какой-то смутной тревоги. От жалости, смешанной с уже всю завладевшим им любовным чувством. Вечером он снова непременно побежит на свидание. Но нужно ли говорить девушке о жутких посещениях ее покойного родителя? Не стоит. Ведь, кто знает, что на душе у этого нежного создания? Быть может, она только оправилась от потери, а может смерть отца до сих пор гложет бедную Асю, а напускная веселость это лишь прикрытие для настоящих страданий.

– Ты, Коленька, поставь в угол образа, – наставляла племянника Евдокия, – обязательно поставь. И на ночь лампаду зажги, чтоб до утра теплилась.

Старушка отдала приказание Лукерье принести в комнату Полянского иконы, а сама, так и не допив чай, ушла читать псалтирь.

К вечеру головная боль переросла в какое-то тяжелое отупение. Но Полянский решил во что бы то не стало снова идти к Асе. Тело его сигналило, что стоит остаться дома и хорошенько отоспаться, но разум являл картины того, как одиноко будет слоняться девушка, напрасно ожидая его прихода, если он решит никуда не идти.

Влажный грибной воздух немного взбодрил писателя в лесу. Он жадно вдыхал его, словно пытаясь остудить голову. Пару раз силы оставляли Николая, и он присаживался на мшистую кочку, даже забыв подстелить носовой платок.

Когда Полянский добрался до условленного места, Аси он там, к своему удивлению, не обнаружил. Не случилось ли чего – думал писатель. Он стал нервно прогуливаться от перелеска до ограды усадьбы. Прошло, наверное, уже полчаса, а может и час, но девушка так и не появилась. Николай решил отправиться в дом Мещанских, нарушая оговоренную секретность, однако ноги его подвели. Они вдруг стали ват-

ными, а в голове помутнело.

Очнулся Полянский от тряски. Он лежал на покрытой свежескошенной травой телеге, которую везла хилая пегая лошаденка. Впереди сидел мужичок в засаленной косоворотке, в котором писатель узнал Тихона. Овчар лениво жевал травинку и иногда вяло понукал кобылу. Николай хотел было что-то сказать Тихону, но силы оставили его. Просто лежать, вдыхать аромат молодой зелени и глядеть в ясный купол неба. Но голодной кошкой скреблась на душе мысль, что с Асей могло случиться что-то ужасное. Но что? Призрак родителя утащил ее на тот свет, как те злосчастные русалки из Тихонова рассказа? Неделю назад Николай со смехом отмахнулся бы от такого предположения, однако события прошлой ночи давали понять, что в деревне и впрямь происходит что-то мистическое.

Остаток дня Полянский провел в кровати с холодным компрессом на голове. В комнату иногда заглядывала тетка Евдокия, скорбно причитая, поправляла фитиль в горячей у образов лампадке. Писатель то проваливался в забытье, то грустно глядел на качающиеся за окном ветви давно отцветшей сирени.

Когда наконец стемнело, Николай лежал с закрытыми глазами, чутко прислушиваясь к шорохам в саду. Стрекотали сверчки, где-то вдали заливались лаем собаки, слышно бы-

ло хлопанье чьих-то крыльев. Летучие мыши, – подумал писатель. Внезапно кто-то тихо позвал его по имени. Тонкий женский голосок, в котором Полянский без труда узнал Асю, и сердце его чуть не выскочило из груди – не то от радости, не то от страха. Писатель открыл глаза и увидел, как из темнеющего оконного проема смотрит на него бледное лицо Аси. Смотрит и нежно улыбается. Николай вскочил с кровати и подбежал к окну.

– Что же вы здесь делаете? Ведь ночь уже! – громким шепотом вскричал он. – И почему не пришли сегодня? я места себе не находил.

– Меня с утра приковала к постели жуткая мигрень. Я так переживала что не увижу вас, что как только мне стало легче приказала кучеру ехать к вам.

– Господи, какой я болван. Сам валяюсь с компрессами, а вы ради меня больная среди ночи приехали.

– Мне совсем не трудно. – Ася обворожительно улыбнулась, – И я уже совершенно здорова. Я просто хотела увидеть вас и отдать это – она протянула маленький латунный медальон. Николай открыл его и обнаружил там каштановый локон. Он поднес его к лицу и с наслаждением вдохнул цветочный запах Асиных волос. Девушка смущенно засмеялась. –

Однако поздно. но мне пора домой. – Она встала на носочки и поцеловала склонившегося над ней из окна Полянского, а после побежала к воротам.

Коротенький Асин визит придал писателю бодрости. Он уже почти не чувствовал тяжести в голове, мысли прояснились, а на душе стало ясно и спокойно. Им овладело то самое облегчение, что наступает, когда минует вероятная угроза. Полянский закрыл глаза и погрузился в сладостные мечты.

Проснулся писатель рано. Он чувствовал себя отдохнувшим и посвежевшим. Умывшись, Николай решил прогуляться по саду перед завтраком. Уже раскрылись нежные бутоны английских роз, пряно благоухали пурпурные ирисы, на лепестках поблескивала роса. Как это часто бывает после болезни, Полянскому страшно захотелось жить. Мазать свежее вологодское масло на румяный хлеб, вдыхать тончайший аромат цветов, слушать птичий гомон. За завтраком он решил издалека аккуратно разузнать, что известно тетушке об Асе.

– А ведь у Мещанского, кажется, была дочь? – буднично поинтересовался Николай.

– Была, была... Из-за нее то он и застрелился. – с горечью ответила Евдокия.

Полянский вопросительно посмотрел на тетку.

– Ты вот редко у нас гостишь, а то бы знал. Утопилась она позапрошлым летом от любви к какому-то заезжему учителю. Вот Иван Ильич погоревал погоревал, да вслед за ней на тот свет и отправился. Так и пустует теперь именье то.

– Пойдите-ка! – Полянский почувствовал, как у него холодеют руки, а сердце камнем упало куда-то вниз – У него была одна дочь? Ася? – чуть ли не вскричал он.

Евдокия с недоумением посмотрела на племянника сквозь приспущенные очки.

– Одна. Она самая. Ася. Говорю же тебе, утопилась позапрошлым летом.

– Да быть такого не может! – Николай вскочил из-за стола, – Я виделся с ней буквально вчера.

– Батюшки святы! – Евдокия выпустила из рук вязанье и испуганно перекрестилась. Убиравшая со стола Лукерья последовала ее примеру и в ужасе прошептала: Свят, свят, свят! Скажете еще такое барин!

– Уж не горячка ли у тебя, Коленька? – тетушка скорбно

глядела на Николая.

– Я совершенно здоров, тетушка! Я своими собственными глазами видел и вчера и несколько дней до этого Асю Мещанскую. Я говорил с ней, вот как сейчас с вами, она отвечала мне, смеялась. Вы, верно, что-то напутали. Ася жива, и я вам это докажу.

– Да Бог с тобой, Коленька. Никак она не жива. Схоронили ее, как и Ивана Ильича за кладбищенской оградой. Мне не веришь – сам сходи погляди. Или батюшку нашего спроси – отца Никонора. Его Мещанский весь год одолевал, просил все панихидку по дочке отслужить. Да разве ж можно, коль сама она себя сгубила?

– Я, барин, сама покойницу-то видала, – вмешалась в разговор Лукерья, – как из пруда достали – пол деревни там собралось.

Полянский рухнул на стул и схватил себя за голову. Несколько минут он молча с отчаяньем смотрел невидящим взглядом перед собой. Где-то в глубине души он понимал, все что говорит Евдокия – правда. Ужасная противоестественная правда. Ведь видел же он призрак Мещанского, почему бы и Асе не быть неуспокоенной душой? Но она была так жива, так нежна. Нет. Не может быть что потусторонние силы водили его за нос. Ася не умерла. Тетка что-то путает или

лжет. Внезапно писатель решительно поднялся и прокричал:

– Не верю! Ни за что не поверю и вам докажу! – и широкими быстрыми шагами направился к калитке.

– Батюшки святы! – Евдокия снова перекрестилась, и, обращаясь к Лукерье, собиравшей со стола чашки сказала: – Да оставь ты это, оставь. Беги к отцу Никонору. Скажи, мол, с барином плохо, срочно нужно ваше участие.

Лукерья отложила посуду и, поправив, сбившийся на голове платок, побежала по хозяйкиному поручению. Сама Евдокия ушла к себе в комнату, встав перед образами на колени, погрузилась в длительное моление.

Полянский быстро шел через лес, запинаясь о кочки и коряги. Пару раз он чуть было не упал. Измученный, с трясущимися руками и бешено колотившимся сердцем, писатель наконец добрался до усадьбы Мещанских. Он никогда в ней раньше не был – с Асей они расставались у самого начала прилегавшего к дому сада. Николай отворил скрипучую, покрытую ржавчиной калитку. К усадьбе вела поросшая сорняками тропинка. Полянский подбежал к дому и начал требовательно колотить в пыльные, заросшие паутиной окна. Он остановился у запертой двери и прислушался – там внутри заскрипели половицы, и кто-то зазвенел ключами. На пороге появился заспанный старик в грязной рубахе, с вздохма-

ченной седой головой. От него нестерпимо разлило водкой и чем-то кислым.

– Я хотел бы видеть Асю. Анастасию Ивановну! – Прокричал ему в лицо писатель.

Старик почесал голову, и глядя на Полянского ослепевшими глазами, промямлил под нос:

– Усопли-с. Усопли и барышня и ейный родитель. А меня баринов братец – наследничек, вот в сторожа наняли.

Писатель резко развернулся и побежал прочь от дома, на ходу хватаясь за голову. Через полчаса он сидел у небольшого каменного надгробия за оградой старого кладбища возле церкви. В серую, уже слегка покрытую мхом плиту был вделан медальон- фотокарточка. С фотокарточки на него смотрела своими ясными черными глазами Ася Мещанская. Слезы туманили вид на это скорбное место. Они просто текли по лицу писателя, капали в густую траву. Никогда еще в своей жизни Николай не ощущал такого отчаяния и опустошения. И вроде он знал ее или то, что ею прикидывалось всего каких-то несколько дней. Но как успела эта девушка завладеть его сердцем, стать смыслом всего?

– Так и знал, что найду вас здесь. – произнес кто-то за

спиной Полянского и положим ему на плечо большую теплую ладонь.

Николай обернулся и увидел перед собой отца Никонора. Высокий, со строгими лицом и густыми темными, тронутыми ранней сединой волосами, в своем черном монашеском платье, он усиливал мрачную атмосферу этого места. Священник печально посмотрел на надгробие, перевел взгляд на писателя и, хлопая того по плечу сказал:

– Давайте я отведу вас домой, Николай. Евдокия Тихоновна очень за вас переживает.

Полянский покорно поднялся, и, продолжая беззвучно плакать пошел за Никонором. Когда они подходили к усадьбе, слезы на лице писателя высохли. Им овладело какое-то безучастное к окружающему миру отупение. Казалось, все мысли исчезли из головы, и он уже не помнил не то, что Аси, но и себя самого.

Его привели в комнату, уложили на кровать, укрыли легким одеялом. Священник, пообещав читать заздравный сорокоуст, покинул имение. Евдокия зажгла лампаду и пошептав молитвы, уселась в большое старое кресло и, поглядывая иногда поверх очков на племянника, принялась за вязание. Полянский смотрел в потолок. Он изучал маленькие бегущие по старой штукатурке трещины, стараясь не думать

о кошмаре, приведшем в столь печальное состояние. Писатель погрузился в сон. Задремала и Евдокия, выпустив из рук спицы. За окном темнело не по-летнему рано. В безветренном воздухе царила изнурительная духота, в которой особенно остро и пряно разливались жасмин и тубероза. Птицы замолкли, и только мухи изредка нарушали тишину назойливым жужжанием. Надвигалась гроза. Вдалеке за лесом уже забегали на горизонте сполохи молний и тяжелые серые облака сгушались над усадьбой Полянских.

Проснулся Полянский от жуткого громового раската. Он был в комнате один, а в окно беспощадно хлестал ливень и бились ветки деревьев. От тусклого лампадного света резало глаза. Николай встал, потушил горящий фитиль и снова отправился к кровати, когда в оконное стекло кто-то легонько забарабанил пальцами. Этот стук был едва различим среди звуков разбушевавшейся стихии, и писатель принял бы его за дождевые капли, однако в окне явственно белел чей-то силуэт. Вспыхнувшая на мгновение молния осветила стоящего за стеклом, и Полянский с ужасом понял, что это Ася.

– Николай! Коленька! – она стучала уже уверенней. Писатель видел ее бледное, обрамленное прядями черных волос лицо, и его колотила дрожь. – Пустите меня, Коленька! Здесь жуткая гроза!

– Да воскреснет Бог! – Полянский рухнул на колени перед

иконами и начал судорожно креститься, – Расточатся врази его, да бегут от лица его ненавидящие его.

Он как мог старался не смотреть в сторону окна. А Ася меж тем продолжала стучать все настойчивее.

– Коленька, я все промокла. Пусти меня.

– Яко тает воск от лица огня, да погибнут беси от лица любящих Бога...

– Пустиииии! – завизжало то, что стояло в тьме и все еще претворялось умершей два года назад девушкой. Оно кулаками молотило по стеклу и требовало открыть.

Дрожа всем телом, писатель не удержался и повернулся. То, что прикидывалось Асей с остервенением высадило окно и влезло в комнату, впустив с собой запах сырого склепа и могильный смрад. Перед Полянским стоял труп. Такой, какими покойники бывают на третий день после смерти. Восковое с синевой уже лицо, губы без единой кровинки, впалые щеки и глазницы.

– Что же ты, Коленька, сегодня не пришел? – спросило существо, – Я ведь ждала тебя.

Даже не успев до конца осознать весь ужас происходящего, писатель лишился чувств.

Утром, вошедшая проведать хворающего племянника Евдокия, обнаружила того лежащим на полу. Тело его скрючилось в противоестественной позе, глаза были широко раскрыты, будто он видел нечто жуткое. Однако Николай был жив. Он не двигался, не отвечал на вопросы и лишь, когда к нему прикасались издавал слабые стоны. В руке его был зажат небольшой медальон и прядью темных волос.

Позвали за земским доктором и отцом Никонором. Священник почитал над болящим псалтирь, пытался причастить несчастного, однако тот так и не смог проглотить кусочек смоченной кагором просвиры. Приехавший после обеда доктор осмотрел Полянского и рекомендовал дать Николаю отоспаться. Да только вот спать писатель не мог, он сутками лежал, глядя выпученными глазами в потолок, отказываясь от еды и питья. На третий день после страшного происшествия Николай Полянский скончался, так и не произнеся не единого слова.

Тем же вечером, услышавшие скорбную весть крестьяне судачили о том, как неупокоенная дочка мещанского, ставшая после страшной своей смерти русалкой, утащила молодого барина на тот свет. А захмелевший после трех стаканов

бражки овчар Тихон, тряс пальцем и кричал:

– А я говорил ему в лесок не ходить! да разве ж они нашего брата слушают? Вон оно как все и вышло. Мужики молча выпили за упокой души новопреставленного Николая и стали обсуждать цены на зерно.

О СИЛЕ ДУХА

Хмурым октябрьским вечером все собрались у Вишневого по случаю именин его супруги. Погода, как и бывает поздней осенью, стояла гнусная – сутками напролет моросило то мокрым снегом, то ледяным дождем. К сумеркам из низин поднимался густой молочно-белый туман и разливался по округе. После ужина играли в вист, курили и обсуждали ужасную трагедию произошедшую с молодым, подававшим большие надежды художником Н., с которым многие из собравшихся были неплохо знакомы. Театральный критик Ставров – худой, высокий, и весь какой-то землисто-пепельный – от костюма и до волос, задумчиво произнес:

– Удивительна судьба человеческая! Помнится пару месяцев назад в этой самой комнате я спорил с Н. о мистицизме. Н. очень разгорячился и доказывал мне, что существование потустороннего мира – абсолютная и непреложная истина. Я рассмеялся, а Н. так побагровел, что на секунду мне показалось – он непременно меня ударит. Однако Н. сдержался,

фыркнул и не попрощавшись уехал.

– Думается мне, именно эта глупая вера в сверхъестественное и сгубила несчастного. – подал голос хозяин дома.

– Уверяю вас, господа, это типичный случай деменция прекокс – раннего слабоумия. – выпустив тонкую струйку дыма, спокойно сообщил профессор Вяземский.

– А вот зря вы так все, ой как зря – прервал профессора маленький человек в изрядно поношенном костюме. Это был Репнин – издатель второсортного литературного журнала для невзыскательной публики. Он вытер вспотевшую лысину платком и нервно продолжил, – Я ведь сам лично был на том злосчастном сеансе и могу с уверенностью утверждать – Магир – настоящий медиум. И дух, призванный им – самый что ни на есть настоящий. А стало быть, Н. вовсе не болен. Он просто одержим.

По комнате прокатилась череда сдавленных смешков.

– А вы, позвольте спросить – этот самый дух лицезрели лично? Так сказать, во плоти? – насмешливо осведомился Ставров, – Но ведь если дух предстал во плоти, стало быть, никакой он и не дух. Или он был прозрачен и бестелесен?

– Бросьте вы издеваться! – возмущенно ответил Репнин. –

Вам прекрасно должно быть известно, что духов нельзя увидеть, можно лишь почувствовать их присутствие.

– И в чем же выражается присутствие духа? – с улыбкой спросил Вишневский.

– О, я как-то в "Судаке" принял три стопки полугара на березовых почках, и вы не поверите – резко ощутил присутствие духа, – глумился Ставров. Расхохотались все, кроме Репнина. Он снял очки, суетливо протер их, и злобно осмотрев окружающих сказал:

– Очень зря вы господа смеетесь над подобными вещами. Ведь никого из вас там не было.

– Ну так расскажите ж нам, что случилось на том злосчастном сеансе, – миролюбиво предложил Вяземский.

– Да, да! – присутствующие поддержали предложение профессора – Весьма любопытно послушать.

– Что ж, – Репнин, слегка польщенный всеобщим вниманием, важно откинулся в кресле, – отчего же и не рассказать?

...

Это было в конце августа. У княгини Левицкой часто собиралась публика, интересующаяся occult sciences. В наш го-

род наконец-то пожаловал сам Магир – экстрасенс и медиум, слава о невероятных способностях которого давно уже распространилась по всей Европе. Ходили слухи, что Магир – незаконнорожденный сын немецкого барона и оперной певицы из Тироля. Говорили, будто бы в детстве будущего медиума украли цыгане и за не полные два месяца, проведенные со странствующим народом шестилетний Магир, смог обучиться всем премудростям цыганского гадания и гипноза. После, ребенка якобы вернули родительнице, но та стала замечать за ним странности. Утверждали, что мальчик часто разговаривал с невидимыми собеседниками, перемещал предметы силою мысли, а однажды даже удавил служанку взглядом. Последнее особенно не понравилось матушке экстрасенса и не дожидаясь, пока участь служанки постигнет ее саму, женщина в страхе сдала сынишку в приют. Дальнейшая судьба Магира вплоть до его сорокалетия покрыта мраком и тайной. Известно лишь, что он внезапно объявился в Варшаве и с точностью до дня предсказал смерть одного тамошнего помещика. С тех пор имя его вызывает трепет и волнение у всех, кто хоть немного увлечен мистицизмом и оккультными практиками.

И вот наконец судьба занесла великого оракула в наш слегка подзабытый Богом городишко. Ведь давно известно, что, если про какой городишко забудет Бог, так непременно там начинают появляться медиумы, гадалки, спиритисты и

прочие. Так произошло и с нашим.

Упомянутая выше вдовствующая княгиня Левицкая до ужаса обожала все что связано с потусторонними явлениями. Вдовствовала она безутешно, а потому медиумы и спиритисты были частыми гостями в ее усадьбе, где всячески пытались установить контакт с усопшим князем. Поговаривают – некоторым это даже удавалось.

Именно по просьбе ее сиятельства Левицкой высокая, чуть сгорбленная фигура Магира и сошла с утреннего поезда, прибывшего на вокзал нашего города. Медиум был долговяз, плечист, обладал крупным носом и высоким лбом и достаточно неплохо для иностранца говорил по-русски, лишь иногда оглушая звонкие согласные. Разместили оракула. конечно у княгини, где этим же вечером он и провел злополучный спиритический сеанс, результатом которого стало буйное помешательство художника Н. Впрочем, обо всем по порядку.

На сеанс были приглашены члены общества "Спиритум", в которое входили – помещица Арбузова, жена главного врача земской больницы Хворостова, молодой, увлеченный мистицизмом художник Н., уже известный нам издатель Репнин, поэт Вышегорский и престарелая приживалка княгини – некто Агафья Собакина.

С наступлением темноты названные участники спиритического общества во главе с загадочным гостем уселись за круглый стол в просторной гостиной. Прямо перед Магиром лежала его знаменитая доска Уиджи. Комната освещалась единственной мерцающей свечой, водруженной в центр стола, отчего лица сидящих казались страшными восковыми масками, а тени, отбрасываемые их фигурами на стены, представлялись жуткими горбатыми чудовищами. Особого драматизма добавляла внезапно разыгравшаяся и довольно неожиданная в августе гроза. Страшная гроза с резкими порывами ветра и ослепляющими вспышками молний. Именно такая вспышка озарила комнату, как только все уселись по местам. Грянул оглушающий удар грома, и перепуганная звуком Собакина занесла уж было руку ко лбу, чтоб осенить себя крестом, но была прервана резким криком Магира.

- Не смей! – отрезал медиум и бросил грозный взгляд на старуху. Та скукожилась и потупила взор.

- Что ж! Начнем – воскликнул Магир и попросил присутствующих взяться за руки.

По давно уже заведенной в этом доме традиции вызывали дух покойного князя. Однако медиум сразу предупредил вдову, что откликнуться на зов может любой блуждающий поблизости призрак. Особенно чувствительны к сеансам души новопреставленных, а также не отпетых и принявших

страшную смерть.

В комнате воцарилась гробовая тишина. Члены общества "Спирит" крепко держали друг друга за руки. Сама княгиня сидела подле Магира и цепко впиалась в его жилистую кисть. Медиум глубоко вздохнул, закатил глаза и начал громко причитать что-то на латыни.

– Ктооо стееесь? – взвыл он замогильным голосом.

Внезапно деревянный указатель, что лежал на доске Уиджи начал дрожать, а затем – резко сдвинулся и в круглой лупе, встроенной в его середину, оказалась буква "Я".

Удивительно, что у маэстро эзотерики были доски и латинскими и кириллическими буквами. Но еще более удивителен был тот факт, что абсолютно никто из сидящих за столом не прикасался к указателю. Дамы, все как одна испуганно вскрикнули.

– Ктооо тыыы? – снова протянул медиум.

Указатель, все так же без посторонней помощи начал метаться по доске. Буквы, выбираемые им, сложились в слово "ОГЮСТ"

Снова раздался вскрик. На этот раз уже одной княгини. Хозяйка дома была так бледна, что казалось еще немного – и она лишится чувств.

– Это наверняка он. – слабым голосом произнесла Левицкая.

– Фашего супруга сфали Огюст? – спросил Магир.

– Нет, его звали Евгений Михайлович. А Огюст – это племянник Софьи Сарыгиной – скончался от неизвестной болезни, когда отдыхал на водах. Неделю как схоронили.

– Дууух, – снова завыл медиум, – фойти в меня. Пофедай фсе что хотеть сказать.

На секунду комнату озарила яркая вспышка молнии, раздался оглушительный раскат грома, и окно, в которое весь вечер тревожно бились ветви какого-то молодого дерева, настежь раскрылось от резкого порыва ветра. Рамы ударились о стены, стекла разлетелись на осколки, а длинная белая занавеска, развевалась так, словно за ней стоял бестелесный призрак. На этот раз вскрикнули не только дамы, но и немногочисленные господа, включая главного мистика.

По комнате будто бы проскользнуло что-то невидимое глазу, но почти осязаемое кожей. Можно было, конечно, спи-

сать подобное на разбушевавшуюся грозу и ветер, но последующие события убедили всех присутствовавших, что дело отнюдь не в природной стихии.

Молодой художник Н., испуганно сидевший между помещицей Арбузовой и издателем Репниным внезапно выгнулся в какой-то противоестественной позе. Глаза его закатились под лоб, рот застыл в каком-то жутком полужевке, а тело начало содрогаться в конвульсиях. Несчастный издал несколько нечленораздельных утробных звуков и рухнул вместе со стулом на пол и, кажется, лишился чувств.

– Воды, воды- начали кричать со всех сторон. Княгиня в полубомороке упала в кресло, Собакина побежала за слугами, а Репнин тормозил лежащего Н., тщетно пытаясь привести бедолагу в сознание.

Наконец появилась кухарка с кувшином воды и художника щедро окатили жидкостью. Он резко подскочил, осмотрел собравшихся презрительным взглядом, брезгливо стряхнул воду с сюртука, и странным, совершенно не свойственным ему голосом произнес:

– Что за балаган!

Княгиня снова в ужасе вскрикнула зажала обеими руками рот.

– Огюст! Огюст Сарыгин! – воскликнула она. – Это ты? Неужели это правда ты?

– Ну конечно же это я. – высокомерно ответил художник. Со всех сторон слышались ахи и охи. Стоит так же заметить, что решительно все в молодом господине Н. переменилось – взгляд, поза, жесты. Казалось, кто-то посторонний захватил тело художника и орудует им. Впрочем, именно это, по единодушному мнению всех собравшихся, и произошло. Неупокоенный дух Огюста Сарыгина видимо маялся где-то неподалеку от безделья, когда великий медиум Магир выходил на связь с потусторонним миром. Возможно, поблизости находился и вызываемый спиритистом князь Левицкий, но более молодой и прыткий дух успел обскákat его сиятельство.

Тем временем художник или лучше будет сказать Огюст Сарыгин в художниковом теле вальяжно распластался в кресле и заявил, что он вовсе не прочь опрокинуть пару стаканчиков вермута. Пока княгиня отдавала служанке распоряжения на счет выпивки, господин Н. или уже если вам угодно О. вновь рухнул на пол и зашёлся в конвульсиях. Когда же несчастный пришел в себя, взгляд его сделался робким, как у побитой собачонки, а сам он весь как-то скукожился. Осмотревшись вокруг и увидев Левицкую, молодой

человек начал отвешивать благоговейные поклоны, будто бы сжимая в руке воображаемый картуз.

– Ваше Сиятельство, – смущенно забубнил он, – мы енто ежели что... покорнейше прошу..

Все снова ахнули. Стало очевидным что телом бедного Н. бесцеремонно завладел очередной дух и на этот раз все не Огюст, а некий крестьянин или поди знай кто это. В этот злосчастный вечер в горемычного художника успели вселиться – пожилая дама неизвестного сословия, затоптанный лошадьми на прошлой неделе дворник и удавившаяся от несчастной любви актриса. Но самым цепким оказался некий Мстислав – личность донельзя мутная, – кутила, картежник и говорят даже, что и колдун.

...

– Господа, это несомненно деменция прекокс, – подтвердил свой диагноз профессор Вяземский, – решительно все признаки слабоумия на лицо. Вероятнее всего, этот Н. имел довольно нервический склад характера, а сеанс спиритизма и царившая там атмосфера вызвали приступ болезни.

– Я, откровенно говоря, так и не уразумел, – Ставров скептически поднял бровь, – как именно ваш рассказ доказывает, что дух существует и что господин Н. одержим, а не болен?

– Но как же вы не понимаете? – воскликнул в отчаянии Репнин, – он же никого из них не знал! Н. не был знаком ни с Огюстом, ни с дворником, ни с актрисой, ни с эти чертовым Мстиславом.

– Давайте рассуждать логически, – предложил спокойным тоном Вишнеvский, – про Огюста Н. ничего вам так и не сообщил. Просто ответил на вопрос княгини – мол ты ли это? – я. И про остальных им было сказано немного. А то, что они скончались и обстоятельства смерти – это ведь он и в газете мог вычитать.

– Наверняка так и было, – заметил Вяземский.

– Но Мстиславом то он себя считает до сих пор! – парировал издатель. – И знает мельчайшие подробности жизни этого человека.

– Но подробности жизни зловещего Мстислава не знаем мы! – развел руками Стаvров. – Как же мы проверим- где правда, а где вымысел? Кстати Мстислав Зловещий – это звучит весьма впечатляюще.

Снова раздались сдавленные смешки.

– А вот я, господа, этого Мстислава знал. – внезапно сооб-

шил поэт Авдотьян и взгляды всех присутствовавших тотчас же обратились к нему. – Это поистине загадочная, но весьма интересная личность.

– Так поведайте нам о нем. – попросил Ставров и так как просьба эта была встречена одобрительными возгласами, Авдотьян начал свой рассказ.

...

Про Мстислава Залесского ходили самые разные слухи. Кто-то утверждал, что он сын польского дворянина, лишенный наследства и отцовской благосклонности за распутный образ жизни. Другие говорили, что Залесский никакой вовсе не Залесский и совершенно уж точно не Мстислав. А зовут его на самом деле Яшка Табачник и будто бы из одесского порта он тайком на корабле переправился в Константинополь, а оттуда попал в Европу, где промышлял весьма неблагоприятными делами. Но самым загадочным фактом в запутанной биографии этого персонажа было то, что господин Залесский всегда находился при деньгах. Точнее деньги всегда находились при нем. Источником богатства по мнению большинства судачивших о Мстиславе являлись регулярные карточные выигрыши. И вот именно это невероятное везенье в азартных играх и стало причиной слухов о связи Залесского с самим дьяволом.

Уверяли, будто скрываясь от лихих людей где-то в Бессарабии, Мстислав поселился в квартале, кишашим колдунами и гадалками. Многие из них безусловно являлись мошенниками, однако были и такие, кто впрямь состоял в сношениях с нечистым. К подобным относился встреченный Залесским прорицатель Оскурио. Говорят – именно Оскурио был посредником в страшной сделке между Мстиславом и Сатаной. Дьявол пообещал Залесскому бесконечную удачу в карточных делах, а взамен, как это водится в подобных случаях, попросил душу. Неясным остается лишь вопрос – зачем нечистому потребовалась душа грешника, которая и без того была у Сатаны в кармане. Кажется, эта сделка была выгодной не для всех сторон. Впрочем, помыслы лукавого нам не ведомы, а потому оставим этот вопрос теологам.

Так вот с тех самых пор, как Мстислав Залесский якобы подписал договор кровью, удача везде и всюду сопутствовала его делам. Откровенно говоря, единственным делом, которым данный господин промышлял - была игра на деньги в карты. За несколько лет он совершил ошеломительный карьерный взлет – от бессарабского наперсточника до человека, мастерски обыгрывающего банкиров и чиновников на Французской Ривьере. Сколько сконфуженных господ выходили в одних подштанниках в предрассветные часы из дверей казино! Скольких пустил он по миру! А некоторым и вовсе пришлось наложить на себя руки. Говорят Залесский отличался помимо прочего еще и невероятной жесткостью

по отношению к проигравшим и их семьям. Долгов он никогда не прощал. Как бы ни умоляла его рыдающая вдова какого-нибудь удавившегося неудачника пощадить ее и сирот, Мстислав Залесский оставался непреклонен и требовал уплатить по счетам мужа. Не брезговал он и совсем уж безобразными методами для взыскания выигрыша – как то, например, подослать к должнику сбежавших каторжников жуткого вида для устрашения. Совершенно очевидно, что при таком образе жизни алчный пройдоха нажил не мало врагов. И так как пункт о бессмертии вовсе не входил в договор между дьяволом и Залесским, в один из мрачный ноябрьских дней, когда первый мокрый снег неспеша покрывал промерзшую землю, бездыханное тело картежника обнаружила горничная одной из варшавских гостиниц. В номере не было следов борьбы, да и на теле отсутствовали признаки насилия, однако Залесский был совершенно мертв. Скончался ли Мстислав от сердечного приступа, или ловкая вдовушка должника подсыпала яд, переодевшись кухаркой – этого точно не знает никто. Смерть столь таинственного персонажа породила еще больше слухов и сплетен чем его жизнь. Многие были уверены, что для Залесского настал час расплаты – и Сатана лично приходил забрать обещанное. Утверждали будто бы видели в тот день маячившую у гостиницы мрачную фигуру, одетую в длинный черный плащ из-под полы которого торчали копыта. Нашлись свидетели, видевшие накануне inferнальный красный свет в окне занимаемого Мстиславом номера. Од-

нако все это лишь домыслы и досужие разговоры. Истинная причина кончины Залесского так и осталась загадкой.

...

– Но позвольте, господа! – воскликнул Ставров, – Мстислав Залесский скончался в месте довольно далеко от нашего города. Я, конечно, понимаю, что духам, как и бешеной собаке – семь верст не крюк, но все же как он попал на сеанс к Левицкой?

– Как как? – возмущенно ответил Репнин, – услышал зов. Вы, видимо не верите в способности Магира. Но я убежден, что это невероятно сильный медиум, способный вызвать не то что какого-то Залесского из Варшавы, но и пробудить саму Клеопатру или Нерона!

– То есть нам еще повезло! – язвительно заметил критик, – Мог бы сейчас наш господин Н. устраивать казни неугодных и гонения на христиан.

Рассмеялись снова все кроме издателя, глядевшего на Ставрова с неприкрытой ненавистью. А тот, довольный всеобщим одобрением, продолжал:

– Но что самое интересное! Если Мстислав Залесский продал душу дьяволу, то получается после смерти его душа должна находиться в преисподней, а не таскаться по спири-

тическим сеансам. Это уж, извините меня, нарушение договора! Искренне надеюсь, что дьявол наймет толкового стряпчего и привлечет продажную душу Залесского к ответственности!

Присутствующие покатались от хохота. Лишь мрачный Репнин, стоял сурово потупив взор.

– А в свидетели стоит непременно позвать того самого Онтарио, Обскурио или как его там.

– Оскурио! – поправил Ставрова Авдотьин. – Его я тоже немного знал.

– Какие интересные у вас, господин Авдотьин, знакомства! – с улыбкой заметил Вяземский. – Расскажите уж нам и про Оскурио, коль его таинственная персона всплыла в этой запутанной истории.

– Ах, господа... – грустно ответил поэт, – в моей жизни случались, да и сейчас случаются дни, когда я фатально близок к тому, что б обратиться к этому самому Оскурио.

– Ужель и вы собираетесь заложить душу? – с наигранной растерянностью осведомился Ставров. Кто-то хихикнул, однако большинство, видя серьезную мрачность Авдотьиного, оставили смех.

– Представьте себе. Вам, вероятно, чужды муки творчества и тщеславие, но каждый, кто хоть раз сидел в отчаянии перед чистым листом бумаги, тщетно пытаясь выжать хоть каплю вдохновения, должен меня понять.

– Ну не продавать же, право, душу за стишки! – возмутился Вишневецкий.

– Это смотря какие стишки! – Авдотыин внимательно посмотрел на хозяина дома, – если стишки даруют вечную славу, то почему бы и нет? Вечная слава на вечные муки. По моему, вполне равноценный обмен.

На мгновение в комнате воцарилось гнетущее молчание.

– Ну так и как же состоялось ваше знакомство с этим Мефистофелем? – осведомился профессор Вяземский.

– Мефистофель – это сам дьявол, а Оскурио – всего лишь посредник. Он человек, хотя и весьма жуткий, но человек.

– Неужели вы верите во всю эту чушь? – с неприкрытым раздражением спросил Ставров. – Наверняка это обычный шарлатан, выуживающий из наивных дураков деньги. А взятие Залесского – чистой воды случайность.

– О! Вы не правы. Оскурио не берет денег.

– А что же? Неужто просит расписаться кровью?

– Вовсе нет. Достаточно просто слов.

– Но вы, стало быть, так и не решились? – спросил поэта Вяземский.

– Нет, не решился. Я испугался. – ответил тот.

– Так кто же он все-таки такой – этот злосчастный Оскурио? – Вишневский пододвинул к Авдотьину кресло, приглашая тем самым начать рассказ про посредника дьявола.

...

Никто не знает где и при каких обстоятельствах появился на свет странный господин, именующий себя Оскурио. Неизвестен также точный возраст этого загадочного итальянца. Однако в мистических кругах восточной и южной Европы о нем слышали многие. Говорят, будто бы Дьявол лично явился юному Оскурио и избрал того в посредники между собой и людьми. Иные же утверждают, что мужчина-сын Нечистого, зачатый одной могучей ведьмой на шабаше в Вальпургиеву ночь. Третьи уверены, что Оскурио и есть сам Сатана, принявший человеческое обличье, дабы сбивать с пути людские

души. Сложно установить истину, однако все, кто встречал этого таинственного итальянца, сходятся в одном – он имеет прямой контакт с Дьяволом и меняет души на исполнение заветных желаний.

Список, попавших в цепкие лапы лукавого при помощи Оскурио весьма внушителен. Вмешательству Сатаны приписывают успех многих выдающихся литераторов, художников и даже полководцев. Впрочем, по слухам, Сатана и его посредник не гнушаются и более приземленными людьми. Так, по некоторым сведениям, несколько румынских крестьян таинственным образом разбогатело за весьма короткий срок, а дочь одного зажиточного помещика в Бессарабии сбежала с нищим сапожником. И это, не говоря уже о том, что парочка публичных девиц из дома терпимости в Будапеште внезапно нашли весьма зажиточных покровителей. Впрочем, вполне вероятно, что это лишь совпадения, но вы же знаете людскую молву. Любой незаслуженный успех приписывается проискам Сатаны. Так же было и с неожиданным карточным везеньем уже известного нам Мстислава Залесского.

Поэт Авдотьин повстречал Оскурио при весьма странных обстоятельствах. Волею судьбы он оказался в северном румынском Семиградье, где гостил в древнем замке одной эксцентричной особы. Окруженный глухими лесами, овеянный темными преданиями и слухами, замок мрачно возвышался на одинокой горе, наводя ужас на жителей окрестных дере-

вень. Из слуг в доме были лишь печальный немой дворецкий, да сухонькая старая кухарка. Загадочная хозяйка замка ездила в карете, высунув в окно, обтянутую черной кружевной перчаткой руку с таинственным перстнем на указательном пальце. Никто и никогда не видел ее, сокрытого траурной вуалью, лица. Ходили слухи, что она крадет новорожденных, что за ужином ей прислуживают демоны. Местные сплетницы шептались, что дама родила сына от самого Сатаны, и в черной люльке на цепях диким криком оглашает своды замка дьяволово отродье, требуя человеческой крови. Однако поэту воочию удалось убедиться, что слухи эти совершенно беспочвенны. Но нечто странное все же происходило. В канун праздника, именуемого у католиков днем всех святых, к хозяйке пожаловали весьма необычные гости. Жуткий горбун, мертвецки бледная старуха, одетая в платье позапрошлого столетья, долговязый человек в черном длинном плаще, загадочная молодая дама и тот самый Оскурио. За ужином завязался разговор о творческих муках, и поэт признался, что страдает от иссякшего вдохновения и уязвленного тщеславия. Оскурио, не мешкая, глядя прямо в глаза Авдотьину спросил, чем тот готов пожертвовать ради величия. Итальянец не предлагал в открытую продать душу Дьяволу, но поэт умом и телом чувствовал, о чем на самом деле идет речь.

– Многие великие умы, чтобы остаться в вечности, обрекли себя на вечные муки! – мрачно сказала хозяйка дома.

– Но стоит ли игра свеч? – спросил Авдотьин.

– А это каждый решает сам! – хитро улыбнулся Оскурио. – Но скажу вам вот что – если бы все в этом мире думали о посмертных страданиях, человечество не получило бы ни одного хоть сколько-нибудь годного романа, сонаты или живописного полотна.

– Неужели вы хотите сказать что... – возмутился было поэт.

– Я лишь хочу сказать, что праведники не наследуют величия. – отрезал итальянец.

Ночью, после этого странного ужина Авдотьин никак не мог заснуть. Он лежал с открытыми глазами и с любопытством рассматривал висящий на стене гобелен. Поэт только сейчас заметил, что полотно изображает какую-то извращенную версию микеланджеловского сотворения Адама. Вместо Бога руку Адаму протягивал некто демонического вида. Точнее не руку, а зажатое в когтистой лапе перо. Чем больше Авдотьин смотрел на гобелен, тем больше ему начинало казаться, что персонажи приходят в движение, однако оторвать взгляд он почему-то не мог. Вот рогатая голова повернулась и пристально уставилась на поэта. Еще секунда и Са-

тана шагнул с полотна прямо в комнату. Он вплотную подошел к кровати Авдотьиной, наклонился и испытующе смотрел желтыми змеиными глазами. Все это время поэт силился пошевелиться или закричать, но тело его словно парализовало. В конце концов видение исчезло, а сам Авдотьин провел остаток ночи без сна, размышляя о том привиделось ли ему все это или приснилось.

На утро гости хозяйки таинственным образом испарились. Все, за исключением Оскурио. Он выжидательно смотрел на поэта за завтраком. Авдотьин же напротив старательно прятал от итальянца взгляд. Поняв, что на страшную сделку поэт не согласен, Оскурио вскоре после трапезы отбыл из замка.

...

В комнате после странного рассказа воцарилось молчание, внезапно прерванное самим же рассказчиком:

– Однако скажу вам честно, господа, – бывают дни, когда я жалел, что не согласился на предложение.

– Так ведь никакого приглашения вовсе не было! – воскликнул Ставров, – вы сами нафантазировали себе Бог весть что, сами в это поверили, а теперь еще и нас хотите убедить.

– Именно так и рождается молва о всевозможных колдунах, магах и дьяволовых посредниках, – скептически заметил Вяземский.

– Что ж, – Авдотьян поднялся с кресла, – пусть каждый останется при своем мнении. За сим, позвольте откланяться, время уже за полночь.

Присутствующие обратили внимание, что час и впрямь поздний, и начали постепенно расходиться. Проводив гостей, Вишнеvский задумчиво курил на крыльце, когда краем глаза заметил, как что-то белое промелькнуло в саду и скрылось за беседкой. Он мог бы поклясться, что это была человеческая фигура. Однако кто в дождливую ненастную ночь, мог бегать по раскисшей земле в осеннем саду? Должно быть показалось – решил хозяин усадьбы и отправился спать.

На следующий день после вышеописанного ужина, по городу разлетелась тревожная вестъ – художник Н. сбежал из сумасшедшего дома. Казалось бы, молодой человек в больничной пижаме должен быть хоть кем-то замечен, однако Н. так нигде не объявился. Город посудачил о происшествии недельку, да и забыл о бедном художнике. Однако следующим летом имя Н. вновь всплыло в светских сплетнях. Утверждали, что пропавшего безумца видели в Карловых Варах, и выглядел он совершенно здоровым. Кое-кто клялся, что лично сидел за игральным столом с молодым Н. в Мон-

те-Карло и тому везло так, будто сама Фортуна поцеловала счастливику в голову. Заметили так же, что художник, во все не помнит, что он художник и в речи его сквозит польский выговор. Издатель Репнин уверял всех, что душе Мсти-слава Залесского, вызванной Магиром из преисподней, удалось полностью возобладать над телом Н. И заядлый картежник, оказавшись снова в подлунном мире, принялся за старое. Эти разговоры конечно же не могли пройти мимо ушей поэта Авдотьи́на и вскоре тот совершил неожиданное путешествие в Румынские Карпаты, а уже через несколько месяцев его фамилия украшала роскошный поэтический двухтомник в золотом переплете. Остается только догадываться связаны ли как-то между собою эти события. Однако некоторые уверены, что, убедившись на примере Залесского, что для продажной души все же есть лазейка, Авдотьи́н решился на сделку с Оскурио. Впрочем, это только слухи, и, вполне возможно? что своим успехом поэт обязан вовсе не inferнальным силам, а свежему горному воздуху и молоку карпатских коз.

ДАР

Осенью позапрошлого года я ехал поездом в Кисловодск. Здоровье мое тогда весьма пошатнулось, и доктор Быковский отправил меня на воды. После слякотной и пакостной петербургской погоды с ее пронизывающими до костей ветрами было радостно переместиться в теплые кавказские предгорья. За окном вместо голых ветвей и мокрого снега

мелькали пышные сады, с гнущимися от тяжести плодов яблонями, и тронутыми золотом и багрянцем, но все еще зелеными деревьями. Бабы с чумазыми ребятишками ленно провожали нас взглядом, не выказывавшим уже никакого любопытства. Мол поезд и поезд, не удивишь ты нас гудящей громадиной и не такое видали. У вокзалов с лотка торговали сушеной рыбой и пирогами.

Я давно безвылазно сидел в столице и потому в путешествии своем радостно, как ребенок дивился всему новому и непривычному. Публика в ресторане состояла в большинстве своем из пожилых дам с бесцветными компаньонками. Дамы сплетничали и жаловались на хвори, где-то капризно повизгивали собачонки, немногочисленные господа ловко орудовали приборами, уничтожая телятину с горошком и рыбное заливное. Мы проезжали какую-то безликую станцию, когда в ресторане со мною разговорился один попутчик. Я заприметил его давно. Это был молодой еще лицом человек, но густая его шевелюра серебрилась сединой, словно он отжил уже полвека. Взгляд этого господина был полон невероятной тоски, будто он пережил какое-то страшное горе, навсегда оставившее отпечаток в душе.

Человек этот изредка кидал на меня взгляды, словно примериваясь стоит ли начинать со мною беседу. И то ли от того, что мы с ним путешествовали в одиночестве, то ли от того,

что лицо мое внушило ему доверие, он все же заговорил.

– Не хотелось ли вам хоть на день, хоть на миг – спросил он меня, – поменяться местами с какой-нибудь из этих беззаботных девиц, вроде тех, что со всею серьезностью обсуждают фасоны платьев из журналов?

Вопрос этот меня весьма удивил и озадачил.

– Признаться честно, не очень бы хотелось. – я старался тоном высказать любезность, ибо не желал прекращать разговор.

– А мне хотелось. Да хоть бы и болонкой, хоть бы и муравьем в лесу, а лишь бы не собою.

– Но отчего же так?

Господин этот нервно вздохнул и уставился в окно, словно раздумывая – поведать ли мне свою боль или нет. Природная скрытность боролась в нем с желанием излить душу безымянному попутчику. В конце концов он все же уступил последнему.

– Скажите, – незнакомец наклонился к самому моему лицу, – вы верите в сверхъестественное?

Я снова с удивлением вскинул брови и решил, что должно быть имею дело с тяжелым нервным расстройством. Мне как-то случилось видеть подобное. Сын человека, с которым я имел весьма близкое знакомство, внезапно решил будто одержим духом. Должно быть, и этот господин расскажет нечто похожее.

– Я узнаю этот взгляд, – он грустно усмехнулся, – я и сам бы на вашем месте решил бы что передо мной сумасшедший.

– Отчего же? Я вовсе так не считаю. – соврал я.

– Впрочем может я и впрямь рехнулся и все это мне при-
виделось. Да только вот как же теперь жить?

Незнакомец снова замолк и напряженно смотрел в стекло.

– Я, знаете ли, доктор. Человек науки, – лицо его исказила горькая улыбка, – расскажи мне кто-нибудь год назад, то, что я собираюсь поведать вам, я бы верно счел его безумцем.

– Уверяю вас, что бы вы мне здесь не открыли, я не со-
чту вас сумасшедшим и уж конечно сохраню вашу историю
в тайне. Мне не пристало лезть не в свое дело, однако вижу,
как вас тяготит ваш секрет. Поверьте, в моем лице вы най-
дете понимающего слушателя.

– Чтож ... – доктор тяжело вздохнул и начал свое повествование.

...

Некоторое время назад, а если быть точнее в прошлом октябре я был приглашен в качестве доктора в усадьбу княгини Горбовской. Княгиня эта, Александра Михайловна была тяжело больна в силу уже весьма преклонного возраста. Один дальний родственник ее покойного супруга утверждал, что Горбовской без малого девяносто семь лет. На своем веку она успела схоронить не только собственную дочь, но даже и внучку. О семействе этом ходило великое множество самых странных и нелепых слухов, и, безусловно, как сторонник научного подхода ко всем вещам, я не собирался в них верить или хоть сколько-нибудь принимать их всерьез. Както я слышал у Алябьевых, что будто бы Горбовской на самом деле уж давно более ста лет и живет она так долго от того, что имела противоестественную связь с потусторонним существом. И что самое поразительное утверждал это не кто-нибудь, а профессор Пиотровский, от которого я никак не ожидал подобного рода суждений. Я тогда искренне рассмеялся и подивился тому, что и среди людей науки встречаются престранные экземпляры.

Усадьба у Горбовских оказалась весьма внушительных

размеров, однако в ней царило страшное запустение. Здание старое и жутко обветшалое. Длинные окна в псевдоготическом духе сплошь поросли паутиной, а кое-где и вовсе вместо стекол зияла черная пустота. Полы издавали протяжный скрип и при каждом шаге, казалось, готовы были провалиться куда-то в преисподнею. В коридорах вечерами завывал ветер. Из прислуги лишь кухарка да дворецкий, не многим младше своей отходящей к праотцам хозяйки. У дворецкого помимо общей старческой немощности обнаруживались явные признаки дрожательного паралича. Каждый раз, когда несчастный нес в слабой руке своей канделябр, я был уверен, что он непременно его уронит.

Но, не смотря на общий упадок, дом Горбовских все же хранил некоторые следы былой роскоши. Огромные портреты в массивных рамах украшали стены с почерневшими от сырости обоями. Портреты эти изображали людей красивых и утончённых, франтов и модниц своего времени. Особенно поразила меня дама в напудренном парике, державшая в крошечной руке кремовую розу. Глаза ее были черны как спелые маслины и что-то дьявольски страшное, и притягательное одновременно присутствовало в ее взгляде. Как выяснилось позже это была не кто иная как сама княгиня Александра Михайловна.

Стояли кое-где и весьма любопытные, стоившие должно

быть приличных денег вещи – китайские вазы, изящные статуэтки, шкатулки весьма недурной работы. В библиотеке под толстым слоем пыли истлевали фолианты в старинных переплетах. Но более всего меня впечатлила странная комната вроде дамского будуара. В ней располагалось одно массивное кресло, обитое темно-красной тканью и несколько шкафов с весьма загадочными и древними по виду предметами – бронзовыми чашами, поржавевшими кинжалами и книгами на никогда не встречавшимся мне ранее языке. Комната эта, единственная во всем доме имела витражные окна, с которых смотрело некое странное существо с человеческим лицом и козлиными ногами вроде италийского фавна. Весьма жуткое и с тем интересное место.

Старушка была совсем плоха. Чудо что она вообще дышала. Легкие ее издавали свирепый хрип при каждом вздохе. Казалось, будто какой-то древний несмазанный механизм пытается завестись. Тело Александры Михайловны совершенно ссохлось и походило на жуткую мумию. Восковое морщинистое лицо, просвечивающий сквозь кружевной чепец лысый череп, скрюченные, покрытые пятнами руки. Удивительно, что в ней все еще теплилась жизнь. Глядя на эту умирающую даму, становилось ясно отчего ходят странные слухи о ее более столетнем существовании. Я был уверен, что Александра Михайловна едва ли продержится больше двух дней.

Она часто бредила и металась по кровати, бормоча что-то на неясном языке (как позже я выяснил то был румынский, кровь именно этого народа все еще текла в выпирающих венах княгини). Но иногда старуха замирала и пронзительно глядела перед собой и взгляд, ее взгляд в тот миг был ужасен. Вместо покрытых поволокой глаз, как это часто бывает у стариков, из-под кружевной оборки чепца свирепо блестели черные уголья. В такие моменты, после минутного оцепенения она кричала еще неистовей, словно исторгала проклятья в адрес кого-то невидимого.

Станным образом в доме не оказалось даже сиделки, а всю заботу об умирающей Александре Михайловной взяла на себя правнучка Горбовской Елизавета. Она оказалась весьма юной и привлекательной особой с совершенно ангельским личиком, обрамленным нежными золотистыми кудрями. И оттого ее судьба казалась мне невероятно трагичной. Вместо того, чтобы сверкать на балах и хвастать нарядами, Лиза вынуждена охаживать умирающую родственницу. Запертая в этом скорбном доме, куда не проникают лучи солнечного света, она просто зачахнет, не успев явить свою красоту и обаяние миру.

О Лизавете Горбовской стоит сказать отдельно, коль скоро именно она, а не княгиня, как вы могли подумать все же является главной героиней моей истории. Ах, если бы в те дни, когда я бросал робкие, но исполненные зарождающейся

любви взгляды на эту девушку, я знал то, что ведомо мне теперь я бы сделал все чтоб спасти ее душу. Если бы, любезный попутчик, вы только могли представить, как подводит порой нас чрезмерный материализм. Наука, наука, наука! Мы свято веруем в точность микроскопа и достоверность лабораторных опытов. Все хотим познать пытливым умом, препарировать жизнь как труп в анатомическом театре и напрочь отрицаем то, что не можем объяснить. Я был именно таков. Да таков. О! какую жестокую цену пришлось заплатить мне за мое неверие. Быть может мой рассказ, если вы в него все-таки поверите спасет однажды вас или жизнь близкого вам человека.

Но вернемся к Елизавете. Едва лишь я взглянул на чистое, по-детски невинное ее лицо, сердце мое радостно подпрыгнуло в груди. Да и могло ли быть иначе? Ведь столь доброго и самоотверженного создания я еще не видывал в своей жизни. Лизавета была чрезвычайно привязана к умирающей прабабке и с искренней горечью наблюдала за ее угасанием. Казалось, мучения старухи причиняют и самой правнучке почти физическую боль. Она делала Александре Михайловне компрессы на лоб и смачивала сухие губы водой. Как мила и прекрасна была она в своей усердии заботы о родственнице. Каждая черточка Лизиного лица выражала искреннюю скорбь и участие.

Старушке между тем становилось все хуже. Она харкала

кровью, легкие ее издавали все более свирепые звуки при вдохе, а ясное сознание, кажется и вовсе не возвращалось к ней. Все чаще Александра Михайловна металась в бреду по кровати, выкрикивая что-то по-румынски. Когда рядом с находилась Лиза, княгиня особенно настойчиво повторяла ей одно и то же слово: Даруль, даруль, я ми даруль и тянула к правнучке костлявые руки.

Я поинтересовался у Лизаветы – знает ли она что означают эти фразы. Оказалось, что прабабушка, хочет подарить ей нечто. Вот только не ясно что. Быть может это какая-то фамильная драгоценность. Но Лиза не знала румынского хорошо и оттого, как мне показалось, чувствовала себя виноватой, что не может исполнить последнюю просьбу родственницы и принять загадочный дар.

Я мало чем мог быть полезен в те дни умирающей княгине. Компрессы, уколы, пилюли – все это уже не помогало болящей, а возможно только продлевало ее агонию. Однако присутствие мое было необходимо хотя бы уж, потому что я мог взять на себя часть Лизиных забот и составить ей компанию в столь скорбный час в этом пустом особняке.

Жизнь в подобном месте была весьма непростым испытанием для здоровья и нервов. По ночам, когда в камине догорали немногочисленные дрова, запасы которых остались,

наверное, с каких-то очень давних времен, в комнатах было нестерпимо холодно. В коридорах отчаянно завывал ветер, а в окна стучали ветви деревьев, что явно не способствовало сну.

Единственной моей отрадой в ту пору были прогулки с Лизой в саду. Сад, заброшенный и заросший сорняками был по-своему прекрасен в этом мрачном запустении. Молочный туман по утрам обволакивал старые яблони и вишни, на полуголых ветвях серебрилась паутина, пахло сыростью и прелой листвой. Когда днем Александра Михайловна дремала, Лизавета сама варила кофе и накрывала поднос нам прямо на улице, хоть и было зябко. Она вся заворачивалась в теплую шаль, я кутался в пальто и так, вдвоем, мы коротали время за рассказами о жизни.

Оказалось что Лиза осиротела еще ребенком, родителей своих вовсе не помнит и до пятнадцатилетия воспитывалась в пансионате. Пару лет назад, когда Александра Михайловна стала слабеть здоровьем она выписала правнучку к себе. Сперва Лизавета расстроилась, увидев в каком упадке находится дом, где прошли ранние годы ее жизни, однако будучи существом весьма набожным вскоре смиренно приняла и разорение, и свою неблагоприятную участь сиделки.

Вечера, когда старушка вела себя тихо, мы с Лизой проводили в гостиной, у единственного в доме камина, который

давал достаточно тепла, чтобы не стучать зубами. Я нашел в кабинете старые шахматы весьма искусной работы, обучил Елизавету азам и частенько мы разыгрывали несколько партий, где я, признаюсь поддавался ей самым наивным образом. Но как отраднo было видеть на ее лице радостный румянец, когда Лиза думала, что ей таки удалось меня обыграть. Мы читали ветхие книги из библиотеки. Те, что еще не истлели и не были погрызены мышами. В основном вычурные романы, которые, должно быть не пристало читать молодым девушкам, но надо же было как-то спастись от скуки.

В одно из наших чаепитий я попросил Лизу рассказать немного о прабабушке. И вот что она мне поведала. Александра Михайловна Горбовская, будучи румынкой по происхождению звалась ранее Стефанией. Родословная ее туманна и теряется где-то в горах Трансильвании. Сама Александра-Стефания утверждала, что род ее берет начало от древних воинов Семиградья, однако злые языки поговаривали иное. Кто-то отчаянно распускал сплетни будто бы молодая девушка (а Горбовской на тот момент едва минуло девятнадцать) имела весьма низкое происхождение. Говорили, что князь встретил ее во время путешествия в Валахию, где Стефания разливала сливовицу в трактире, и был так очарован, что, будучи вдовцом, немедля решил жениться на взирая на разницу в положении. Но были и сплетники, опускавшиеся в своей клевете гораздо ниже. Они утверждали, что его сиятельство совершил сей брак вовсе не по доброй воле,

а под воздействием самого дьявола, с которым девица якобы имела связь.

Все эта Лизавета рассказывала мне, смеясь от души. Она, как и я не верила ни единой сплетне, однако находила забавным до чего могут договориться любопытные кумушки.

Итак князь женился на молодой валашке и привез ее в Россию. Здесь Стефания крестилась в православную веру и стала Александрой. Родные Горбовского не приняли иностранку и стали всячески сторониться их дома, хоть мужская их часть и нашла юную особу весьма привлекательной. Так князь с новоиспеченной супругой стали уединенно жить в этом старом поместье. Они не устраивали балов и званых ужинов, почти никуда не выезжали сами. И хотя многие хотели заполучить их гостями, чтобы увидеть наконец загадочную невесту о которой ходили самые невероятные слухи, на все приглашения, пославшие их получали от Горбовских вежливый отказ. А спустя время в обществе начали уж и забывать и о самом князе, и о его скандальной женитьбе.

Вскоре старый конюх, служивший при князе, сбежал из поместья и начал разносить по окрестностям страшные вещи. Он утверждал будто бы молодая супруга Горбовского самая настоящая ведьма- она опаивает мужа ядовитыми отварами, отчего тот лишь безвольно сидит в кресле да смотрит перед собой. Самому конюху все это рассказала гор-

ничная, которую по его же уверению извела новая госпожа. Старик клялся, что собственными глазами видел, как Стефания-Александра перерезала горло несчастной служанки и сцедила ее кровь в странный сосуд. За день до страшной казни горничная успела поведать конюху, что князя регулярно травят, отчего тот или спит с открытыми глазами или бредит наяву, видя демонов и призраков. На кануне, когда горничная разливала чай, Горбовский схватил ее за руку и взмолился о помощи, да только аккурат в тот самый момент, когда пальцы старого князя впились в локоть служанки, в гостиную вошла его супруга. Именно это, по мнению конюха и определило дальнейшую судьбу несчастной женщины.

Кроме прочего старик уверял будто бы ему, страдающему от бессонницы не раз приходилось ночами бродить вокруг господского дома и каждый раз он видел как в одном из окон горел ярко-красный противоестественный демонический свет, будто бы разверзлась преисподняя и оттуда, из этого кошмарного окна доносились жуткие звуки – смешки, разговоры, похотливые стоны – но голоса эти никак не могли принадлежать не то что человеку. но и любому встреченному им ранее существу.

Да вот только можно ли верить пропащему пьянице, чей сливовый нос видел дно стакана чаще чем небесный свод. Но находились и те, кто принимал рассказ старика на ве-

ру. Подкреплялись эти слухи еще и тем, что Горбовские вели уж слишком закрытую жизнь, которая никак не походила на предыдущие годы князя. И отчего эта иностранка такая нелюдимая? Разве не хочется молодой и богатой даме блистать на балах и светских приемах?

Дойдя до этого момента, Лиза, будучи весьма смешливой до этого резко погрузнела.

– Ах, знаете как ужасны эти обвинения? – едва ли не со слезами спросила она. Прадедущка захворал, ведь он был уже не молод. И она, – Лизавета кинула в сторону окна, – будучи верной и любящей женой ухаживала за ним до самой кончины. Как жестока порой бывает молва.

Помню я схватил тогда ее руку, и сам не осознавая что делаю, прижал ее к своим губам. Лиза густо покраснела. Я тотчас же, отпустил ее кисть, а девушка, оправившись от смущения, продолжила рассказ.

Горбовские прожили в уединении полгода, когда по окрестностям разнеслась весть, что князь скончался. Похороны его прошли весьма мрачно и малоллюдно, но от всех, кто на них присутствовал, не утаился факт, что молодая вдова готовится в скором времени стать матерью. Злые языки стали всюду разносить сплетни, настолько отвратительные что повторять их вовсе не пристало приличному человеку.

Говорили будто бы отец будущего младенца вовсе не покойный Горбовский, а сам Владыка Преисподней. Пьяница-коных снова разносил небылицы, дескать не раз видел в окне рогатую фигуру, лобзающую уста молодой женщины.

Вскоре стало известно, что Александра Михайловна родила дочь, которую называли Ольгой, однако ни одна живая душа не могла бы с уверенностью сказать, что дитя это было крещено в христианскую веру. Семейная часовня Горбовских пустовала, расписанный именитым художником свод ее почернел от сырости, а иконы в богатых окладах покрылись плесенью. Лиза объясняла столь печальные обстоятельства тем, что пережившая столько страданий и боль потери прабабушка утратила веру и отвернулась от Господа. Да можно ли ее в том винить? Ведь Александра Михайловна была так молода, а уже вдова с младенцем на руках.

Впрочем, и сам Господь, кажется, отвернулся от семьи Горбовских. Бабушка Лизы -Ольга прожила совсем короткую жизнь. Едва успев выйти и замуж и родить чудесную дочь, названную в честь матери Александрой, она вместе с супругом скончалась от брюшного тифа. Разделили печальную судьбу и Лизины родители – мать умерла от чахотки, а отца сбросила в обрыв впадшая в бешенство лошадь.

Расползлись слухи, будто бы над Горбовскими довлеет

проклятье, насланное на Александру Михайловну за ведьмовские дела и сношения с Дьяволом.

Возможно, в проклятье верила и сама Горбовская, ибо отослала осиротевшую Лизоньку подальше от усадьбы, дабы сберечь ее от злого рока. Александра Михайловна к тому времени была уже в весьма почтенных летах. Она вела уединенную затворническую жизнь. И хоть многие сплетники, любившие полоскать ее имя почти все покинули этот свет в силу старости за княгиней все же закрепились дурная слава ведьмы, поместье считалось весьма дурным местом. Нет-нет, да и всплывали леденящие душу истории, что Горбовская давно уж почилла, а в доме обитает ее жуткий призрак. Оттого решительно никто не хотел наниматься на службу к Александре Михайловне. Лишь старая кухарка да дряхлый дворецкий хранили верность хозяйке.

А вскоре княгиня совсем слегла и приказала послать за правнучкой.

-И вот теперь я здесь, – закончила свой рассказ Лизавета. – Но решительно не знаю, что делать с домом, когда прабабушки не станет. Кажется, он совсем развалился и много за него не дадут, но быть может удастся приобрести хоть небольшую квартирку, хоть бы и комнату, да все же лучше, чем жить на руинах. Вот только не знаю, как поступить с Альбертом (так звали дворецкого) и нашей милой Аннуш-

кой (то была кухарка).

К тому моменту я уже начал замечать в своей душе признаки того светлого щемящего и прекрасного чувства, воспеваемого поэтами и музыкантами и именуемого любовью. Еще боясь признаться самому себе, я ощущал трепетание сердца, но списывал его лишь на волнение, я забывал дышать в ее присутствии, но уверял себя, что это просто скверная привычка. Однако горячая кровь уже разносила вирус любви по моему телу. И оттого мне страстно хотелось забрать бедную девушку из этой мрачной юдоли скорби. Хоть бы и как опекун. Но предложить ей подобное в тот момент у меня не хватило духу.

В один из вечеров, когда мы с Лизой сидели у камина и допивали остывший уже чай из комнаты Александры Михайловной донесся страшный стон. Мы бросились туда немедленно и застали старушку в странной противоестественной позе. Тело ее словно вывернулось, казалось, будто несчастная лежит на высоком камне, подложенном под спину, а голова ее и ноги болтаются вниз. Глаза Горбовской были страшно выпучены, рот искривлен, а чепец почти съехал с головы, обнажая полулысый череп. Она кряхтела, сипела, выла. Увидев краем глаза вошедшую Лизу, старуха что ей мочи сипло прокричала: "Возьми" и протянула вперед левую руку, словно бы в ней был зажат некий предмет. Лизавета испуганно спросила:

– Что? Что взять, прабабушка?

– Воозьмииии! – снова завывла Горбовская, тело ее дрожало от напряжения.

На Лизиных глазах выступили слезы. Она схватила руку умирающей родственницы и прижала ее к своей щеке. Александра Михайловна улыбнулась беззубым ртом, громко вздохнула и испустила дух.

– Отмучилась, – невольно произнес я и закрыл усопшей глаза.

Лизавета так и стояла у кровати, сжимая руку родственницы и глядя на бездыханное тело полными слез глазами. Я обнял это кроткое чуткое и прекрасное создание, и она зашлась глухими рыданиями прямо на моей груди.

Позже мы снова сидели у камина и писали письма по-веренному и некоторым из дальних родственников Горбовских. Впрочем, все они были связаны узами родства лишь с покойным князем и вряд ли стоило ожидать их на похоронах у Александры Михайловны, которую семья так и не приняла за равную.

Как я и предполагал, погребение усопшей было весьма

мрачным и малолюдным. Кроме нас с Лизой, прислуги и поверенного никто так и не явился. Все, кого мы уведомили о кончине княгини, удостоили нас лишь сочувственными письмами, где выражали притворную скорбь и сокрушались о судьбе сиротки. Впрочем, судьба Лизаветы, как выяснилось из завещания ее прабабки, была вовсе не так уж печальна, как все мы предполагали.

Оказалось Горбовская оставила правнучке множество ценных облигаций и весьма внушительную коллекцию старинных драгоценностей, хранящихся в банке. Стоит ли говорить, как я обрадовался, когда услышал обо всем от поверенного. Да и сама Лиза, хоть и хранила траур, а все ж улыбка коснулась уголков ее нежных губ. Все не напрасны были ее труды.

Сами похороны прошли в гнетущей тишине. Гроб опустили в подмерзшую уже землю и все мы озябшими руками бросили в зияющую могилу по горсти земли. Кроме того, в завещании Александра Михайловна настрого запретила себя отпевать, читать по себе какие-либо молитвы, жечь лампы или просить святых заступников и Господа об упокоении ее души. Просьба это, признаться весьма удивила меня. Однако Лиза, несмотря на свою набожность, отнеслась к прабабушкиному велению с чуткостью и пониманием и в точности все соблюла.

Когда мы возвращались с кладбища домой зарядил дождь. Несильный, однако достаточный что промочить одежду. К несчастью, никто из нас не захватил с собою зонт, и я снял с себя пальто и накрыл им Лизу. Она протянула свою руку, чтобы помочь мне держать наш импровизированный тент, но вдруг испуганно ойкнула.

– Мое кольцо!

– Кольцо? – удивился я.

– Память о матушке. Я хранила его все эти годы, а недавно стала носить на указательном пальце, с других оно попросту спадало. Но его нет теперь на мне. Неужто я потеряла когда бросала землю в могилу? Ах, какое несчастье!

Лиза была готова расплакаться. Я обнял ее крепко-крепко, не беспокоясь уже о том, что подумает прислуга и поверенный. В тот момент я наконец признался себе, что люблю и сердце мое всецело и без остатка принадлежит ей.

В эту же ночь я никак не мог заснуть и виной тому была не одна лишь непогода. Хотя признаться дождь и ветер неистовствовали как никогда прежде. Однако я почти не замечал отчаянно хлещущих в окно ветвей и барабанящего ливня. Мысли мои вертелись исключительно вокруг Лиза-

веты. Я понял, что завтра же, непременно должен просить ее руки. Так как опекуна у бедняжки не было, то слово было лишь за самой Лизой. Но как же я волновался. Нравлюсь ли я ей? Мне казалось, что в робких, брошенных на меня взглядах я часто угадывал симпатию, но не придумал ли я ее сам, не играло ли со мной возбужденное чувствами воображение? Ах, такая красавица и с неплохим наследством без труда сыщет себе партию получше. – подобные размышления повергали меня в отчаяние. Однако я обязан был попытаться счастья. И пусть меня отвергнут, пусть я покажусь ей жалким и ничтожным, но лучше уж так чем просто отпустить Лизу, так и не открыв ей своего сердца.

До трех часов я ходил по промозглой комнате туда-сюда и мучил себя сомненьями и надеждами. Когда наконец разум мой совершенно устал от безумного круговорота мыслей, я ощутил, что страшно вымотан. Тело окутала усталость, и, не взирая на жуткие звуки ненастья и царящий холод, я вернулся в одеяло и довольно быстро уснул.

Мне привиделся странный сон. Будто бы я сижу в каком-то скверном трактире, где ошиваются лишь пьяницы да беглые каторжники, а меж столов с пустыми кружками ходит Лизонька и взгляд у нее вовсе не кроткий и девичий, а словно бы как у распутной куртизанки. Она поглядывает в мою сторону и разнузданно хохочет, манит меня пальцем куда-то

кладовую, где хранятся бутылки и бочки с капустой. Я отчего-то безвольно следуя за ней и попадаю в темную комнату, в которой не видно не зги и лишь два страшных желтых змеиных глаза светятся из угла. В ужасе я проснулся и обнаружил что за окном уже брезжил тусклый ноябрьский рассвет, а дождь и ветер наконец то стихли.

Не стану описывать как на дрожащих ногах шел я на встречу к той, что должна была решить мою судьбу, как срывающимся голосом произнес заветные слова, как от радости едва не лишился чувств, получив согласие. Все это уже не имеет значения. Важно лишь что ровно через месяц, когда солнце серебрило сгибающиеся от снежной ноши ветви деревьев, мы с Лизаветой стояли у алтаря. Бедняжке тогда сделалось дурно, и я списал недомогание на обычное в такой ситуации волнение и духоту от свечей и ладана.

Следующие несколько месяцев были самым чудным отрезком моей жизни. Никогда ранее я не был так счастлив, а теперь уж более и не буду.

Лиза казалась мне сущим ангелом – кроткая, добрая, чуткая, всегда готовая прийти на помощь и дать на удивление мудрый для столь юного существа совет. Она живо интересовалась всем – читала книги по анатомии, знакомилась с трудами австрийских психиатров, внимательно изучала статьи об открытиях в области химии. Редко встретишь женщину с

таким пытливым умом и страстью к естественным наукам.

Правда здоровье Лизаветы делалось слабее, она стала весьма часто мучиться мигренью днем и бессонницей ночами. Вскоре выяснилось, что моя супруга страдает сомнамбулизмом – я нашел ее блуждающей во сне по дому, и, если бы не мое вмешательство, она вполне вероятно вышла бы в ночной рубашке прямо на улицу. Я заметил, что недомогание ее особенно обострялось в полнолуние. В такие дни она до сумерек лежала в постели, мучась головной болью, а заснув с наступлением темноты, начинала бродить по дому. Я был крайне обеспокоен подобным недугом, тщательно обследовал ее сам и даже показал ее нескольким знакомым докторам. Все они пришли к выводу, что это просто расшалившиеся после перенесённых невзгод нервы и рекомендовали сменить климат. Оттого мы решили весной непременно съездить на воды.

В конце апреля мы отправились в лечебницу одного живописного городка, притаившегося в горах. И я и Лиза рассчитывали, что свежий горный воздух и нарзанные ванны повлияют на ее здоровье самым наилучшим образом. Так оно сперва и оказалось. Мы наслаждались теплыми лучами весеннего солнца, гуляли по извилистым тропам, как и рекомендовал тамошний врач, и даже ездили верхом по ущельям. Лизавета сияла от счастья и радовалась каждой травинке и букашке, встреченной нами на пути. Однажды она заприме-

тила ярко-зеленую ящерицу и умудрилась ее изловить. Рептилия прожила у нас в номере пару дней, пока испуганная горничная не выбросила ее в окно. Лиза тогда весьма опечалилась, однако я утешил ее уверениями в том, что ящерице на природе куда лучше, чем в гостиничном номере.

Мы познакомились с весьма приятной супружеской четой из Симбирска и, бывало, что вечерами играли с ними в лото на интерес.

Я даже, признаюсь, черт знает зачем украл тогда билетик. На память. Отчего то мне казалось, что в этом билетике сохранится все прелесть нашего путешествия, все чудные памятные моменты. Вот я достану его, погляжу на эти циферки и вспомнится это время. Однако сейчас, после всего что произошло я до жути боюсь на него смотреть. Знаю, что он лежит где-то на одной из последних страниц моего ежедневника, да вот только достать и поглядеть боюсь.

Незнакомец прервал свой монолог и задумчиво уставился куда-то вдаль через оконное стекло. В вагоне-ресторане было уже почти пусто, лишь какой-то маленький пожилкой господин с жидкими седыми усами важно пил чай, внимательно изучая газету.

Спустя неделю нашего пребывания в том месте поведе-

ние моей супруги начало стремительно меняться. Как-то я проснулся от того, что она бредила во сне. Лиза металась по кровати и шептала какие-то странные слова на неизвестном мне языке. Когда я разбудил ее она так и не смогла вспомнить свой сон, а все следующее утро вплоть до обеда провела в постели, ссылаясь на недомогание и разбитость. Вид у нее и впрямь был болезненный – румянец исчез с Лизиного лица, как и легкий загар, полученный на здешнем солнце. Мертвенно бледная она лежала и глядела куда-то прямо перед собой. На секунду мне даже показалось, что ее глаза из ярко-синих вдруг стали угольно черными.

К обеду же Лизавете сделалось лучше. За столом она всю улыбалась, а отварная говядина и несколько глотков каберне вернули краски ее лицу.

Вечером мы отправились на прогулку с Астафьевыми (там самая чета из Симбирска). Стоит ли описывать как прекрасны в таких местах весенние вечера? Вокруг цвело решительно все – вишни, черемуха, сливы и яблони, груши и кажется даже магнолии. На небе, едва поменявшем цвет от заката, всю обрисовывался месяц. Глядя на него, я с досадой обнаружил, что луна почти полная и тут же в уме связал сей факт с недомоганием супруги. Стало быть, снова следует ждать приступов сомнамбулизма. Я не раз слышал о том, что именно полная луна является причиной хождения во сне

и решил, что моя супруга из тех, кто лишний раз подтверждает эту не лишённую логики теорию. Заметила серебряный диск и сама Лизавета. Она несколько мгновений заворуженно глядела на небо, а после внезапно спросила есть ли в здешних горах волки.

В тот же миг мы увидели на возвышенности чёрный силуэт, неясный в вечерних сумерках, но два светящихся глаза явно давали понять, что это зверь. Вряд ли он мог бы нас настигнуть, ибо находился весьма далеко, однако всем стало не по себе, особенно дамам.

Когда наша компания возвращалась в гостиницу, явственно послышался вой – протяжный, скорбный. И даже я, никогда не уличавший себя в трусости, признаюсь весь пошел мурашками от ужаса.

Мне в голову пришла мысль, что раз места эти таят в себе угрозу в виде хищников, лучше бы нам с Лизаветой ближайшие пару ночей бодрствовать, а спать с рассвета и до обеда. Ведь если с бедняжкой случится приступ сомнамбулизма, и она сможет выйти во сне из гостиницы, то кто знает, не повстречается ли ей на пути волк или быть может разбойник.

Лиза охотно согласилась с моей идеей, и мы решили по очереди читать друг другу вслух, однако едва лишь перевалило за полночь я стал замечать, что бороться со сном мо-

ей супруге становится все труднее и труднее. Я уложил жену спать и решил, что лучше буду бдеть один. Увлечшись сперва чтением трудов одного именитого зоолога, я увы, не заметил, как задремал сам, а очнулся лишь когда мой собственный нос ударился о раскрытую книгу. Бросив беглый взгляд на кровать, ваш покорный слуга пришел в неописуемый ужас. Кровать была совершенно пуста. Наспех накинув халат, я бросился вон из номера. В коридорах не было ни души и лишь, когда мои босые ноги коснулись ледяного мрамора парадной лестницы, я увидел Лизин силуэт, медленно бредущий в сторону гор. В голубом лунном свете она казалась внезапно ожившим каменным изваянием. А между тем с покрытых густыми деревьями склонов отчетливо слышался волчий вой. Я что есть мочи рванул к супруге и, настигнув ее смог со спокойным сердцем отвести обратно в номер.

Весь следующий день мы провели в тревогах и волнении. Лиза даже попросила, что бы сегодня я привязал ее к кровати, если вдруг снова выйдет что оба мы заснем. Однако я решил, что лучше скреплю на ночь веревкой наши руки и если она попытается высвободиться, то я непременно проснусь и остановлю ее. На том и условились.

Спустившись к обеду, мы обнаружили что Астафьевы, всегда сидевшие рядом с нашим столиком, отчего-то отсутствовали, а их место занимала пожилая дама, весьма эксцен-

трично одетая. На голове ее был восточный тюрбан со страусовым пером и камнем навроде сапфира. Пальцы морщинистых рук сплошь усеяны кольцами и перстнями.

– Знаете ли вы какая сегодня ночь? – скрипучим полупотом поинтересовалась старушка.

– Полнолуние, – хором ответили мы с супругой.

– Не просто полнолуние! – дама грозно подняла указательный палец. – Вальпургиева ночь! Очень волнующее время для тех, кто верит в оккультные науки. Вы верите в оккультные науки? – она испытующе посмотрела мне прямо в глаза.

– Госпожа, я верю исключительно в естественные науки, к которым имею непосредственное отношение. Я врач.

Она снисходительно ухмыльнулась.

– Вы еще совсем молоды, но наверняка не знаете, что не все в этой жизни можно объяснить вашими естественными науками.

– Конечно нет. Мир полон тайн и загадок. Но я отношусь к натурам, свято верящим в то, что лет эдак через сто наука

найдет ответы на все волнующие человечество вопросы.

Дама неприятно засмеялась и полностью утратив к нам интерес принялась жевать телятину.

Ни я ни жена не придали тогда этому разговору ни малейшего значения, полностью поглощенные мыслью о грядущих нынешней ночью событиях.

Вечером, как и было уговорено мы с Лизой связали свои запястья веревками и легли в постель. Я долго не мог заснуть и глядя на полный диск луны, призрачно светивший прямо в окно, размышлял о странном воздействии этого небесного тела на человеческий организм. Очевидно, что сомнамбулы подвержены влиянию луны, однако, чего ради природой задумано чтобы люди ходили во сне? Мистический аспект подобных явлений я решительно отметал. За раздумьями ваш покорный слуга и сам не заметил, как впал в дрему. Когда я открыл глаза, мне казалось – прошла минута. Я повернулся поглядеть спит ли жена и с ужасом обнаружил что постель снова пуста, а веревка которой мы были связаны, одиноко лежит на Лизиной подушке. Сложно описать всю гамму кошмарных чувств, испытанных мною в то мгновение. Как сумасшедший, в одной лишь ночной рубаше я помчался прочь из гостиницы. Я обежал аллею и прилегающий к ней сад – Лизы нигде не было видно.

Сам не зная почему, ведомый каким-то инстинктом я помчался в сторону гор. В лунном свете голубые деревья неприветливо качали ветвями, казалось, они хотели прогнать меня. Где-то ухал филин. Сухие ветви и камни кололи мои ноги, но до того ли мне было. Остановившись на мгновение отдышаться, я бросил взгляд наверх и какого же было мое удивление, когда на одной из возвышенностей, там, где мы видели волка, я усмотрел хрупкую знакомую фигуру. Это была Лиза. Внимательно взглядевшись, я понял, что она совершенно обнажена. Голая, с распущенными волосами моя жена решительно поднималась все выше и выше по горной тропе. Я хотел бы окликнуть ее, однако Лиза была весьма далеко. Да и обрыв по левую сторону от тропы был крут. Кто знает – проснись она внезапно в таком месте, не оступится ли бедняжка. Я что есть мочи кинулся ей вслед. Пока тело мое гналось в неистовом беге, в голове крутились ободряющие мысли о том, что сомнамбулы, как я слышан и впрямь часто оказываются в опасных местах – будь то крыша или утес, однако никогда оттуда не падают, что является еще одной загадкой для науки.

Вскоре я потерял ее из виду, однако тропа в этом месте вела лишь одна, без развилок. А потому маршрут был как нельзя ясен. Наконец, после изнурительного бега передо мной открылась залитая лунным светом поляна, на которой собралось множество женщин, среди которых была и моя супруга. Сперва я не мог поверить своим глазам – настолько безум-

ным мне показалось это зрелище. Дамы – рыжие, седые, с черными как смоль волосами, полные, пожилые и юные – и все как одна обнажены. Что за невиданное действо? Я притаился за раскидистым кустом и уселся так что б видеть происходящее, не рискуя быть замеченным. Неужели свет полнолуния привлек сюда всех местных сомнамбул?

Внезапно я заметил, что женщины вовсе не вели себя как лунатики. Они смеялись, обсуждали что-то, таинственно перешептывались. Все это длилось до тех пор, пока где-то рядом явственно не послышался тяжелый размеренный топот копыт. Дамы тут же затихли и лица их приняли благоговейные выражения, будто бы они готовились к помазанию елеем. Все они глядели в одну сторону, явно ожидая кого-то. Из-за ветвей мне было сложно разглядеть, что происходит – с северной стороны нагорья поднималось нечто похожее на огромные рога. Сперва я решил, что мне померещилось, но, когда над краем поляны возникла гигантская козлиная голова с желтыми глазами, я чуть было не выдал себя криком ужаса. И лишь зажав дрожащей рукой рот, мне удалось сохранить молчание. Спустя мгновение перед склонившимися женщинами предстало нечто с жутким мохнатым торсом, когтистыми лапами, едва напоминавшими человеческие руки и кривыми ногами с копытами вместо ступней. Ростом она превышало любого самого крупного мужчину и даже находясь на весьма внушительном расстоянии я чувствовал,

как от него разило мерзкой животной вонью. От ужаса я едва не лишился чувств.

Я не буду в подробностях описывать происходившее далее, ибо никто из живущих ныне не заслуживает видеть, хоть бы и в воображение то омерзительное непотребство, что развернулось перед моими глазами. Скажу лишь что самым невинным из жуткого шабаша были отвратительные разнужданные пляски голых женщин. Движения их были настолько безумными и непристойными, что дамы, хоть в тот момент никто бы не отважился их так назвать, совершенно утратили не только достоинство и человеческий облик. Лица их превратились в уродливые гримасы, спутанные волосы делали танцующих похожими на лешего, потные, грязные с кроважидным взглядом и звериным оскалом, они содрогались в жуткой сатанинской пляске. Можно ли описать как больно и отвратительно мне было видеть среди них свою жену? Мою Лизу, мои милую кроткую Лизавету с ангельским лицом и застенчивым взглядом.

Когда дело дошло до вещей настолько гадких и похабных, что даже бывалые завсегдатаи домов терпимости сочли бы творящееся недопустимым, я что есть мочи кинулся прочь и бежал, не останавливаясь до самой гостиницы.

Обессиленный я плюхнулся на ступеньки у входа, и обхватив руками голову пытался осмыслить что видел. Уж не

сошел ли я с ума? А может все это сон? Может мы сейчас с Лизой спим там в номере, в теплой кровати, руки наши связаны лентой и никакой горы, шабаша и рогатого существа не было и в помине? Внезапно совсем рядом послышалось ржание коня. Я поднял голову и обомлел – передо мною, восседая верхом на черном жеребце задорно хохотала та самая пожилая дама, что сидела с нами за обедом. Она была совершенно голой, как и те, кого я видел на горе.

– Я, кажется, все пропустила. Вечно опаздываю, вперед, Голиаф, вперед! – Она хлестнула коня хлыстом и тот стрелю помчался в сторону темнеющих холмов.

Я бросился в номер и собрав все свои вещи решил пешком идти к вокзалу и с первым же поездом покинуть это место. Вы можете меня осудить и будете, наверное, правы. Я знал, что негоже бросать молодую жену вот так одну, но знал я и то, что женщина, которую я видел сегодня это уже не моя жена. Одному Богу да Дьяволу известно, что на самом произошло с Лизаветой.

Прошел почти год и с той поры я ничего не знаю о своей супруге. Мне думается, что все эти нелепые слухи об ведьмовской сущности Александры Михайловны оказались правдой. Она и впрямь была колдуньей и, будучи при смерти передала свой жуткий дар правнучке. Я даже вернулся в деревню близ усадьбы Горбовских и порасспрашивал кре-

стьян, однако мало кто из ныне живущих помнил княгиню. Лишь старики, да и от тех было мало толку.

Вы, вероятно считаете меня сумасшедшим, однако, поверьте в истории, которую я вам поведал, нет ни слова лжи. Я и сам был бы рад, если бы оказалось, что все это выдумка моего воображения. Но, увы. Жизнь моя кончена совершенно. Никогда более я не смогу быть счастлив ни с женщиной, ни наедине с собой. То жуткое чудище, в которое превратилась моя супруга на злосчастной горе в первую майскую ночь, преследует меня во снах. А бывает, я вижу ее в зеркалах и блестящих предметах. Весь год я провел в бессмысленных разъездах, боясь отчего-то оставаться подолгу в одном месте. Вот и теперь, как видите еду.

...

На том мой попутчик замолк, а я признаться честно, не находил что ему ответить. Мне с трудом верилось в эту странную историю, однако же было вполне очевидно, что незнакомец если и лгун, то вовсе не намеренный – сам он твердо убежден в своих словах.

Мы разошлись по своим купе и лежа уже в постели я долго размышлял о том, что же на самом деле случилось с этим человеком – на сумасшедшего он все же не был похож. Но

ж и допустить мысль о ведьмах и шабаше я все же не мог. За подобными рассуждениями на меня навалился сон, и под убаюкивающий стук колес я сладко задремал. Однако вскоре проснулся, ибо из коридора доносился шум и испуганные голоса. Кто-то взволнованно бегал, а сам поезд при этом стоял на какой-то захудалой станции.

Я выглянул из купе и поинтересовался у господина в форме, что же произошло. Оказалось, что некий пассажир выбрался через окно и бросился прямо под поезд. Отчего то я сразу решил, что это мой недавний собеседник. И не ошибся. На станции, под белой простыней, по которой всюду расползлось кровавое пятно, лежало тело. В видневшийся из-под савана руке была зажата какая-то бумажка. Присмотревшись, я различил цифры и квадраты. Билетик лото.

ВЕРОЧКА

I. ПОЛЬ И МОЛЬ

– До чего же странная у Плаксиных девочка. Развита не по годам и смотрит так по-взрослому. Но как мало в ней детской живости. – Размышляла о своей двоюродной племяннице Александра Николаевна Леман. – Решительно, Верочка Плаксина – самый серьезный ребенок на свете.

А сама Верочка тем временем монотонно раскачивалась в

саду на старых, противно скрипящих качелях. Лицо ее сейчас, как и всегда имело выражение необычайного презрения ко всему существу. И одновременно с этим в нем сквозила ядовитая пронизательность. Казалось, эти большие темные глаза на крошечном, почти кукольном личике смотрят вам прямо в душу. Мало кто мог выдержать на себе долгий испытующий Верочкин взгляд.

Вот и вчера за ужином, когда обсуждали жуткую историю, приключившуюся с молодым художником Н., в которого по уверениям молвы вселился некий дух, Верочка, буравя Александру Николаевну своими насмешливо пронзительными глазами, уверенно заявила:

– Это же очевидная выдумка, *ma chère tante!* Духи не могут вселяться в людей. У них своя совершенно особая жизнь.

Все с удивлением уставились на девочку, а старший брат Верочки Поль прыснул от смеха.

– Откуда же тебе это известно? – с улыбкой поинтересовалась Верочкина мать Ольга Михайловна.

– Известно и все! – Верочка ледяным взглядом обвела собравшихся и больше не проронила за ужином ни слова, однако в воздухе повисло какое-то мрачное напряжение. И ни

веселое щебетание недавно купленной канарейки, ни шуточки Поля, ни ласковые вопросы бабушки не смогли это напряжение развеять.

После ужина Верочка сидела в детской и аккуратно раскладывала игрушки. Они уже давно не были ей интересны, она переросла всех этих мишек с пуговичными глазками и тряпичных кукол, однако здесь Верочка ощущала покой и уединение. А кроме прочего, именно в детской, в старом шкафу, пропахшем нафталином и канифолью обитал загадочный Верочкин друг. Сам он не имел имени, а потому девочка прозвала его Молью, ибо кто же еще может жить в шкафу? К тому же слово "Моль" прекрасно рифмовалось с именем ее старшего брата – Поля, что весьма забавляло Верочку.

Сложно сказать, что именно представлял из себя Моль. Может – домовой, о котором частенько толкуют кухарки, а может и привидение. Верочка подозревала в нем неупокоенный дух безвременного усопшего ребенка, а потому относилась к Молю с некоей долей жалости. Да и выглядел он тоже жалко, хотя многие нашли бы его скорее жутким. Маленький, скрюченный с бледно-синюшной кожей, он перемещался по комнате короткими, почти беззвучными перебежками, словно всегда боялся, что его увидят нежелательные лица. Страх этот был напрасен, ибо кроме Верочки, никто из домашних или прислуги Моля не видел. Именно близкое зна-

комство со столь необычным существом и породило в девочке уверенность в том, что мир потустороннего ей отлично известен. И раз уж Моль, будучи неупокоенным духом живет в себе в шкафу, а не таскается по дурацким спиритическим сеансам, стало быть, и история с художником Н. – сплошная выдумка.

– Отчего то мне кажется, что ты умер от кори, – с важным видом сообщила Верочка, когда Моль когтистой рукой открыл скрипучую дверь своего обиталища.

– Может и так, а может и нет, – загадочно прошипело в ответ существо. Иногда Верочке казалось, что Моль и впрямь сам не знает, что он такое и как здесь оказался, однако чаще она подозревала, что тот скрывает какой-то страшный секрет и она всей душой жаждала его выпытать.

– А чем же ты тут занимался, пока меня не было?

– Когда тебя здесь нет меня тоже нет. – Моль перебежал комнату и притаился за тяжелым сливового цвета креслом.

– До чего же дурная птица, – Верочка подошла к клетке, в которой назойливо щебетала канарейка. – Для чего только их заводят? Мне совершенно не нравится это ее пение.

Моль мгновенно переместился в то же место и начал свер-

лить канарейку ледяным злобным взглядом. Не прошло и пары минут, как бедная птичка плюхнулась с жердочки на дно, и, запрокинув вверх когтистые лапки, испустила дух.

– Это ты сделал? – даже не удивившись спросила Верочка странного друга. И получила в ответ лишь загадочную и жуткую улыбку. – Как жаль, что ты не можешь пойти со мной в сад. Но где ты ...

– Верочка! – за дверью раздавались шаги Ольги Михайловны, а вскоре и она сама появилась в проеме двери. Когда мать вошла, Моль беззвучно ретировался в шкаф, а девочка продолжала равнодушно смотреть на мертвую птицу. – Уже очень поздно. Ой, а что же это с ней – Ольга Михайловна заметила канарейку и решив, что Верочка расстроена гибелью пернатой питомицы, принялась ее утешать. – Ах, не переживай. Наверное, она была чем-то больна, с птицами часто такое случается. Дядя Воланд купит тебе другую.

– Я не хочу другую. – спокойно ответила девочка. – Мне не нравятся канарейки. Они невероятно назойливы.

– Что ж.. – только и смогла озадаченно произнести мать, – Однако все же уже поздно. Тебе пора спать.

И Верочка отправилась в свою комнату с горечью раз-

мышляя о том, отчего это Моля поселился именно в игровой, а не в ее спальне. Живи он под Верочкиной кроватью было б намного веселее.

На следующий день, аккуратно в то время, когда Александра Николаевна задумчиво рассуждала о странностях племянницы, сама девочка, раскачиваясь на старых, несмазанных качелях вынашивала план мести. Мстить она собиралась Полю за его наглые насмешки на вчерашнем ужине. Уж я-то найду способ сбить спесь с этого негодника – рассуждала про себя Верочка. Наконец, в ее голову пробралась одна идея, однако, чтобы эту идею воплотить необходимо заручиться поддержкой Моля. Верочка резко затормозила качель левой ногой, и чувствуя на себе чей-то взгляд подняла голову и уставилась прямо на то самое окно, в котором теребя полупрозрачную тюль наблюдала за девочкой ее тетушка. Александра Николаевна в смущении отпрянула от шторы. Верочка же решительно направилась в детскую.

– Можешь ли ты показаться моему брату? – спросила она Моля, когда тот наконец выглянул из темноты шкафа.

– А зачем? – сипло осведомился он.

– Хочу его проучить! Мне очень-очень нужно чтобы ты ему показался.

– А что я получу за это?

– А что ты хочешь?

– Мышь!

– Мышь?! Ты ешь мышей? Вот уж странность! Отродясь не видала призраков, которые едят мышей.

Хотя ты и сам бы мог ее поймать. Наверняка по ночам они здесь бегают. Впрочем ладно, – Верочка с деланной обреченностью вздохнула, – мышь так мышь. – И немного подумав, уже с радостным воодушевлением повторила – Мышь. А знаешь, Моль, ты просто молодец! Мышь – это прекрасная идея. Замечательная идея эта твоя мышь. Я найду тебе мышь, принесу ее сюда. Только ты ее сперва не ешь. Дождись, когда я приведу Поля. Я сообщу ему что видала в детской грызуна и умираю от страха. – Верочка ходила по комнате и с хитрым видом теребила свой черный локон, – Он конечно же, посмеется над моей трусостью и бросится сюда доказывать, что уж он то у нас храбрец. И когда он войдет, ты выберешься из шкафа и заберешь свою мышь. Только не спеши как обычно, пусть он тебя хорошенечко рассмотрит.

– Я не люблю, когда меня рассматривают, – прохрипел Моль, – но за мышь я согласен.

– Вот и отлично, – Верочка хлопнула в ладоши, радостно развернувшись на каблучках и выбежала из детской.

О том что мыши часто живут в норках Верочка читала в энциклопедии про животных. Оттуда же знала она, что мышь бывает полевая, домовая и лесная. Начать поиски девочка решила с последней. На счастье, рядом с усадьбой Плаксиных был небольшой лесок, в котором Верочка и надеялась поймать грызуна. Лесок этот Верочка очень любила. В знойные летние дни здесь всегда было прохладно и немного влажно. Пахло мхом и опавшими листьями. От палящих солнечных лучей защищали пушистой кроной могучие старые дубы. Была в этом лесу какая-то мрачная сказочность. Казалось, что где-то за мшистой корой деревьев или в заросшем тиной пруду живет кто-то древний. Верочка любила взбираться на самый большой, самый старый дуб и, сидя на толстой ветке слушать птиц или читать книгу. Однако сейчас была поздняя осень. Деревья уже стояли беспомощно голыми и лишь на некоторых, как рваное тряпье на нищих, трепались на ветру редкие листья.

– Где же мне найти здесь мышь? – вслух озадаченно размышляла Верочка, разгребая гнилую траву носком ботиночка. – В спячку они совершенно точно не впадают.

Внезапно, краем глаза девочка увидела какое-то странное

шевеление в куче палой листвы. Она подошла поближе и увидела большого черного ворона с переломанным крылом. Тот безуспешно пытался взлететь, отчаянно прыгая.

– Какой красивый! – восхитилась Верочка и наклонилась над раненой птицей. Ворон и впрямь был красив. Черные с синим отливом перья, могучий клюв и агатовые умные глаза. Верочка сняла свой бежевый шарфик и осторожно укутала им беднягу. Ворон не сопротивлялся, он позволил девочке укутать себя и отнести в дом. Там Верочка посадила птицу в освободившуюся от канарейки клетку, насыпала свежих зерен, налила воды и погладив по иссиня-черной головке ласково сказала:

– Не бойся, Фауст. Я тебя обязательно вылечу.

Однако мышь необходимо было все же найти. И как можно скорее.

– Будь я мышью, где бы я обитала – Верочка ходила по комнате и озадаченно чесала подбородок. Но наконец ее осенило – Кладовка! Темный закуток с крупами и съестными припасами – нет места прекрасней для маленького грызуна.

Верочка прокралась на кухню и увидела, что старая кухарка Апполинария сидит у окна подперев рукой голову и похрапывает в унисон старым разохшимся часам. Девочка как

можно тише, стараясь не разбудить Апполиналию прошмыгнула в кладовую. В кладовой было темно и скверно пахло. Сперва Верочка слышала лишь свое дыхание да мерное посапывание кухарки. Однако в скором времени откуда-то справа донеслось осторожное шуршание. Верочка чиркнула припасенной заранее спичкой и пока та горела стала внимательно осматривать углы и полки. Чего тут только не было – огромные мешки с мукой и крупами, банки с соленьями, кадки с кислой капустой, берестяные туески с сушеными травами. Снова зашелестело. Кто-то царапал коготками твердое. Верочка зажгла вторую спичку и увидела, как на маленьком мешке с пшеном сидит крупная серая крыса с огромным хвостом.

– Так-так-так! – девочка вовсе не испугалась. Она подошла к старую оплавленную свечу, схватила с полки пустой мешок, поднявший в воздух облако гороховой пыли, и набросила его на крысу. Не ожидавший нападения грызун был крайне возмущен. Крыса пищала и пыталась прокусить дерюгу. Однако Верочка быстро завернула животное в ткань и выскользнула из кладовки.

– Надеюсь крыса для Моли не хуже, чем мышь. Ведь она крупнее и куда более мясиста. Питайся я грызунами я бы непременно обрадовалась крысе.

– Ты здесь? – Верочка осторожно приоткрыла дверцу

шкафа.

– Дааа.. – прошипел Моль и сверкнул из темноты своими ледяным глазом.

– Посмотри, что я для тебя нашла – девочка держала за хвост обмякшую крысу, – прости, мне пришлось ее придушить. Уж больно она визжала и все норвила вцепиться своими зубищами мне в руку. Надеюсь, ты не хотел с ней поиграться как делают кошки.

– Гыыы, – радостно отозвался Моль.

Верочка положила крысу возле окна, набрала воздуха и истошно крича выбежала из детской. Она знала, что Поль сейчас наверняка бездельничает у себя, и потому направился напрямиком в его комнату.

– Там крыса, огромная крыса, в детской, помоги, помоги же мне – голосила девочка и для убедительности даже расплакалась.

Поль сперва вскочил от неожиданности и с недоумением уставился на сестру. Однако, когда он смекнул что вечно бесстрашная и хладнокровная Верочка бьется сейчас в истерике из-за какого-то несчастного грызуна, то немедля покатился

со смеху.

– До чего же ты смешная. Это всего лишь зверек.

-Ты не видел ее! Она просто огромная.

– Уверен, что там даже не крыса, а маленькая домовая мышка. Пойдем, я прихлопну ее, – Поль осмотрелся по сторонам и взял каминную кочергу, – да хоть бы вот этим.

Он смело направился на сражение с грызуном, а Верочка, продолжая делать вид, будто ей невероятно страшно, робко семенила за братом.

Поль решительно вошел в игровую.

– Вон там, – Верочка дрожащим пальчиком указала на бездыханно лежащего у окна грызуна.

Поль подошел ближе, внимательно присмотрелся и тотчас же расхохотался.

– Да она же мертвая. – от смеха он даже делано схватился за живот. – Ну и трусиха – дохлой крысы испугалась!

Дверь шкафа тем временем тихонько заскрипела. Смеющийся братец повернулся на звук и увидел, как из нафта-

линовой темноты медленно, но уверенно вылазило нечто. Сперва Поль недоуменно и обескураженно пялился на существо. Однако, когда когтистый голый мертвенно-синий уродец появился перед мальчиком весь, Поль завопил от ужаса:

– Мамааа! Маамочка! – и тотчас же вылетел из комнаты. Слышно было как истошно он кричит в коридорах, пытаясь добраться до матушкиной спальни.

Верочка светилась от счастья. Внешне она, конечно, сохраняла свое ехидно-надменное выражение лица, но душа ее ликовала, и будь она обычной доброжелательной девочкой, непременно кинулась бы в пляс. Но Верочка была Верочкой, а потому она лукаво улыбнувшись, уселась в сливовое кресло и стала наблюдать за Модем. Тот молниеносно схватил свою хвостатую награду и крадучись отправился в шкаф.

Аккурат в тот самый момент, когда рыдающий от ужаса Поль привел в комнату испуганную матушку, Моль захлопнул дверцу шкафа и игровая приняла свой обычный повседневный вид.

– Он там. – возвопил Поль, указывая пальцем на шифоньер. Мамочка, я видел его. Мертвец. Синий, страшный.

– Что случилось, братец? – как ни в чем не бывало поин-

тересовалась Верочка.

– Ты что, не видела его?

– Да о ком ты толкуешь?

Ольга Михайловна подошла к шкафу и резко открыла обе дверцы. Внутри висели какие-то старые платья, снизу топорщились мятые подушки из гусяного пуха, пахло затхлостью. Ольга Михайловна раздвинула одежду и, повернувшись к сыну:

– Поль, мальчик мой, здесь никого нет.

– Он был здесь! Я его видел! – как заведенный повторял Верочкин брат. Сама она надменно восседала на кресле, насмешливо поглядывая на брата из-за полуопущенных ресниц.

– Кто здесь был, Верочка?

– Здесь была лишь я, маман!

– Врешь! – Поль резко сменил страх на ярость, – Это ты! Это все твои штучки! Где он? – Мальчик угрожающе надвигался на сестру.

– Ты же видишь, братец, в этой комнате лишь я, ты и татап.

– А крыса? – Поль подскочил к окну и внимательно осмотрел пол. – Вот здесь же на этом месте лежала мертвая крыса. Ты же сама притащила меня сюда, верещала как сумасшедшая.

– Ты, верно, заболел, Паауль, лучше поди приляг в постель. татап, распорядитесь, что бы братцу приготовили примочки. Он явно нездоров. – Верочка произнесла эта таким уверенным взрослым тоном, что привыкшая к подобным ее замашкам мать, почти сразу же согласилась с дочерью.

– Ах, дорогой мой, – Ольга Михайловна приложила ладонь ко лбу сына, – да у тебя и впрямь жар.

– Я абсолютно здоров, татап! Это все ее выходки. Я знаю, что я видел. Я видел мертвеца в этом самом шкафу.

– Мне, право, жутко слушать такие вещи, – Верочка поднялась из кресла, – попрошу Аксиныю послать за доктором.

– Да, да, – растерянно согласилась мать, – доктора... Ольга Михайловна была не на шутку обеспокоена состоянием

сына. В роду Плаксиных уже бывали случаи сумасшествия. Двоюродный брат Алексея Дмитриевича – мужа Ольги Михайловны закончил свою недолгую жизнь в доме для умалишенных.

Стоит заметить, что Ольга Михайловна Плаксина, в девичестве Арсеньева, уже пять лет как овдовевшая, отличалась нравом хоть и спокойным, но временами приходила в крайнюю тревожность. Особенно если речь заходила об отпрысках. Стоило Полю или Верочке расшибить коленку, как воображение Ольги Михайловны начинало рисовать страшные картины умирающего от заражения крови чада. Она тотчас же укладывала пострадавшее дитя в постель, и часами просиживала, подле ожидая худшего.

Вот и сейчас Ольга Плаксина растревожилась не на шутку. Взвинченная произошедшей с Полем оказией, мать с ужасом представляла как несчастного сына увозят в сумасшедший дом, где взлохмаченный с воспаленными глазами он бегает по палате, стараясь убедить докторов, что видел синего покойника в пыльном шкафу. От таких мыслей Ольге Михайловной сделалось совсем и худо – она накалила себе в остывший чай успокоительных капель и, закутавшись в доставшуюся еще от бабушки фамильную шаль, подошла к окну.

Как это и бывает в октябре, стемнело нынче рано. Иссиня-серые сумерки опустились на усадьбу, и казалось, что

где-то там в глубине сада, в густой осенней темноте бродит что-то страшное. Кто-то страшный. Притаился и наблюдает. На мгновение Ольге Михайловне даже показалось будто промелькнули между деревьев дьявольски-красные горящие глаза. Она с омерзением передернула плечами и отошла от окна. Жуткое тревожное предчувствие охватило все ее существо. Грядет что-то плохое. Не раскинуть ли карты у madame Межер? Несмотря на искреннюю веру в Христово учение, госпожа Плаксина нет-нет да и захаживала к давней своей знакомой – французской прорицательнице и гадалке, известной в определенных кругах как Августина Межер. Внезапно раздумья женщины были прерваны – прямо за ее спиной раздалось громкое зловещее карканье ворона. Не зная о спасенной Верочкой птице, Ольга Михайловна от неожиданности и нервного напряжения лишилась чувств.

II. ПТИЧКА

Пернатый друг Верочки, названный ею Фаустом, уверенно шел на поправку. Крыло его зажило, и ворон уже мог всю летать по комнате, однако покидать усадьбу Плаксиных птица вовсе не стремилась. Верочка взяла за моду гулять с ним по вечерам в лесочке. Почву по-ноябрьски подморозило, а потому на обильно усыпанных сосновой хвоей тропинках было вовсе не слякотно. Верочка мрачно шастала между голых деревьев, а Фауст точно обученный сидел на ее плече. Однако не все жильцы усадьбы были обрадованы появлени-

ем нового питомца. Ольга Михайловна, до смерти напуганная внезапным карканьем птицы, ворона сразу же невзлюбила.

– Выпусти его, Верочка, он ведь здоров теперь! Дикой птице не место в доме! – тщетно просила она дочь.

– Я читала в энциклопедии, папан, что вороны невероятно умны. И думаю, если бы Фауст захотел улететь, то непременно бы это сделал. Но он выбрал жить с нами и быть моим другом. Так что, прошу, папан, оставь нас в покое.

Стоит однако заметить, что нелюбовь Ольги Михайловны к Фаусту была взаимна. Каждый раз при ее появлении ворон устрашающе летал вокруг испуганной женщины, издавая зловещее карканье. Впрочем, эта гордая птица не признавала никого кроме своей спасительницы. От Моля же, когда тот выбирался из шкафа, Фауст старался держаться подальше. Кажется, оба Верочкиных приятеля относились друг к другу с явным недоверием.

– Хм, – злобно сверкнул глазами Моль, впервые увидев ворона.

– Это мой новый друг – Фауст, – Верочка хотела было поднести птицу поближе к шкафу, но Фауст встревоженно

упорхнул и, приземлившись на жердочку в открытой клетке, обиженно нахохлился.

– Ну вот, – разочарованно вздохнула девочка и больше уже не пыталась подружить Моля с птицей.

Поздним ноябрьским вечером Ольга Михайловна Плаксина сидела в приемной французской прорицательницы мадам Межер. В помещении царил полумрак и успокаивающе потрескивал камин, а потому отогревшись после промозглой улицы, госпожа Плаксина обмякла в глубоком темно-синем кресле и пребывала в приятном полузабытьи, если не сказать в дреме. Лишь изредка вспоминала она что сюда ее привели скорбные мысли и события и тогда, Плаксина несколько мгновений тревожно рассматривала узор на массивной дубовой двери, ведущей в кабинет гадалки. Но убаюкивающее тепло огня снова морило ее в сон, и голова Ольги Михайловны предательски клонилась на бок.

Наконец тяжелая дверь отворилась и мимо Плаксиной промелькнула худая молодая дама, чем-то напомнившая Ольге Михайловной гувернантку Арсеньевых – Варвару.

Кабинет мадам Межер представлял собой весьма интересное зрелище. Французская прорицательница обладала весьма обширной коллекцией всевозможных чучелок и скелетов. Кроме того, на полках ее шкафов встречались банки с

заспиртованными змеями и какими-то еще более экзотическими существами. Поговаривали, что в особняке имеется тайная комната, сплошь уставленная склянками с заспиртованными человеческими младенцами и будто бы экземпляры в эту жуткую коллекцию Межер поставляют нечистые на руку прозекторы мортуариев. Впрочем, никто из распускавших подобные сплетни не мог поклясться, что лично видел описанное.

– Черная тень на ваш род, – вынесла вердикт мадам Межер, внимательно осмотрев карты.

Ольга Михайловна в ужасе приложила платок ко рту.

– Но что же делать?

– Тссс. – гадалка, закрыв глаза, с минуту держала растопыренную ладонь над раскладом. После чего перевернула одну из карт. С карты этой смотрел на женщин большой черный ворон.

– Ах, – с удивлением воскликнула Плаксина, признав в зловещей птице Фауста.

– Что-то темное поселилось недавно в ваш дом.

– Это Верочка притащила раненного ворона. Он страшно

каркает и нагоняет жути.

– Проклятие, – прошипела мадам Межер, увидев на очередной перевернутой карте рогатое чудовище. А на следующей во всю красовался гроб, что повергло из без того сжавшуюся от испуга Ольгу Михайловну в невероятный ужас. А прорицательница мрачным тоном подтвердила ее опасения:

– Будет смерть. Если не выбросите птицу – ждите в доме покойника.

Госпожа Плаксина от страха, кажется, даже забыла дышать. Она округлившимися глазами буравила карту с гробиком, словно пытаясь стереть это гадкое изображение с поверхности картона. Ольга Михайловна представила, как рассердится Верочка, узнав, что от Фауста необходимо избавиться. Но иного пути нет. Или Фауст или Поль. В том, что умереть должен именно старший ее ребенок, женщина была почему-то уверена.

– Я спасу его, спасу, – шептала она едва слышно онемевшими губами.

– Вы должны защитить свой дом, – гадалка протянула к лицу Плаксиной карту с большим особняком, огороженным увитым плющом забором.

– Ах, как хорошо, что вы меня предупредили, – выйдя из оцепенения Ольга Михайловна схватила руки мадам Межер и сердечно сжала их в своих.

Ночью госпожа Плаксина никак не могла уснуть. Мрачной тенью ходила она, укутавшись в старую шаль и размышляла о сказанном прорицательницей. А что, если Полю в любом случае уготована смерть? Что если изгнание зловещей птицы не поможет спасти его молодую жизнь?

Вконец измучив себя горькими думами, Ольга Михайловна рухнула в кресло. Уставшая и истерзанная тревогой, она провалилась в дрему, пока глухие удары скрипучих часов, возмещавших приход полуночи, не вернул ее к реальности.

– А не выпустить ли ворона немедля? – подумала женщина, приподнялась с кресла, и взяв изрядно оплавленную свечу, направилась в детскую, где и висела клетка со злосчастной птицей. В детской было темно и когда Ольга Михайловна поднесла свечу к Фаусту, его страшная огромная тень обрисовалась на стене. Однако, госпожа Плаксина, решила взять себя в руки и не поддаваться страху, ведь на кону – жизнь ее первенца. Она уже было потянулась к клетке, когда услышала скрип за своей спиной. Ольга Михайловна резко обернулась и уставилась на шифоньер. На мгновение ей показалось что в дверце приоткрытого шкафа сверкнули чьи-то холод-

ные злобные глаза. Она ахнула от удивления, подошла поближе, отдернула двери и осветила свечою содержимое шкафа. С момента, когда женщина видела его в последний раз, оно ни чуточки не изменилось. Внутри были все те же старые платья и пуховые подушки.

Ольга Михайловна решительно направилась к ворону. Она схватила клетку и, плотнее закутавшись в шаль понесла сохранявшую удивительное спокойствие птицу к парадному входу. Верочкина мать оставила клетку с Фаустом в саду, открыв ее настежь и почти бегом вернулась в усадьбу, уверенная что ворон непременно упорхнет из своей тюрьмы.

Однако сам Фауст видимо не считал свою новую обитель тюрьмой. Он одарил убежавшую прочь даму холодным взглядом агатовых глаз и презрительным карканьем, а сам остался флегматично сидеть на жердочке.

Утром же Ольга Михайловна, не найдя Верочку в кровати, отправилась в детскую и с ужасом обнаружила там клетку с вороном. При виде своей вчерашней обидчицы Фауст вылетел из открытой дверцы и сел на Верочкино плечо. Сама же девочка, надменно сложив руки уставилась на мать.

– Не знаете ли Вы, маменька, как мой друг оказался вчера выброшенным в сад? – Верочка была невероятно рассержена и каждый раз, когда она бывала в ярости, то непременно

называла мать не татап, как обычно, а маменькой. Уже по одному ее этому слову госпоже Плаксиной стало понятно, что убедить дочь избавиться от птицы вряд ли получится.

– Ах, ну зачем ты снова его принесла? – Ольга Михайловна сокрушенно взмахнула руками, – он принесет нам несчастье. Из-за него погибнет Польш.

– Какая несусветная чушь, татап. Если Польш и погибнет, то уж наверняка по собственной глупости – объестся мороженым до колик в животе или зазеваается и упадет на мостовую под лошадиные копыта. Но вот уж мой Фауст тут совершеннейше ни при чем.

– Сядь, дорогая моя, сядь, – мать примирительно усадила Верочку в кресло, а сама, приткнувшись рядом на маленький пуфик, начала убеждать ее как можно ласковей, – ты верно знаешь мадам Межер? Она моя давняя знакомая и прорицательница. Мадам всегда точна в своих предсказаниях. Это она за неделю до гибели твоего дядюшки Алексея сообщила мне что грядет утрата. Мадам Межер и сказала мне убрать из дома птицу. А ведь это еще до того, как я сообщила ей что у нас в доме ворон. Пойми, Верочка, – Ольга Михайловна едва сдерживала слезы и перешла на молящий шепот, – если мы не избавимся от твоего Фауста, Польш непременно умрет. Верочка медленно приподнялась с кресла и смерила мать

самым презрительным из всех возможных взглядов.

– А скажите-ка мне, маменька, если бы ваша провидица напророчила вам что причиной возможной гибели Поля стану я, Вы бы и меня посреди ночи выбросили на мороз?

– Да, что ты такое говоришь? – Ольга Михайловна закрыла лицо руками, – Какая же ты жестокая, Верочка!

– Ах это я жестокая? Разве это я выволокла несчастную больную птицу ночью в сад? Разве это я готова причинить страдание собственному ребенку из-за нелепых выдумок какой-то мошенницы? Это Вы, маменька, кошмарная бессердечная женщина!

Верочка злобно топнула ногой и, прихватив с собой клетку с вороном отправилась вон из комнаты.

– Пойдем, Фауст, теперь ты будешь жить у меня. А на ночь – она с ненавистью бросила взгляд на мать, – на ночь мы будем запира́ть двери.

Ольга Михайловна осталась сидеть, понурившись, и с горечью смотрела перед собой. Мысли ее хаотично носились в голове. – Как же быть? Неужели бедному Полю суждено умереть и она, его мать, так и будет бездействовать и просто на-

блюдать как угасает ее дитя. От этой мысли Плаксиной сделалось нестерпимо больно. Конечно, она любила и Верочку. Но Поль, ее первенец, ее ненаглядный мальчик всегда был Ольге Михайловне роднее и ближе дочери, хоть и стыдно было признаваться в подобном даже самой себе. Каким невероятным счастьем наполнялось ее материнское сердце, когда Поль, будучи еще златокудрым ангелочком, розовым младенчиком смеялся в своей кроватке, когда она протягивала ему погремушку. А как радовался весь дом, когда мальчик, поддерживаемый под пухлую ручку нянечкой, делал первые шажочки своими крошечными ножками. Ольга Михайловна горько зарыдала. Как хотелось ей сейчас побежать в комнату дочери, выхватить из клетки чертову птицу и искромсать так чтоб перья во все стороны. Но она не могла. Госпожа Плаксина боялась Верочку. Станным, непонятным, иррациональным страхом. Где-то в глубине души она ощущала, что дочь ее обладает какой-то страшной силой. Но вот какой... Ответа на этот вопрос не было.

Три дня и три ночи Ольга Михайловна Плаксина ходила робкой тенью по собственному дому сама не своя от горя. Подруг у Ольги Михайловной, считай, что и не было, да и те немногие с которыми поддерживала она светскую связь, вряд ли прониклись бы душевной болью несчастной женщины. А вскоре по всему городу наверняка поползли бы слухи о ее сумасшествии. Не было на земле человечка, которому Плаксина могла бы излить свои переживания.

На четвертый день Ольга Михайловна краем уха услышала, как пела что-то себе под нос старая кухарка, месившая тесто для ржаного хлеба.

– Что это ты распелась сегодня, Апполинаруя?

– Молитву, барыня, пою. С Божьим благословением она и работа спорится и хлеб во сладость будет.

Ольга Михайловна ласково улыбнулась богобоязненной старушке и погладила ее по плечу.

Как же я сразу не догадалась, – осенило вдруг Плаксину, – нужно пригласить батюшку, отца Никонора. Пусть освятит все комнаты, все углы. Пусть вся нечисть что желает зла моему ребенку вон изыдет из нашего дома. Может и ворон этот проклятый сам отсюда вылетит.

Ольга Михайловна судорожно засобиравшись во В-й монастырь, надеясь застать там игумена, что бы уже нынешним вечером приступить к изгнанию нечистого из усадьбы.

Отец Никонор, узнав, что его прихожанка навевается к гадалкам, был невероятно раздосадован. Он тотчас же сообщил встревоженной женщине, что пока она не исповедуется

и не покается во грехе, пока не пройдет она таинства святого причастия, ноги его не будет в доме Плаксиных.

Пасмурным морозным вечером, Ольга Михайловна, выполнившая к тому времени все указания священника, ждала игумена. Она печально глядела в окно, за которым белая снежная крупа густо посыпала промерзшую землю. На душе у Плаксиной было все так же тоскливо. Отчего то она была уже заранее убеждена, что вся эта затея с освящением комнат никак не поможет отвести беду от ее несчастного сына. Ольга Михайловна хоть и укоряла себя за маловерие, а все же никак не могла ощутить уже той согревающей надежды, что посетила ее пару дней назад во время кухаркиной молитвы.

Начали со спальни Поля, который к тому времени стал грустной и молчаливой тенью прежнего себя. Отец Никонор дымя кадилом, читал на распев "Живый в помощи Вышняго". Ольга Михайловна робко ходила за ним попятам с горячей свечкой.

– Ах, как чадит то, как чадит, – сокрушалась она, когда в углу свеча начала трещать, испуская к потолку столб черной копоти.

Освятили и Верочкину обитель. Сама она с неизменным презрением наблюдала за процессией, ни словом ни обмол-

вившись ни с матерью, ни с Никонором. Фауст также остался равнодушным к незванным гостям и сидел на жердочке, не издавая ни звука.

Когда же дошли до игровой комнаты, Ольга Михайловна замешкалась в дверях, зацепившись платьем за торчащую щепку. И едва только запах дымящегося ладана разлился в воздухе, из шкафа явственно послышался чих. Слышала его Плаксина, слышал его и отец Никонор. Священник, уверенный отчего то, что это Верочка, проказничая забралась внутрь, медленно приоткрыл шкаф. На мгновение лицо его выражало искреннее недоумение, однако вскоре ужас искажил благородные черты игумена и, тот с криком выбежал из комнаты, задевая кадилом стены.

Ольга Михайловна не испытала даже удивления. Она не испытывала больше уже ничего, кроме опустошающей обреченности. Нет, ее сын Поль не болен – в шифоньере и впрямь поселилось нечто ужасное. Однако от этого вовсе не становилось легче. Ведь сказала же мадам Межер, что это ужасное и уничтожит Поля и дело вовсе не в вороне. Здесь что-то гораздо страшнее. Оставалось лишь смириться и ждать. Ах, до чего же больно, до чего же все это больно.

III. МИЛЫЙ ДРУГ

Не смотря на холодные вечера, Верочке нравилось гулять

с Фаустом в лесочке. Она плотно куталась в теплую черную шаль, прятала руки в соболиную муфточку и важно расхаживала между деревьями, наслаждаясь мрачным пейзажем. Вот и сегодня они с пернатым другом вновь совершали миссию, когда ворон внезапно вспорхнул с Верочкиного плеча и закружился прямо над ней. Птица то отлетала немного в сторону, то вновь возвращалась к своей хозяйке, нервно при этом каркая. Ворон словно бы что-то хотел показать Верочке, будто бы звал ее куда-то.

– Да, что с тобой такое, Фауст? – Верочка насупилась.

Но питомец не унимался – снова каркал, снова кружил, и раздосадованной девочке пришлось последовать за ним. По узкой, едва заметной тропинке, слегка покрытой неверным ноябрьским снегом, они прошли через густую чащу, за которой открывалось старое, почти заброшенное кладбище. Потрескавшиеся плиты со стертыми буквами, скорбные каменные ангелы в изголовьях могил, заросших крупными увядшими сорняками в человеческий рост. Безмолвие и запустение. И над всем этим резкие вскрики ворона, кружащегося над последним пристанищем отживших свой век. Кто-то задрожал бы от страха и тревоги в таком месте, но только не Верочка Плаксина. Она лишь с сожалением думала о запачканных грязью зимних ботиночках. Фауст же тем временем устроился на небольшом мраморном надгробии.

бии, воздвигнутом, если верить надписи в честь безвременно ушедшей Ниночки Левиной десяти лет отроду покинувшей этот бранный мир. На могилке лежали принесенные кем-то недавно, но увядшие от холода бордовые розочки. Верочка с любопытством рассматривала мраморную плиту. Они с этой Ниночкой почти что ровесницы. Интересно, умри сейчас Верочка, расстроилась бы маменька? А Поль? Плакали бы на похоронах тетушки, носили бы цветочки на скорбный холмик?

Верочка прикрыла глаза, и представила свое бледное личико в обрамлении траурных цветов на гробовой подушке. Вот, пришибленная горем убивается над бездыханным телом Ольга Михайловна, вот братец, пораженный внезапной кончиной сестры и впервые увидевший смерть так близко. Тетушка Леман утирает слезинки с распухших глаз, а несчастную бабушку под руки выводят из залы. Верочке ужасно нравилось представлять каково лежится надменно-красивой в богато убранном гробу, молча принимая рыдания и раскаяния страдающий родственников, однако мысль о необходимости презренно тлеть, кормя собою червей казалась невыносимой. Ах, отчего же нельзя промчаться звездным вихрем по небу и распасться на миллионы золоти-стых частиц?

Эти странные Верочкины размышления были внезапно прерваны деликатным покашливанием, донёвшимся отку-

да-то сзади.

– Прошу простить меня, что отвлекаю, – к оградке подошел весьма высокий человек, невероятно худой и бледный. Голова его была как-то неестественно вытянута, отчего напоминала яйцо, а щеки настолько впалые что через тонкую кожу выступали черепные кости. Он снял цилиндр, такой же пепельно-серый, как и его пальто и вежливо раскланялся с Верочкой. Впрочем, поразил девочку не сам жуткий незнакомец, а поведение Фауста, перелетевшего вдруг с надгробия к странному господину на плечо.

– Ах, это ты, милый друг, – человек в пальто ласково погладил указательным пальцем ворона по черной головке.

– Вы знаете Фауста? – Верочка одарила кладбищенского посетителя недобрый взглядом.

– Если вы про эту чудную птицу, то конечно же мы давно знакомы. Мы с ним, можно сказать друзья. – незнакомец говорил каким-то мурлыкающим шепотом, а ворон, как бы в подтверждение его слов громко каркнул в ответ.

– Карл Иоганн Тотерманн, – человек снова снял свой огромный цилиндр и сдержанно поклонился.

– Вера Николаевна Плаксина. Так откуда вам известен

мой Фауст?

– Ах, ворон. Да... Славная птица. – Тотерманн пересадил Фауста себе на руку и вытянув ее вперед стал рассматривать пернатого, будто бы видел впервые. – Удивительная птица. Вы заметили, как часто кружат он здесь, среди запустения и увядания? Это слишком старое кладбище, здешних мертвецов уже и не посещают родные, сами нашедшие покой в иных местах, и лишь вороны – вечные стражники у ворот смерти, отдают дань тем, кто спит под тяжелыми плитами.

Верочка хотела было вернуть Фауста на свое плечо, однако господин в сером пальто осторожно пресек ее попытку.

– Вы и представить себе не можете, – он скорбно посмотрел на девочку, – до чего здесь тоскливо в зимнее время.

– А вы что же, здесь живете? – Верочка была не на шутку заинтригована. Кто же этот Тотерманн? Совершенно определенно не кладбищенский сторож, да и кажется вовсе не живой человек. Нечто на подобие Моля, но в более удобоваримой форме. Должно быть местный мертвец, не нашедший отчего то покоя после собственной гибели.

– Живу? – он делано вздохнул с наигранной грустью.

– Обитаете. Вы должно быть умерли и блуждаете здесь призраком. У нас в доме тоже живет привидение в игровой прямо в шкафу. Заходите к нам как-нибудь на чай. Быть может, вы подружитесь с моим Модем.

– Какое доброе дитя! – Тотерманн с умилением посмотрел на Верочку.

Он наклонился так, чтобы его вытянутая бледно-синяя голова была вровень с лицом девочки и положил свою руку с неестественно длинными пальцами ей на плечо.

– Милый друг, позвольте мне называть вас именно так, ибо я уверен, что мы непременно подружимся. Я бы с величайшим удовольствием посетил вашу чудную усадьбу, но вышло так, что я привязан к этой скорбной обители, – Тотерманн выпрямился и горько вздохнул.

– Удивительное дело, – странный господин весьма заинтриговал Верочку.

– Вы, я вижу, весьма сообразительная особа, и мне не хочется вас обманывать. – Кладбищенский обитатель слегка замялся, произнося эти слова, а взгляд его стал даже несколько робким. – Я, видите ли, вурдалак.

– Вурдалак? – с нескрываемым восторгом воскликнула

Верочка. – Я страсть как люблю истории про вурдалаков. Вот уж никогда бы не подумала, что мне доведется встретить живого... то есть настоящего вурдалака!

– Ну до чего же прелестное дитя! – Тотерманн сложил в умилении ладони. Он был несказанно рад, что девочку не отпугнуло столь неожиданное признание. И, если бы его заставшие упыринные глаза могли бы слезиться, вампир немедленно бы расплакался.

– А чем же вы здесь питаетесь, ведь кладбище давно заброшено?

– И до чего сообразительна! – вурдалак не мог скрыть восхищения юной дамой, – в этом и кроется моя беда. Я голодаю. Уже несколько лет мой рацион составляют лишь редкие кошки да собаки, а зимой и тех днем с огнем не сыщешь. Тоска и голод. Голод и тоска.

Он тяжело вздохнул и помолчав пару минут продолжил:

– Есть лишь одна вещь, что скрашивает мои унылые дни в этом ужасном месте.

Тотерманн достал из кармана своего длинного серого пальто небольшую черную шкатулочку.

Шкатулочка была довольно изысканной работы, эбенового дерева с тонкой, почти кружевной резьбой поверх сплошной крышки. Если внимательно присмотреться, легко было разглядеть в ажурных узорах крошечных скелетов. Скелеты эти изображали пляску в самых разных и причудливых позах, а те, что были ближе всего к центру словно бы водили хоровод вокруг неведомого рогатого существа.

Верочка смотрела на шкатулку словно завороченная. Еще не зная, что там внутри, она страстно захотела обладать этим диковинным предметом. А уж когда Тотерманн приоткрыл крышечку, и маленькая хрупкая балеринка в черном платье начала выписывать пируэты под легкомысленную музыку, девочка захлопала от восторга в ладоши. Однако тут же устыдилась своей внезапной радости и столь бурного ее проявления.

– Занимательная вещица, – произнесла она, как можно более равнодушным тоном.

– Я вижу вам она пришлась по вкусу. Забирайте ее. – Вурдалак протянул Верочке шкатулку, придав своему лицу деланое выражение одновременной доброты и скорби.

– Ах, ну что вы, вовсе не стоит. Вы же сами сказали, что только это вам и приносит нынче радость.

– Так и есть. Приносило. Однако теперь я встретил вас, милый друг! И в знак нашей доброй дружбы прошу принять этот скромный презент.

– Вы невероятно добры. – Верочка взяла шкатулку и чопорно поклонилась. – Однако мне тоже следовало бы что-нибудь вам подарить.

– Ну что вы... Разве что я попрошу вас... о небольшой услуге. – Тотерманн замялся. – Было бы совершенно замечательно, если бы вы смогли привести сюда кого-нибудь... ну скажем из прислуги... кого-нибудь незаметного, чья пропажа не станет бросаться в глаза. Может кого-то из молодых кухарок... дескать сбежала с конюхом...

Верочку сперва удивила просьба вурдалака, но очень быстро на смену изумленным глазам пришла хитрая мстительная улыбка.

Следующим же вечером Ольга Михайловна была поражена переменами, произошедшими в дочери. Вечно хмурая Верочка внезапно стала необычайно ласкова с матерью. Она будто бы и простила ей дурное обращение с любимой птицей, которая тоже к слову сказать присмирела. Несколько раз девочка даже вызывалась сидеть подле кровати больного брата, однако сам Поль весьма негодовал по поводу присут-

ствия сестры и решено было не травмировать его и без того хрупкую душу.

Сама же Ольга Михайловна по совету Лемана стала выписывать некий журнал, популярный в медицинских кругах. В журнале том печатались весьма любопытные статьи австрийских психиатров, однако склонная к мистицизму госпожа Плаксина, находила в сухих научных текстах крайне малое утешение. Пару раз она было порывалась снова навещать мадам Межер, но боясь услышать нечто уж совершенно ужасное, визит откладывала.

Верочкино доброе расположение вселило в Ольгу Михайловну робкую надежду, что Поль пойдет на поправку. Она не могла объяснить себе в чем же была взаимосвязь между настроением дочери и самочувствием сына, но в глубине души ощущала, что связь непременно есть. На радостях госпожа Плаксина даже решила дать ужин, позвав кузину Леман с супругом и сыном Ванечкой. Ванечка был пухлым и довольно заносчивым мальчиком. Частенько их с Полем ссоры заканчивались тасканием друг друга за тоненькие волосишки и расцарапанными лицами. Верочка же Ванечку не переносила на дух. Однако Ольга Михайловна решила, что раз девочка изменила отношение к ней самой может и к Ванечке проникнется теплыми родственными чувствами.

А потому было решено собраться всем в пятницу после вечерней службы на жаренную утку в честь Михайлова дня – помянуть усопших, попросить о здравии болящих.

Вечер, на который госпожа Плаксина возлагала столько надежд, не заладился с самого начала. Поль так и не спустился к столу, а потому ехидный Ванечка выбрал объектом для своих неумных шуток Верочку. Ни одной живой душе не было известно сколько усилий приложила Верочка, чтобы не воткнуть вилку для рыбы в глаз троюродного брата. В момент, когда, орошая слюной свои толстые красные щеки, Ванечка кидал из-под скатерти в сестрицу костями от копченной стерляди, девочка уж было почти решила отправить Тотерманну на ужин именно его. Однако ей удалось сохранить самообладание. Верочка медленно поднялась из-за стола, смерила прыщущего смехом брата самым презрительным из всех имеющихся в ее арсенале взглядов и ледяным тоном отвесила:

– До чего же вы, братец, омерзительны в своих детских шалостях.

И ловко развернувшись на каблучках покинула комнату.

Александра Николаевна, стгорая от стыда принялась отчитывать сына. Ольга Михайловна извинялась за Верочку и убеждала кузину, что Ванечка мальчик, а мальчики все в его

возрасте балуются. Супруг Александры Николаевны – Павел Карлович будто бы и вовсе не замечая происходящего за столом с усердием поедал печеный картофель. Бабушка, весьма сдавшая последнее время в плане умственного здоровья, самозабвенно дегустировала персиковую наливку и рассказывала никому и всем одновременно какую-то стародавнюю историю.

Верочка в это время ходила по своей спальне из угла в угол. Она была мрачнее тучи и кулачки ее до боли сжимались от злости. Как хотелось ей отмолотить самодовольного Ванечку по жирным его щекам.

– Ну ничего, дойдет и до тебя очередь, братец. – Верочка достала из комода маленькую черную книжечку. В нее она аккуратным столбиком записывала имена всех, кому непременно следовало отомстить за нанесенную ранее обиду. И знай наперед те, кто оказались в жутком списке, какая участь им уготована, сделали бы все, дабы умаслить Верочку. Но жизнь наша тем страшна и интересна, что наперед мы не знаем практически ничего.

IV. ШКАТУЛОЧКА

– Зачем же ты гуляешь в таком страшном месте? – Ольга Михайловна, кутаясь в вязанный шарф из козьего пуха пыталась поспеть за дочерью.

– Это Фауст меня туда привел. Я за ним побежала вот и набрела на старое кладбище, – Верочка отвечала матери самым невинным тоном. – Где-то здесь я и обронила перчатку.

Плаксины остановились у могилы Ниночки Левиной.

– Бедная, – Ольга Михайловна с горечью глядело на Ниночкино надгробие, – ах до чего же больно, когда погибают дети. – Мысль о возможной скорой кончине Поля снова терзала ее материнское сердце.

– Да, нет на свете скорби сильнее, чем скорбь родителя о потерянном чаде, – внезапно слева от госпожи Плаксиной возникла длинная сгорбленная фигура Тотерманна. Ольга Михайловна даже вскрикнула от неожиданности. Приглядевшись к странному кладбищенскому посетителю, она испытала ужас и отвращение, однако, решив, что перед ней должно быть отец почившей Ниночки, ссохшийся от безутешного горя, придала своему лицу выражение сочувствия и приветливости.

– Это ваша родственница?

В другое время вурдалак с величайшим удовольствием пустился бы в разговоры, однако сейчас, снедаемый невыно-

симой жаждой, он лишь пробурчал сквозь желтые зубы:

– Все мы чьи-то родственники.

Тотерманн глядел на маленькую пульсирующую жилку на бледной шее Ольги Михайловны, слегка обнажившейся из-за съехавшего шарфа и все его существо жаждало к этой самой жилке поскорее прильнуть.

Не в силах больше терпеть вурдалак накинулся на испуганную женщину и жадно впился в ее горло. Мать Верочки сперва пыталась слабо отбиваться, но спустя пару мгновений безвольно обмякла в когтистых длинных руках упыря.

Глаза Ольги Михайловны с мольбой взирали на дочь, но Верочкино лицо не выражало ни капли сочувствия. Когда же бездыханное уже тело Плаксиной-старшей насытившийся Тотерманн аккуратно возложил на мерзлую землю, девочка удовлетворённо запрокинула голову. Было что-то победное в этом жесте. Вурдалак глядел на нее с удивлением и восхищением. Он знал о Верочке нечто, чего она сама еще не знала, а лишь смутно ощущала в своей хитро-мстительной головке.

Бывают такие люди, чаще это дети, проводники между живыми и мертвыми. Это редкий дар. И мало кто способен его вынести. Многие, завидев призраков лишаются рассудка, или становятся тревожными и мнительными. Но у Верочки

был такой крепкий внутренний стержень, что она не только не боялась потустороннего, но и при должных усилиях могла бы повелевать духами и прочими пришельцами из мрачного мира. Такие как Верочка становятся ведьмами. Или темными медиумами. Тотерманн чувствовал ее силу и даже некую власть над собой, и не мог не восхищаться этим юным и дерзким созданием. Тот факт, что девочка привела к нему жертвой собственную мать и пугал, и радовал его одновременно. Такая ни перед чем ни остановится. Однако в этом крылась и проблема.

– Покорнейше вас благодарю. Но боюсь, что матушку вашу непременно начнут искать.

– И что с того? – Верочка была совершенно спокойна. – Она видимо заблудилась, лишилась чувств, да и замерзла насмерть. С нервными особами вроде нее чего только не приключается.

– Да, да весьма печальная выходит история. Однако же есть и иной способ сокрыть произошедшее.

– И какой же?

– Помните ту славную шкатулочку, что я преподнёс вам в нашу минувшую встречу?

Верочка заинтригованно кивнула.

– Ровно в полночь сегодня. Непременно сегодня, – упырь поднял вверх указательный палец, – поверните в ней ключик. Случится нечто весьма неожиданное и необходимость лгать или прятать тело исчезнет.

Дома Верочка достала свою маленькую тетрадочку и с наслаждением зачеркнула в мрачном списке матушкино имя. До полуночи оставалось еще несколько часов, и девочка решила навестить братца. Она никак не могла понять стоит ли уже считать мечь ему состоявшейся или еще рано. Достаточно ли он настрадался или пускай окончательно тронется умом. Задача была действительно не из легких.

Поль сидел на кровати, подобрал к себе ноги и злобно посмотрел на Верочку, когда та вошла.

– Как ты, братец? – она медленно прошла по комнате и присела рядом с мальчиком.

– Чего тебе нужно? – огрызнулся Поль. – Это из-за тебя я заболел. Ты привела сюда мертвеца, который мучит меня во сне.

– Ах, мой дорогой Поль, – Верочка с наигранной заботой

провела рукой по взлохмаченным волосам брата, – если бы ты был хоть чуточку по ласковей со мной, если бы проявил больше уважения, все могло бы обернуться иначе.

– Убирайся, – мальчик отпихнул сестру.

– Что ж, как знаешь – Верочка мстительно закусил губу и покинула братову обитель окончательно убежденная в необходимости довести своего врага до полного безумия.

В игровой она, как и ожидалось, встретила Моля и с порога начала расспрашивать, что тому известно об упырях и вурдалаках. Выяснилось, что кровопийцы никогда не встречались Молю, оно и понятно ведь в шкафу кроме него никого нет, а о прошлой своей допризрачной жизни распространяться существо не очень-то и любило.

– Как же грустно, что я не могу тебя познакомить с господином Тотерманном. Что за странная шутка судьбы, что ни ты ни он не можете покидать своих мест.

Однако тут же Верочка задумалась о том, что у Моля и Тотерманна в сущности не так уж много общего. Точнее общим была лишь их принадлежность к загробному миру. Моль – скрытный и донельзя странный, вурдалак – довольно общительный и, если бы не пугающая наружность, можно было бы

счесть его весьма обаятельным персонажем.

Тем временем неминуемо надвигалась полночь и чем ближе перемещались стрелки часов к заветной цифре, тем сильнее было Верочкино любопытство. Что же произойдет, когда она перевернет в шкатулочке ключик? Возможно обескровленное тело матери просто исчезнет, испариться как вода из лужи в жаркий июльский полдень? Но это не отменит необходимость объяснять ее таинственное отсутствие слугам и родственникам. А может, вместе с тем она загадочным образом удалится из памяти всех, кто ее знал? Будто бы и не жила на земле никогда Ольга Михайловна Плаксина, в девичестве Арсеньева. Но подействует ли это на саму Верочку? Забудет ли она, что некогда у нее была мать?

Было без четверти двенадцать. Девочка достала шкатулочку и еще раз внимательно ее оглядела. До чего необычный орнамент и какая тонкая искусная работа. И даже ключик – маленький медного цвета покрытый от времени патиной и тот был весьма интересного вида. На головке его был человеческий череп с детально вырезанным рядом зубов. Ключик этот отчего то особенно нравился Верочке.

С первым же ударом старых скрипучих часов девочка провернула его в замке. Шкатулочка привычно открылась. В ней, как это и бывало раньше, закружилась балерина в черном платье и, провертев под незатейливую музыку

несколько пируэтов, снова скрылась под увенчанной изысканной резьбой крышкой.

Верочка расположилась в глубоком кресле и стала ждать. Хотя сама и не понимала, чего же именно.

Она сидела, погружившись в раздумья и каждые четверть часа проверяла помнит ли она еще мать. Всякий раз оказывалось, что Ольга Михайловна, все еще присутствует в сознании дочери. Однако, что же все-таки сейчас произошло? Часы мерно тикали в игровой, где-то в шкафу беспокойно копошился Моль, мокрый снег стучал иногда в дрожащее в рамках стекло. Верочка сама не заметила, как погрузилась в дрему.

Проснувшись она на рассвете, и, едва разлепив сонные глаза не могла сперва поверить, что все еще не спит. Прямо на полу, в окружении старых деревянных игрушек сидела ее матушка, а подле, свернувшись калачиком и, положив лысую голову ей на колени лежал Моль. Ольга Михайловна была бледнее обычного и взгляд ее будто бы слегка подернулся пеленой. Она глядела прямо перед собой, гладила синюшное тельце Моля и слабым голосом напевала себе под нос какую-то странную мелодию.

Ошеломленная Верочка подошла к матери и присела рядом.

– Она теперь и моя мама тоже, – прокряхтел Моль.

Ольга Михайловна, словно вытащенная этим словами из какой-то глубокой внутренней дремы, наконец-то заметила дочь.

– Это ты Верочка? Какие темные нынче дни – не могу отличить утро от вечера. Который сейчас час?

– Без четверти восемь, маман.

Верочка уже успела прийти в себя и быстренько сообразить, что к чему. Стало быть, шкатулочка вернула матушку к жизни. Хотя слово жизнь тут было не совсем уместно. Девочка явственно видела, что та, которая сидит перед ней в игровой вовсе уже и не человек в привычном нам понимании. Однако и не призрак. Вероятнее всего Ольга Михайловна стала вурдалаком, как и Тотерманн. Но отчего же тогда Тотерманн не может покинуть кладбища, а госпожа Плаксина оказалась дома? И нужно ли ей теперь питаться кровью, как и иным упырям? В Верочкиной голове образовалось слишком много вопросов, ответ на которые был в силах дать лишь ей новый друг и оттого она решила этим же вечером непременно посетить его на старом погосте. А пока стоило внимательно наблюдать за матушкой.

Ольга Михайловна целый день словно сомнамбула бродила по дому, не имея при том совершенно никакой цели. Она перемещалась из комнаты в комнату и в каждой вела себя так, будто бы забыла зачем пришла – трогала какие-то вещи, задумчиво глядела в окна, бормотала что-то неразборчивое себе под нос. Но самое удивительное – она ни разу не зашла в спальню Поля. Раньше, как заботливая мать, госпожа Плаксина часами просиживала у изголовья сыновей кровати, но сегодня Ольга Михайловна будто бы вовсе забыла, что мальчик существует и болен.

Оставленный в полном одиночестве бедный Поль сам отправился на поиски матери и обнаружил ее в библиотеке. Она сидела, подпирая рукой голову за тяжелым дубовым столом, за которым частенько любил сидеть ее супруг. Со спины могло показаться, что Ольга Михайловна внимательно читает книгу, однако поверхность стола была совершенно пуста. Лишь старая зеленая лампа тускло освещала восковое лицо Плаксиной. Поль нерешительно приблизился к матери. Своей тревожной, взвинченной нервной болезнью натурой он ощущал, что с ней произошли какие-то жуткие перемены.

– Маман, – робким плаксивым голосом позвал мальчик.

Фигура женщины даже не шелохнулась. На мгновение Полю показалось, что мать его скончалась сидя за столом, что,

в сущности, было не далеко от истины.

– Матушка, – он обошел стол и увидел, что глаза Ольги Михайловны открыты, но глядят они будто бы в никуда. – Матушка, что с вами?

Плаксина наконец-то повернулась на голос и едва скользнув по сыну невидящим взглядом, приподнялась из-за стола.

– Утро сейчас или вечер? – спросила она, и голос ее казался таким же пустым как взор. – Какая странная погода. Совсем невозможно понять. Утро сейчас или вечер..

Ольга Михайловна, продолжая бурчать что-то несвязное поплелась вон из библиотеки, а Поль в отчаянии разрыдался. Он понял, что в этом страшном доме, где в шкафах притаились жуткие мертвецы, ему больше не к кому обратиться за помощью и утешением.

Верочка же, убедившись, что мать в своем нынешнем состоянии не представляет особой угрозы для кого-бы то ни было, отправилась в сумерки на погост. Тотерманн уже ждал ее возле Ниночкиной могилки.

– Ну как все прошло? – спросил он едва девочка приблизилась к нему.

– Что же она теперь такое? Вурдалак, как и вы?

– Ах, нет! Ну что вы... Она... Как бы точнее выразится, – упырь задумчиво почесал подбородок, – Она теперь нежить. Живой труп, если хотите.

– Хм. – Верочка впервые слышала о подобном. Историй о вурдалаках она знала предостаточно, множество раз ей доводилось слышать о призраках и неупокоенных душах. Случалось, что доносились до ее уха рассказы кухарок о всевозможных духах – домовых, леших, кикимор. Но что такое нежить она совершенно не знала.

– У нежитей есть существенный недостаток – с ними невозможно толком вести беседу, они напоминают умалишенных, бродящих по гулким коридорам богадельни. Однако хорошо то, что нежитьям в отличие от нас, упырей, не нужно ни крови, ни плоти. Они решительно ничем не питаются.

– Что ж, – девочка лукаво улыбнулась. – Это просто-таки замечательно. Стало быть, маменьку можно выдать за сумасшедшую и не стоит заботиться о ее рационе. А здорово вы это таки придумали, господин Тотерманн!

Вурдалак услужливо поклонился с деланной скромностью.

– А эта чудесная шкатулочка... Она может лишь превращать покойников в нежить?

– О! Это шкатулочка великая вещь! – Тотерманн наклонился к Верочке и глядя ей в глаза, прошептал – В умелых руках она может очень и очень многое. Но только помните, – он предостерегающе поднял палец, – не стоит прибегать к ее помощи слишком часто.

– Но что? Что еще она умеет?

– Это уже целиком и полностью зависит от ваших сокровенных желаний, милый друг. Шкатулочка теперь ваша и именно ваш внутренний голос она отныне будет слушать.

Тотерманн приподнял цилиндр и, вежливо откланявшись удалился с самым загадочным из всех возможных видов. Верочка же, снедаемая любопытством, поспешила домой. Она страсть как хотела испытать свою новую игрушку.

В усадьбе между тем царило нездоровое оживление. Загадочное поведение Ольги Михайловной не утаилось от прислуги и те, переполошившись не на шутку, послали за доктором.

Игнат Матвеевич Бельский земский врач сорока шести

лет от роду с усталыми глазами и редкой седой бородкой держал слабую руку Плаксиной-старшей и с огорчением качал головой.

– Пульс настолько слаб, что можно подумать будто его во-все и нет. – Доктор осмотрел зрачки Ольги Михайловны, и опечалился еще больше.

– А не было ли у нее кашля? – поняв, что саму больную расспрашивать не стоит, врач обращался к горничной Елизавете.

– Нет, барыня совершенно точно не кашляли. Тревожились последнее время, места себе не находили, но точно не кашляли.

– Стало быть нервное... – задумчиво пробормотал доктор и, достав стетоскоп, начал слушать сердце своей новой пациентки. Бельский прислушивался сидя, затем встал, подошел с другого бока и сокрушенно сел в кресло.

– Удивительный случай. Возможно ли такое? Нужно посоветоваться с Матвеевым и Лазерсоном.

Именно в тот момент, когда врач обдумывал как бы собрать консилиум по поводу столь вопиюще неразгаданной

болезни, в комнату вошла Верочка. Быстро оценив обстановку, девочка смекнула, что присутствие в доме Бельского для нее при нынешнем положении дел крайне нежелательно. Но как отвадить почуявшего научный интерес доктора?

Верочка опрометью кинулась в игровую и посулив Молю всех на свете мышей и крыс, выудила у него обещание показаться Бельскому прямо сейчас.

Когда же потерявшего всякое самообладание от ужаса и истошно кричащего доктора под руки выводили из усадьбы Плаксиных, Верочка наконец успокоилась. Уж теперь то Игнату Матвеевичу будет не до ее матушки. С легким сердцем можно было приступить к изучению шкатулочки и ее таинственных возможностей.

Верочка предусмотрительно заперлась на ключ в своей спальне. Шкатулочка стояла прямо перед ней. Однако девочку мучало множество вопросов. Нужно ли было просить о чем-то вслух или лучше обращаться мысленно? А может и думать не стоит – загадочный черный сундучок сам проберется в укромные уголки ее души и узнает все что необходимо? Верочка закрыла глаза и попыталась прислушаться к самой себе. Что же ей хочется больше всего на свете?

Внезапно крышка шкатулочки самопроизвольно открылась и снова из нее полилась знакомая уже мелодия, запля-

сала балеринка, затрепетало Верочкино сердце.

– Ах, – восторженно сложила руки девочка, – я так и знала, что она угадает сама! Ведь даже я еще не знаю толком, а она уже...

Верочку охватила внезапная радость, хоть причин для веселья и не было. Однако девочка была твердо уверена, что шкатулочка уже исполнила некое ее желание, пусть и неизвестно пока какое.

А тем временем в соседней комнате ее братец Поль с ужасом обнаружил, что у него отнялся язык. Он мучительно пытался произнести хотя бы одно, какое-нибудь самое короткое слово, но изо рта мальчика вырывался лишь несвязное мычание. К кому же обратиться, – лихорадочно думал Поль, – у кого попросить помощи? Матушка, кажется, сошла с ума, слуги мнительны и встревожены, даже доктор ретировался прочь – мальчик видел в дверную щель как кричащего Бельского вели по коридору. Осознав всю безнадежность своего положения, брат Верочки горько заплакал в свою впитавшую уже не одну порцию его слез подушку.

V. СЕМЕЙНЫЙ КРУГ

Обстановка в доме Плаксиных становилась все мрачнее и мрачнее. Ольга Михайловна словно привидение сновала по

комнатам бестолково перекладывая вещи с места на место и бормоча несуразицу. Поль одиноко рыдал в своей комнате, чураясь мать и сестру. Суеверные кухарки, сперва не по-доброму косились на хозяйку и существенно увеличили количество икон в углу, но после одного жуткого случая вовсе сбегали из усадьбы пустив по округе слух, что в доме Плаксиных поселился нечистый и будто подчиняется он непосредственно Верочке.

А случай тот, к слову сказать, был весьма пустяковым. Точнее и не было ничего кроме промозглого декабрьского ветра да разыгравшегося воображения старой Агриппины. Под вечер воскресенья старушка, как это у нее давно заведено набожно молилась своей покровительнице святой Агриппине Римской, а заодно и Николаю Чудотворцу. И аккурат в тот момент, когда кухарка осеняла себя крестным знаменем, кто-то трижды постучал в окно со стороны улицы. Час был уже поздний и стук этот вызвал нервную дрожь в теле испуганной женщины. Однако, преодолевая страх, Агриппина все же отдернула занавеску и увидела, как к стеклу прильнуло страшное бесформенное лицо. Скорее всего это разбушевавшийся ветер прибил к окну полусгнивший кленовый лист. Но много ли надо пожилой суеверной даме, твердо уверенной что в доме Плаксиных всю орудуют дьяволы слуги. Агриппина отскочила от окна, зажалась в угол и всю ночь до самого рассвета промолилась с зажмуренными

глазами. Едва только тусклое зимнее солнце бросило первый луч в мутное окно кухни, старушка собрала все свои немногочисленные пожитки и едва ли не бегом покинула усадьбу.

Вскоре за Агриппиной последовали молодая ее помощница Липа и старый бельмоглазый конюх Егор. Ушла и горничная Ольги Михайловны Елизавета, как ни жалко ей было расставаться с хозяйкой, однако ж жалование платить было не кому. Сама госпожа Плаксина стала слаба умом, а от бабушки давно уже ничего не возможно было добиться.

Кстати, о бабушке. Екатерина Дмитриевна теперь прочно обосновалась в мире собственных грез. Иногда она вела многочасовые беседы с воображаемыми спутниками, порою забывала свой истинный возраст и собиралась точно девушка на выдании на несуществующие балы, а бывало, сокрушалась, что давно не заживал на чай какой-нибудь давно почивший дальний родственник. Словом, здравый ум покинул бедную старушку.

Верочка, найдя бабушку самым безобидным членом семьи, после происшествия с матерью и бегства прислуги взяла на себя заботу о ней. Она носила ей в комнату съестное и вечерами рассказывала удивительные истории о том, как Поль проглотил ежа и лишился речи, а маман переродилась в вампиршу. Екатерина Дмитриевна с ужасом внимала внучке, охала, ахала, всплескивала руками, но спустя пару мгно-

вений напрочь забывала рассказанное. Верочку это отчего то забавляло.

Впрочем, заботилась она и о брате. Если только оставленное на полу в спальне скудное пропитание можно назвать заботой. Поль же настолько одичал, что даже перестал злиться на сестру. Он просто вел тихое существование затравленного зверька, что вполне устраивало Верочку. На радостях она даже вычеркнула его имя из своей маленькой черной книжечки.

Моль благодаря шкатулочкиному волшебству наконец смог покидать игровую. Впрочем, самому ему в этом было мало радости. Шкаф для существа был привычнее и уютней. Однако Верочка настояла, чтобы друг поселился у нее в комнате и даже расчистила свой шифоньер от старых платьев, раз уж Молю так нравятся замкнутые пространства. Девочка даже представила странного приятеля бабушке и та, с умилением погладив его по лысой синюшной головке сказала:

– Поль, мальчик мой, до чего же ты исхудал!

Моль и Верочка прыснули со смеху, а глядя на них, сама не зная от чего расхохоталась и Екатерина Дмитриевна.

Не забыла девочка и про своего нового друга. Както в одну из суббот в быстро сгущающихся зимних сумерках, жда-

ла она господина Тотерманна подле уже известной нам могилы. Вурдалак, к слову сказать, после случая с Ольгой Михайловной, немного похорошел собой, насколько это возможно в его положении. Щеки упыря больше не были пугающе впалыми, да и цвет лица с бледно-синего сменился на фаянсовый бело-розовый. Можно было подумать даже, что перед вами не вампир, а совершенно благопристойный человек из плоти и крови. Однако человеческой крови в нем все ж таки не было, но очень ее хотелось снова. Но Тотерманн не решался просить Верочку об очередной услуге. Вурдалак не знал, что просить ее и не нужно. Список обреченных из черной книжечки хоть и сократился, а все ж таки несколько имен в нем еще имелось. Например, противный кузен Ванечка. Именно его Верочка сама и предложила в качестве новой жертвы Тотерманну.

– Я право польщен, что вы так обо мне заботитесь, милый друг! – если бы вампиры могли краснеть Карл Иоганн Тотерманн был бы пунцового цвета. – Я едва ли мог помышлять, что вы вновь согласитесь прийти мне на помощь, а вы даже и опередили меня, но... – вурдалак неуверенно замялся.

– Что – но?

– Видите ли... Даже у такого падшего существа как упырь бывают все ж таки свои нерушимые принципы.

– И что же это за принципы? – Верочка начинала злиться.

– Понимаете ли... Я не трогаю детей. Я не могу. – Тотерманн едва ли не плакал. – Это никак не возможно.

– Но Ванечка не ребенок. Ему уже тринадцать.

– Ах, милый друг! – он присел на одно колено и взял Верочку за руку. – Это для вас он не ребенок. А для меня все вы дети.

Верочка фыркнула. Однако она быстро смекнула, что уговорить вурдалака не удастся. Как же тогда отомстить мерзкому братцу? Сообразительная девочка быстро придумала решение. Тетушка! Ванечкина мать. Она то уж точно не ребенок. А сам Ванечка, хоть и строит из себя взрослого, но невероятно привязан к Александре Николаевне. То-то же он настрадается. Верочка лукаво улыбнулась своим мыслям.

Нелегкой задачей было придумать – как же привести тетущку на старое кладбище и все же смышлёная девочка с ней блестяще справилась.

Так как прислуга от Плаксиных разбежалась и посылать к Леманам было некого, Верочке не оставалось ничего иного, как самой нанести неожиданный визит родственникам.

Александра Николаевна была удивлена и не на шутку встревожена, увидев мрачную племянницу на пороге собственного дома.

– Ах, маман совершенно больна, вы просто не представляете как ужасно, – Верочка разрыдалась. С таким непревзойденным актерским талантом ей бы достались все главные роли в уездном театре, поставь она своей целью их получить.

– О, Господи, Господи – запрочитала госпожа Леман, – но что же случилось? Я слышала, что у Ольги Михайловны что-то нервное. Впрочем, слухи ходили разные... – Александра Николаевна с ужасом вспомнила рассказы экономки, которой в свою очередь поведала жуткую историю знакомица сбежавшей кухарки Плаксиных. Говорили будто Верочка вызвала самого Сатану из преисподней и тот подчинил себе Ольгу Михайловну и изничтожил Поля. Будто бы живут они все вместе страшным дьявольским семейством, выбросили все кресты и иконы, служат богомерзкие черные мессы Лукавому. Впрочем, сама Александра Николаевна в подобные рассказы не верила. Мало ли о чем судачат полуграмотные старухи. Вот и сейчас она была уверена, что Ольге Михайловной, тронувшейся вероятно умом на почве болезни сына, срочно необходима помощь и участие. Верочка еще слишком мала, чтобы одна тащить на себе такой груз. Бедный ре-

бенок. Однако где-то в глубине души госпожа Леман ощущала, что племянница ее вовсе не то, чем кажется на самом деле. Но увы, мы не всегда прислушиваемся к нашим страхам, особенно если стремление помочь ближнему заглушает другие чувства.

Верочка сумела убедить тетушку, что Ольга Михайловна отчего то внушила себе что Поль скончался и похоронен на старом заброшенном кладбище и потому она целый день неприкаянно слоняется по заснеженному погосту, ища несуществующую могилку сына. А потому нужно как можно скорее увести ее оттуда, пока несчастная женщина не замерзла насмерть подле какого-нибудь разошедшегося от времени надгробия.

Все произошло почти так же, как и с Плаксиной-старшей. Однако в этот раз Верочка зачем-то решила сперва представить Тотерманна Александре Николаевне, а вурдалак, увидев госпожу Леман даже порозвел от смущения. Алескандра Николаевна Леман, к слову сказать была довольно красивой дамой. Синие, с поволокой глаза, густые соболиные брови, аккуратный носик и маленький рот с по-детски вздернутой верхней губой. Многих мужчин пленяла наружность Верочкиной тети, и Карл Иоган Тотерманн, даже будучи упырем, не смог устоять перед женскими чарами. Он давно уже бродил по этому скорбному месту в одиночестве и частенько изнывал не только от голода, но и от тоски. Даже вурдалакам

хочется человеческого тепла. А потому, увидев прекрасное лицо госпожи Леман, вампир понял, что судьба в лице Верочки предоставила ему уникальный шанс. Тотерман испил лишь немного крови парализованной ужасом тетушки, а после, надрезав длинным когтем свою руку, приложил ее к губам жертвы. Да кровь вурдалаков темно-багровая и течет так медленно, что не согревает тела, а все же достаточно испить лишь каплю, чтобы навсегда обратиться в вампира.

Верочка быстро сообразила, что произошло, однако совершенно не расстроилась. Напротив, у нее появилась надежда, что может как-нибудь Александра Николаевна обратит и Ванечку или попросту выпьет его, забыв о родственных чувствах. Впрочем, это не так уж и важно. Но как было бы здорово если бы, и тетушка и Тотерманн смогли поселиться у Плаксиных. С этими мыслями Верочка и поспешила домой, к шкатулочке.

Когда Александра Николаевна очнулась на руках Тотерманна, она, как это ни странно нисколько не испугалась. Напротив, ощутила какие-то родственные близкие чувства к этому совершенно не знакомому человеку. Впрочем, новообращенная вампирша еще не знала, что ни странный господин перед ней, ни она сама больше не являются людьми.

Они сидели прямо на сугробе подле могилки, и огромные снежные хлопья падали на рыжеватые волосы Верочкиной

тети, отчего она казалась Тотерманну еще красивее. Вурдалак рассказал Александре Николаевной все. О том, кто они оба теперь такие, о том, как живется упырям, о том, как он был одинок и несчастен пока судьба не послала ему подарок в виде ее прекрасных глаз. Поведал Тотерманн также историю своего обращения – как почти пол века назад он потерял свою единственную дочь Ниночку, чей прах покоится в этой промерзлой земле, как не имея возможности выносить страдания он уехал куда глядят глаза и оказался в Карпатских горах, как встретил там древнего как мир колдуна, которому посулил отдать что угодно лишь бы всегда быть с дочерью, как колдун обманул его обратив заклинанием в вурдалака и навеки приковал его к этой могиле. Да теперь они и впрямь всегда рядом с Ниночкой, но, разве на такой исход рассчитывал безутешный отец?

Госпожа Леман слушала своего нового друга, и слезы текли по ее побледневшим щекам. Как трогательно было его горе и как же удивительно было то, что вурдалаки оказывается способны так тонко чувствовать и переживать.

– Я буду здесь с вами. – Александра Николаевна вытерла мокрое лицо платком, – домой мне теперь нельзя. Я, наверное, опасна... Ах, бедный Ванечка... – Она снова разрыдалась.

Тотерманн сочувственно обнял женщину.

– Однако я уверена, что они справятся, справятся без меня... А вы... Ваше горе так глубоко и неистово. Как же вы здесь один все эти годы?

Вурдалак не ответил. Он лишь с чувством сжал руку Александры Николаевны и подобострастно приложил ее тонкую кисть к своим губам.

Они могли бы просидеть здесь, наверное, вечность, вот так вдвоем, обнявшись, прямо на Ниночкиной могилке, невзирая на метель, однако судьба уготовила этой странной паре нечто другое. И первым это почувствовал Тотерманн. Он вдруг понял, что какая-то неведомая сила разорвала цепи, приковавшие его к этому месту, проклятие пало. Да, Карл Иоганн все еще упырь и навсегда им останется, но он больше не обязан скитаться по кладбищу. Свобода! Но как? Тотерманн быстро смекнул, что без Верочки Плаксиной в этом деле не обошлось. Он сразу понял как сильна эта девочка, но даже и не мог предположить на что употребить она свою силу. Вурдалак был преисполнен такой неги и благодарности и к Верочке, и к госпоже Леман, что, не справившись с нахлынувшими чувствами разрыдался как влюбленная школьница.

– Что же это? Что с вами? – Александра Николаевна недо-

уменно смотрела на нового друга.

– Это от счастья. Вы и представить не можете... как я счастлив. – Впервые за полвека Карл Иоганн Тотерманн ощущал безграничное блаженство. Он теперь не один и он свободен.

– Идемте же, – вурдалак поднялся на ноги, схватил ошеломленную Верочкину тетушку в охапку, и прямо так с нею на руках торжественно направился в усадьбу Плаксиных.

Верочка взвизгнула от восторга, увидев на пороге эту пару упырей.

– Ничего не понимаю, – рассеяно лепетала Александра Николаевна, – разве вы не говорили будто навсегда прикованы к кладбищу?

– Был! Был прикован до сего момента. Но отныне нет, благодаря этой чудесной волшебнице... – Тотерманн стал на одно колено и поцеловал подол Верочкиного платья. – Благодарю, – прошептал он с чувством.

Дом Плаксиных приходил в упадок. Ступеньки давно не метенного крыльца покрылись трещинами, мох завладел гипсовыми вазонами в саду, а некоторые из окон, разбитые озорными деревенскими мальчишками зияли пугающей

чернотой. Случайно заблудшему в эти края путнику могло показаться, что усадьба давно оставлена прежними хозяевами и лишь ветер и крысы снуют по опустевшим комнатам. Однако это было совершенно не так. Плаксины продолжали обитать в своем жилище, порождая массу леденящих душу историй среди жителей окрестности. Немногочисленные родственники, напуганные страшными слухами, чурались проклятого семейства.

Ольга Михайловна совсем перестала разговаривать и большей частью безмолвно сидела в библиотечном кресле. Поль подружился с Модем, если только совместное поедание отловленных крыс в платяном шкафу можно было назвать дружбой. Александра Николаевна и Тотерманн словно молодожены ворковали по углам. И даже тот факт, что питаться им приходилось большей частью бродячими собаками, не омрачал их странного существования. Своему супругу госпожа Леман отправила загадочное письмо, в котором сообщала ему что уехала с молодым офицером в Ялту и просила ее не искать. Бабушка скончалась и была, как и Ольга Михайловна при помощи шкатулочки обращена в нежить. Верочка же с подачи Тотерманна всерьез увлеклась оккультными практиками. Она изучала демонологию и варение страшных зелий, способных призывать мощных потусторонних существ, открывала для себя тайны некромантии и искусство проклятий, в ней зрела могучая колдунья.

Вот и сейчас девочка снова каталась на скрипучих качелях, погрузившись в чтение "Тайных ритуалов древнеегипетских жрецов", а тетушка опять наблюдала за ней из окна. Однако на этот раз с любовью и умилением. Александра Николаевна, как и Тотерманн чувствовала теперь в Верочке ее неистовую силу.

– До чего же славная выросла девочка! Умна не по годам и так серьезна!

Вечерами они собирались на ужин, и молча сидели перед пустыми тарелками при мерцающих свечах. Мертвенно бледные нежити – бабушка и мать, синюшные вурдалаки – тетушка и Тотерманн, полуживой Поль, призрачный Моль – все они с благодарностью глядели на Верочку, словно она была источником их блаженства. Мрачная девочка с черным вороном на плече по-хозяйски взирала на семейство. Теперь она в полной мере ощущала свою темную силу.

СДЕЛКА

Каждый раз, когда я вот так смотрю из окна на печальный сад, по которому сиротливо бродят странные мужчины в серых одеждах, мне кажется нет на земле более скорбного места чем наша лечебница. Мрачный приют заблудших душ. Последнее пристанище тех, чья воля уже не подвластна разуму. Лишь наблюдая страдания и муки несчастных обитателей домов призрения умалишенных можно искренне осо-

знать ценность не тронутого безумием сознания. Блажен тот, кто никогда не бывал в стенах подобных учреждений.

Больница наша занимает собой два этажа и располагает тридцатью койками для страдающих душевными расстройствами. На верхнем живут тихие, в нижнем же содержатся буйные, а тех из них, кто бывает опасен, доктор Пещерский отправляет бывает и вовсе в подвал. Среди спокойных, особой любовью у всех, кто здесь служит, пользуется блаженный старичок Амвросий, хоть по документам он и значится Иваном, а все же называет себя не иначе как Амвросием. Любит Амвросий пророчествовать и некоторые из сестер милосердия охотно верят в его предсказания и что еще удивительнее внимают советам старика. Кроме провидца живут на втором этаже и могучий конюх Афанасий, лишившийся ума после удара лошадиным копытом в голову, и нищий Палашка вечно кривляющийся и кричащий то петухом, то выпью, и разорившийся помещик Илья Скопинцев – молчаливый, монотонно раскачивающийся на месте рыжий и включенный. Пара отставных военных, несколько с рождения юродивых, да еще всякие по разным причинам свихнувшиеся господа. Все они в общем-то кроткие и безобидные, чего не скажешь об обитателях первого этажа. Там в одиночных комнатах с решетками на окнах живут наиболее спесивые и даже опасные пациенты. Сестры милосердия к ним не допускаются, а еду разносит рослый детина Еремей, служащий у нас также

сторожем.

Самый неистовый и неумный в своем безумии – Андрей Артемьев. История его сумасшествия наводит ужас на всех, кто ее когда-либо слышал. Артемьев был купцом средней руки, и хотя дела его шли весьма неплохо мечтал разбогатеть так, что б деньгам вовсе не было счету. Сам он утверждает будто бы встретил старичка премерзкой наружности в котором купец не без труда узнал Нечистого. Старичок этот, как и бывает в подобных случаях посулил купцу богатство попросив взамен бессмертную душу. Пациент наш согласился не раздумывая. А дальше началось странное. Не сказать, чтобы Артемьев сильно разжился имуществом лишь немногим лучше стали разбирать товар в его лавке, а вот расплаты Сатана потребовал немедленной. В один из зимних вечеров, по уверению купца Дьявол явился перед ним уже не старичком, а гигантским козлободобным отродьем и сообщил что забирает душу Артемьева. Купец пробовал возмущаться и указал что обещанное богатство так и не было ему ниспослано, но Лукавый и слушать ничего не хотел. Однако страшной ценой все же удалось выменять отсрочку. Артемьев той же ночью зарубил топором жену и троих своих детей, а полицмейстеру объяснил столь кровавое действие необходимой жертвой Темному Владыке. Леденящие душу подробности зверских убийств долго потом еще перепечатывались из газеты в газету и разносились по кухням и рынкам взбудораженными кумушками. С тех пор, признанный помешанным,

Артемьев стремится умерщвить всякого кто попадает в его поле зрения дабы откупиться от своего мнимого кредитора. Он сидит одиноко в своей убогой комнатенке и часто ночами оглашает лечебницу жуткими криками, на которые тотчас же отзываются его соседи и тогда вся больница наполняется безумной какофонией, сливающейся в конце концов в единый вой наподобие волчьего.

Еще одним весьма необычным и опасным обитателем лечебницы является бывший когда-то священником, а ныне расстриженный Игнатий Епифанцев. Несмотря на церковный сан, Игнатий был не дурак приложиться к бутылке и часто бывало, что упивался до горячечного бреда, бросался на окружающих с кулаками, крушил прилавки и бил посуду в трактирах. После того, как батюшка, налкавшись ерофеича едва не придушил полового, Епифанцева на время поместили в тюремную больницу, но вскоре присмирившего и вроде бы как исправившегося выписали. Однако не прошло и недели, как Игнатий принялся за старое. В конце концов священник сам явился к доктору Пещерскому и стал уверять что в его теле помимо собственного духа поселилась еще душа пропойцы, каторжника и душегуба по имени Демьян и что именно этот самый Демьян и заставляет бедного Игнатия пить и драться. Пещерский решил поместить его на второй этаж, полагая, что лишенный доступа к алкоголю Епифанцев будет вести себя тихо и благопристойно, а за неделю симптомы *Delirium tremens* у больного пройдут и он без-

условно пойдет на поправку. Но внезапно выяснилось нечто весьма странное: несмотря на полное отсутствие каких-либо опьяняющих субстанций в организме бывшего батюшки, Игнатий все равно пару раз в месяц мнил себя Демьяном и неистово буйствовал, грозя уничтожить всю лечебницу отчего и был переселен на нижний этаж в отдельную палату. Доктор Пещерский решил лечить его сеансами гипноза, однако это не привело к хоть сколько-нибудь положительному результату. Елифанцев по-прежнему был кроток и добр как Игнатий, но воинственен и не обуздан, когда оборачивался Демьяном.

Однако самым удивительным нашим пациентом по праву можно считать молодого художника Николая Лепницкого. История его болезни весьма необычна, а сам он помещен на первый этаж вследствие абсолютной непредсказуемости поведения. Дело в том, что некоторое время назад Лепницкий всерьез увлекся оккультными науками и даже посещал городское спиритическое сообщество, основанное весьма уважаемой особой. На одном из сеансов, проводимых известным в определенных кругах медиумом в Лепницкого по его самого и всех там присутствующих уверению, вселился дух. Но духов было несколько и все они постоянно сменяли друг друга бесцеремонно вторгаясь в тело несчастного художника. По мнению оккультистов Лепницкий будучи весьма утонченной и восприимчивой натурой, невольно стал временным сосудом для всех обитающих в округе неупокоенных душ.

Профессор Пещерский же уверен, что у Николая унаследованная от матери истерия, хоть подобные диагнозы весьма редко ставятся мужчинам. Однако неоспоримо одно – бедный Лепницкий едва ли ни каждый день проживает жизнь под новой личиной. То он жеманный аристократ прошлого века, то ругающий всех по матери конюх, то и вовсе какая-нибудь актриса или старушка из богадельни. Некоторый из его личностей милы и кротки, а другие же отличаются буйным нравом и свирепостью.

Есть еще среди опасных и свихнувшиеся от пьянства крестьяне Лаврентий Серегин и Аким Проклов, вор и морфинист Семен Репов, считающий себя римским гладиатором Михаил Феокистов.

Все они люди можно сказать совершенно погибшие, ибо вряд ли когда-либо удастся избавить их от болезни и приносимых ею мучений.

Не далее, как вчера к нам попал новый пациент. Я встретил его в саду и сразу же узнал. Евгений Александрович Берестов – был весьма известным среди определенного рода публики писателем. Романы его несколько лет назад наделали много шума и разделили свет на почитателей и ненавистников Берестова. Одни утверждали, что Евгений Александрович абсолютно гениален, хвалили на все лады его слог и неординарность сюжетов, другие же были уверены, что боль-

шего бездаря мир не видывал – пишет, дескать вычурно да про несусветные глупости. Я же не разделял ни того, ни другого мнения. Евгений Берестов казался мне вполне талантливым романистом, но не более того, хотя, признаться странная мрачность, таинственный мистицизм и гнетущая атмосфера его творений, оставляли довольно неприятный осадок после прочтения. Слышал я немного и об его помешательстве. Ходили слухи будто бы после ошеломительного успеха последней своей книги писатель стал затворником и лишь изредка выбирался из дому. Да и в те редкие моменты, когда некоторые знакомые видели его на улице, вел себя Берестов весьма странно – бормотал под нос, нервно озирался, а иногда испуганно пускался наутек словно бы от невидимого преследователя. Кончилось все тем, что пожилая дама, помогавшая писателю по хозяйству, обнаружила его в библиотеке в полубесознательном состоянии. Несчастный едва дышал и словно в бреду просил кого-то дать ему умереть спокойно. Тут же поползли слухи о том, что Берестов свихнулся из-за собственных кошмаров, которые он так ярко описывал в книгах. Утверждали, что и книги его были несомненно порождением помешательства – ведь здоровому человеку не придет в голову сочинять небылицы про жуткие ритуалы и потусторонних существ. Сложно сказать, насколько это действительно так, однако теперь он здесь, в это мрачном унылом месте.

Берестов сидел на веранде в глубоком кресле, заботливо закутанный сестрами в плед и печально смотрел куда-то вдаль. Когда я подошел к нему он беззвучно одними губами произносил какие-то слова. Сердце мое дрогнуло от жалости и грусти. Пару лет назад я видел его фотографии в газетах – тогда это был красивый пышущий здоровьем мужчина. Сейчас же передо мной сидел дряхлый старик с бесцветными глазами и печатью страданий на лице. Что за болезнь могла сотворить с ним подобное. Уверен, Пещерский предполагает деменцию.

– Вам, вероятно, любопытно как я здесь оказался? – внезапно подняв голову спросил Берестов. Взгляд его, как это ни странно казался весьма живым и осмысленным, будто безумие покинуло на время голову писателя. – Впрочем, молва, наверное, уже разнесла по городу вести о моем сумасшествии. Но знайте, мой дорогой друг, я вовсе не свихнулся. Они... Они не понимают, да и никогда не поймут. Но вы кажетесь мне весьма смышленным молодым человеком. Мне хочется вам доверять. Уважьте старика – позвольте излить душу.

Честно признаться, я был весьма польщен, что смогу узнать загадочную историю Берестова из первых уст. И хоть мне приходилось часто слышать самые немислимые и невероятные рассказы, я был заинтригован его словами и от того охотно согласился выслушать откровения писателя.

...

С раннего детства, едва только освоив азбуку и научившись читать самые простенькие детские стишки мое крошечное сердце воспылало любовью к литературе. Уже подростком я осознавал великую силу и красоту слова. Я завел тетради, где сперва описывал все свои переживания, распорядок нашего дома, признаки надвигающейся зимы или приближающегося лета. Первый снег, весенняя капель, подготовка к Рождеству и ожидание Пасхи – все это казалось мне, прекраснодушному юнцу, чрезвычайно важным и преисполненным смысла, а стало быть, непременно требовало фиксации чернилами на бумаге. Однако в скором времени я осознал, что недостаточно просто любить родную речь и уметь составлять слова в напыщенные предложения. Я понял, что необходим сюжет. Большой и весьма необычный. Я сразу отбросил пошлые бытовые зарисовки, любовные терзания и прочую мещанскую ересь. Мне хотелось изобрести жанр, сотворить такое чего не видывал еще свет. Пусть ругают и хулят, пусть восхищаются и превозносят, но только бы не остаются равнодушными. Ведь что такое для писателя равнодушие толпы? Мне тогда казалось, что смерть! Да, то был весьма дерзкий замысел для такого юнца (а мне на тот момент едва

минуло шестнадцать), однако я пронес его через всю жизнь, воплотил и вот теперь, как видите, пожиная скорбные плоды своей тщеславной натуры.

С тех пор вся моя жизнь состояла из бесконечных поисков и страданий. Я жадно искал свой Святой Грааль, чашу вдохновения способную наполнить меня божественным талантом. Меня заносило в бордели и опиумные курильни, в монастыри и богадельни, в дома призрения и даже тюрьмы. Я слушал истории куртизанок, картежников и пропойц, почтенных матрон и живущих в одиноких скитах монахов. Я подвизался к жандармам, сопровождавших каторжников и ходил семь верст пешком на богомолье.

Однако все мои поиски неизбежно приводили к разочарованию. Лишь Богу да Дьяволу известно сколько ночей я просидел за исписанными нервным почерком листами, сколько перьев сломал, пытаясь создать свой шедевр, сколько рукописей я скормил огню камина, найдя их содержание бледной подделкой под истинный литературный алмаз.

Образ жизни я вел прямо скажем весьма несправедный. И коль скоро удача меня совсем покинула ничто уж не мешало разочаровавшемуся в себе и мире господину катиться по наклонной. Я стал частым гостем трактиров и домов терпимости, пить стал безбожно и часто бывал бит не самой добродушной кабацкой публикой.

Однажды, это было в самом начале октября – осень тогда стояла весьма холодная, зарядили дожди и туманы, – я вновь набрался до чертиков, и как это часто со мной бывало под хмельком, стал вести себя весьма вызывающе. Кто-то рослый и бородатый, кажется, трактирный половой вышвырнул меня на улицу и бросил едва ли не под копыта лошади. Помню лишь как выругался ямщик, пытаясь объехать мое неподвижное тело. Способность запоминать и мыслить меня покинула. И так бы я, наверное, и окошел от холода, если бы не один случай, предопределивший мою дальнейшую судьбу.

После длительного беспамятства я открыл глаза и обнаружил себя в весьма странном и в некотором роде страшном месте. В мрачной темной комнате повсюду на стенах висели пучки трав и черепа животных, магические амулеты и бусы из странных камней. Пахло затхлостью и восточными благовониями. Я был еще весьма слаб и не мог стоять на ногах, однако звать хозяина комнаты мне было отчего то боязно. Впрочем, звать его, а точнее ее и не пришлось. Мгновение спустя после того, как я пришел в себя, из дверного проема показалась старая цыганка. Смуглое лицо ее было испещрено глубокими морщинами, седые длинные косы покрывал черный платок. Заметив, что я очнулся старуха широко улыбнулась, обнажив ряд желтых зубов, парочка из которых были золотыми.

– Я уж думала тебе конец, – хрипло засмеялась она.

– Конец не так уж и плох, – ответил я с горечью вспомнив всю свою никчемную жизнь. Да, видимо цыганка спасла меня от смерти, да вот только что от этого толку, если человек я конченный и достойного места на этой земле мне нет.

– Еще как плох. – Старуха присела рядом со мной на корточки, – Умирать хорошо лишь праведникам, а тем, у кого за душой грешки на тот свет лучше не торопиться.

Я обессиленно опустил гудящую от боли голову на свернутую колючую тряпку, служившую мне подушкой.

Цыганка поднялась и уселась за небольшой круглый стол, стоявший посреди комнаты. Краем глаза я видел, как она тасует старую, истрепанную колоду. Карты по одной ложились на черную скатерть.

– Дааа, – протяжно проскрипела старуха, внимательно рассмотрев свой расклад, – вижу жизнь тебя не баловала. Но только ждет еще испытание впереди. Пройдешь его – будешь на коне, не пройдешь – погибнешь.

Я не верил во все эти цыганские рассказы, гадания и ворожбу. Впрочем, денег у меня все одно не было, взять ей с

меня нечего – отчего бы и не послушать мистическую болтовню. К тому же в моей голове начал зреть план о том, не употребить ли мне эту приключившуюся со мной историю на создание романа. Подобно тому как заядлый игрок в лубой, даже самый опасный момент думает о ставках и скачках, я в самых неожиданных ситуациях размышлял о своей ненаписанной книге.

Шутки ради я спросил у гадалки про ее принадлежность к ведьмам и правда ли что у ведьм непременно бывают прислужники из чертей. Старуха ответила, что она всего лишь гадалка и прислуживают ей исключительно ее карты.

– Ведьмин дар – тяжелая ноша. Да бесы помогают колдунье в ее грязных делах, но вот только расплата за такое страшная. Я не имею дел с дьявольскими отродьями, хоть и выгляжу страшно. Травы, защитные амулеты да гадания – вот все чему я обучена.

Я подумал о том, что будь у меня возможность прибегнуть пусть даже к самым коварным исчадиям ада что б те помогли мне романом, я незамедлительно бы это сделал. Эту мысль я озвучил и цыганке.

-Да знаешь ли ты что ждет тебя за такое на том свете? – едва ли не гневно воскликнула она.

– Я готов стерпеть любые муки. Они явно не будут сильнее чем те, что терзают меня от неудач. Да и к тому же райских врат мне все одно не видать. Так какая уж к черту разница?

Старуха задумчиво посмотрела на меня. Она нервно теребила конец своей шали, и глядела так, будто бы решала доверить ли мне некую тайну или нет.

– Есть у меня одно заклинание, – тихо вымолвила цыганка, – призывает духов. Духи эти помогут исполнить любое желание, а взамен заберут рассудок и душу.

– Согласен, – тут же вскричал я, сам не понимая, что делаю. Я никогда не верил в мистическую чушь, однако в тот самый момент мне отчего то казалось, будто потусторонний мир взаправду существует и заклинание и впрямь может помочь.

– Да погоди ты, – старуха сердилась на мою нетерпеливость, – слышал ли ты что я сказала? Духи возьмут с тебя с полна еще в этой жизни, не говоря уже о загробной.

– Пускай, пускай забирают все, лишь бы написать роман, а там уж хоть трава не расти.

Сам не зная отчего я весьма загорелся идеей применить магию. Все во мне кричало что мой священный долг перед

самим собой и литературой воспользоваться этим странным шансом, уготованным мне судьбой. Глаза мои горели, а руки тряслись от нетерпения. Цыганку весьма напугал мой вид, и она вновь с ужасом и недоверием покачала головой.

– Пропащая ты душа.

Старуха встала с места и отправилась рыться в каком-то пыльном захламленном шкафу. Там из старой глиняной посуды она извлекла маленький пожелтевший свиток и бросила его мне.

– Вот. Но смотри. Я тебя предупредила. А теперь ступай отсюда. Ты уже окреп. В моем доме вызывать чертей не позволю.

Я повиновался ее воле и, зажав в кулак свиток на нетвердых ногах отправился прочь из цыганкиного дома. Выйдя за дверь, я быстро сообразил, что нахожусь в довольно скверном районе, а между тем на город уже спускались сумерки. Впрочем, и сам я выглядел весьма скверно и казался всем окружающим нищим бродягой, с которого нечего взять. Быстрыми, насколько это было возможно в моем состоянии шагами я добрался до комнатухи, которую снимал. В голове моей с ужасом проносились мысли о том, что вот сейчас я сжимаю в руке этот маленький клочок бумаги, в

котором заключается мой последний и единственный теперь шанс создать что-то стоящее. А если ничего не выйдет? Если все это бредни и выдумка. Впрочем, что я теряю? Терять было и вправду нечего, кроме разве что рассудка. Да и в нем я не был уверен.

В комнате было нестерпимо холодно. Пахло застоявшимся табачным дымом и пылью. Впрочем, мне было вовсе не до рассуждений об убогости быта. Едва захлопнув за собой дверь, я повалился на кровать, развернул заветный и свиток и срывающимся голосом прочел странные слова на неведом языке. Это было нечто напоминающее смесь латыни и греческого. Когда я произнес этот текст то ощутил, как нервное мое состояние постепенно отступает и на смену ему приходит спокойная уверенность. Отчего то мне стало казаться что дело и впрямь сделано, и я действительно обеспечил себе нетленный шедевр. Я встал с постели, насвистывая под нос незамысловатый мотив начал варить себе кофе.

Приближалась ночь. Все мои бумаги, за исключением небольшой пачки ушли на растопку печи. Я достал пару чистых листов, приготовил перо и чернила, уселся за стол и стал ждать. Проходили минуты, затем часы. Где-то на площади пробило три. За окном монотонно барабанил дождь, а вдали изредка лаяли бродячие собаки. Я думал о дожде, о часах, о собаках, но ни одна хоть сколько-нибудь приличная мысль способная родить хотя бы первые пару строк романа

так и не посетила мою голову. В отчаянии я чуть было не изорвал последние листы. Но как почему? Неужели это все обман? Впрочем, на что я рассчитывал, наивный дурак. Мне вдруг стало ясно что, доведенный до отчаяния своими неудачами, готовый на что угодно, я стал жертвой собственных надежд. Подумать только. Скажи мне кто-нибудь пару месяцев назад, что я начну верить в мистическую чушь и читать заклинания, я бы рассмеялась в лицо подобному наглецу. Но вот я здесь – Нищий, несчастный, бездарный, как полный идиот бормотал какую-то несусветицу дабы призвать духов!

Я лежал на кровати, разглядывая трещины на потолке и все, чего мне тогда хотелось – провалиться – в сон ли, в опьянение, в опиумный дурман – не важно. Лишь бы забыться, перестать думать о своей никчемности.

И я заснул, погрузился в мрачную пучину каких-то кошмаров. То мне виделось как я убегаю по ночным безлюдным улицам от чего-то или кого-то ужасного – плотное черное облако преследовало меня по всюду, куда бы я ни совался. То я внезапно обнаруживал себя на крошечной лодке, дрейфующей среди бушующего океана, чьи волны грозились поглотить ничтожное суденышко. С очередным порывом ветра прямо из бездонной глубины надо мной поднялось нечто, напоминающее гигантского октопуса. Она тянуло ко мне свои черные слизкие щупальца, обвивало ими мое тело, норвило раздавить. Но вот я оказывался на заброшенном кладбище и

видел, как за старыми, покрытыми мхом надгробьями скрывается что-то ужасное. Оно словно черный туман ползло ко мне по могилам, рассеивалось и ядовитым газом проникало мне в ноздри. Душило, мучило.

Я проснулся в холодном поту. Голова гудела и страшно хотелось пить. Мне так и не приснилось ничего, хоть сколько-нибудь вдохновляющего на роман. Я встал с постели, заварил чаю и стал думать, что делать. Говорят некоторые действительно стоящие мысли приходят к нам именно по утрам. Меня вдруг осенило, что все те кошмары, увиденные мною этой ночью, и могут стать частью какого-то большого необычного и пугающего замысла.

Я вновь уселся за бумагу и в спешном порядке стал записывать все, что помнил из своих сновидений. Удивительно, но сны сохранились в моем сознании весьма детально, вплоть до самых мельчайших подробностей. Рука не поспевала за мыслями, и я остро пожалел, что вынужденно заложил свою пишущую машинку в ломбард. Через несколько часов передо мною лежала довольно толстая пачка листов. Я глядел на нее и чувствовал одновременно удовлетворенность и дикую усталость. Мне вновь захотелось вздремнуть, и я не стал себя сдерживать.

Так прошла неделя, а потом еще одна. Я спал, погружаясь все глубже и глубже в пучину кошмаров, а проснувшись

тщательно конспектировал все увиденное. В конце концов мне удалось написать двадцать рассказов, каждый из которых был пронизан глубинным страхом и ужасом. Но самое удивительное в этом то, что мне было совершенно наплевать на мнения критиков и читателей. Я твердо уверовал в то, что создал шедевр, начал новую веху в литературе, и если современникам не удастся разглядеть мой талант, то уж потомки наверняка оценят творения по достоинству.

Однако я все-таки решил предложить рукопись паре издателей. Ни на что особо не рассчитывая, полный равнодушия и презрения к окружающим ваш покорный слуга явился к Раевскому, выпускающему журнал "Оракул". Какого же было мое удивление, когда тот едва ли ни с руками оторвал мои рассказы, да еще и заплатил за них весьма приличную сумму, о которой я на тот момент и не мечтал.

Сказать что я был воодушевлен – ничего не сказать. Я выпорхнул из издательства и благодаря судьбу и свой литературный дар (о цыганке и духах я почти забыл) помчался домой и уселся за написание романа.

Так начался мой стремительный взлет. Скандальные книги, восторги толпы, зависть, ненависть, восхищение, поклонники и поклонницы у парадных дверей, лучшее шампанское, самые дорогие европейские отели, самые роскошные подар-

ки для женщин. В этом вихре удачи я прожил почти два года – спал с кошмарами, писал книги, развлекался. История с гадалкой вылетела у меня из головы, и я совершенно уверовал в свою гениальность.

Так продолжалось до октября прошлого года.

Пока монстры, терзавшие меня во снах, не ворвались в явь. Впервые это случилось в один из пасмурных осенних вечеров, когда я возвращался из гостей. Я был в изрядном подпитии, однако решил все же пройтись пешком, благо идти было совсем не далеко. Моросил дождь, но погода стояла безветренная и довольно теплая для середины октября, от того прогулка казалась мне особенно приятной. Прелести ей, несомненно, добавляли и выпитые мною несколько бокалов вермута. Внезапно я ощутил приступ странного беспокойства. Знаете, как бывает – словно спиной чувствуешь, что на тебя кто-то смотрит. Я испуганно оглянулся. На пустынной улице не было никого, лишь я и отбрасывая мною тень, что пролегла от фонаря на тротуаре. Стояла удивительная для города тишина, лишь где-то вдали подвывали изредка собаки. Я продолжил путь, и что бы как-то подбодрить себя, начал тихонько напевать какую-то непристойную песенку. Однако беспокойство не только не ушло, но и продолжало усиливаться. Краем глаза я вдруг увидел, как моя тень вовсе не повторяет моих движений, а странным образом разрастается, превращаясь во что-то бесформенное и ужасное. В па-

нике я бросился бежать, однако тень, а если точнее, то это был уже сгусток тьмы, отделившийся от тротуара, надвигался весьма быстро. Черный туман окутал меня со всех сторон и из него к моей шее и лицу тянулись десятки рук. Помню, как упал наземь и страшно кричал, размахивая руками. Очнувшись я от того, что меня тряс городской, отчитывая как не пристало столь прилично одетому господину напиваться до скотского состояния.

С тех самых пор тьма и демоны стали преследовать меня повсюду. Они приходили в ночи и по утрам, я видел в домах, которые посещал, в операх, театрах и ресторанах, они ждали меня в квартире, прятались в переулках и парадных домов. Бледные призраки, гниющие трупы, склизкие чудовища и прочие исчадия ада тянули ко мне свои лапы, где бы я ни находился. Я почти перестал выходить из дому, боясь сойти за безумца, перестал писать и не принимал никого из знакомых. Вскоре поползли слухи, что я свихнулся. Впрочем, они были недалеко от истины. Я перестал отличать реальность от вымысла, день от ночи. И вот он печальный конец, здесь в этой обители скорби. Впрочем знаете, молодой человек что я вам скажу? Величие стоит сумасшествия. Да, дай мне судьба еще один шанс прожить свою жизнь, и я бы снова выбрал прочесть то злосчастное заклинание. Так что, наверное, я и впрямь сумасшедший!

...

Берестов искренне засмеялся, а я не знал, как воспринимать его историю. Откровенно говоря, мне она была весьма близка, ведь я сам проходил через нечто похожее на муки творчества.

Никому на свете, ни родственнику, ни самому близком другу (впрочем, у меня таковых почти не осталось) я не мог раскрыть свою тайну. Жгучее, испепеляющее желание писать картины. Как и Берестов я не раз вечерами корпел над бумагой и холстами, мучался бессонницей измышляя оригинальный сюжет, рвал на себе волосы от осознания собственной бездарности. Только прибавьте ко всему этому еще и чувство стыда. Мне с детства внушали, что только в медицине образованный молодой человек из приличной семьи должен найти свое призвание и от того, вся эта нелепая мазня казались мне чем-то недостойным, но при этом вожделенным, как прекрасная куртизанка – падшая, но соблазнительно манящая. И потому днем я грыз гранит естественных наук, а по ночам писал в маленькой съемной мастерской.

На лекциях в университете частенько вместо конспектов я делал наброски профессоров и сокурсников и даже несколько раз рисовал тела из анатомического театра. Все это приносило мне особое удовольствие, и можно было бы довольствоваться этим, сделав рисование чем-то навроде того, что англичане называют hobby. Однако душа моя требовала боль-

шего. Словно кто-то невидимый шептал мне на ухо в ночи, когда я писал какой-нибудь скромный натюрморт: ты должен стремиться к большему.

Берестов очень точно в своем рассказе уловил эту черту, эту неумную тягу к созданию чего-то великого. Мне было грустно и смешно одновременно. Я тайно писал посредственные картинки, не имея хоть сколько-нибудь приличных навыков, но в мечтах уносился в такие выси, где публика неистово рукоплещет мне на выставках, а дамы падают в обморок от восторга при взгляде на мои полотна.

Сперва мне было радостно от самого процесса. Я с наслаждением наблюдал как карандашом, углем или кистью создаю нечто, чего мгновение назад и не было вовсе. Если где и есть Бог, – бывало размышлял я наедине с собой, – так это именно в искусстве и все мы – музыканты, поэты, художники – производя на свет стих или картину сами становимся Богами. Не такими великими как наш Творец, нет. Но божья искра непременно попала нам в душу и потому в ней горит нестерпимы огонь созидания.

Со временем я перестал испытывать былые восторги лишь от написания каких-то незамысловатых сцен. В конце концов, – думалось мне, – даже ребенок вполне способен прилежно и регулярно занимаясь, воспроизвести на холсте все эти вазы, цветы и прелестные женские головки. Должно же

изобрести что-то поистине великое. Но что?

Как-то ночью мне пришла в голову идея написать огромное полотнище, изображавшее сюжет одного из греческих мифов. Несколько месяцев провел я за набросками, измучил десятки натурщиков придирками, извел кучу бумаги, холстов и красок и все это лишь для того, чтобы уразуметь в конце насколько банальна подобная тема и бесталанен я сам.

Эта неудача смогла на время заставить меня отказаться от мысли о живописи. Однако спустя всего лишь пару месяцев, я вновь терзал бумагу и натурщиков, надеясь создать великолепнейшую батальную сцену. Стоит ли упоминать, что и эта затея окончилась трагическим фиаско?

Так я и жил томимый жадой величия и униженный собственным бессилием. То вдохновенно возносился в небеса, мечтая создать прекрасное, то забрасывал живопись, и давал себе очередную клятву жить лишь врачеванием. Оттого, я как никто иной был способен понять все через что прошел в свое время Берестов. История его странная и одновременно страшная полностью поглотила меня и почти целые сутки после встречи с писателем я неотступно думал лишь о ней. Сколько там правды, действительно ли Берестов безумен, можно ли допустить хоть на немного что существует то самое заклятие? Эти вопросы мучали мой разум.

Признаюсь в мистику я никогда не верил. Рассказы о духах и полтергейстах вызывали у меня усмешку, ибо как человек науки я отчетливо понимал все несуразность подобных вещей. Однако что-то в истории Берестова заставило меня поколебаться. Возможно, это от того, что он вовсе не выглядел сумасшедшим, хотя как врач я должен быть осторожен – ведь часто бывает, что весьма степенный пациент внезапно становится буйным.

Мне захотелось обсудить писателя с Пещерским, но тот, как назло, уехал в Швейцарию и, кажется именно я должен наблюдать за болезнью Берестова. Что ж тем лучше, это будет весьма кстати и для моей практики. Стоит выяснить стало ли какое-то событие причиной его помешательства (если таковое имеется) или же он всегда был к тому предрасположен. Размышляя подобным образом, я удивлялся самому себе. Отчего же я все-таки допускаю мысль, что история про цыганское заклятие правда? Быть может от того, что мне самому хотелось бы иметь такой свиток, прочтя который я смог бы стать великим. Что же с нами делает тщеславие и жажда признания.

Ночь после той беседы я не мог сомкнуть глаз. В голове моей бился один назойливый вопрос – существуй и впрямь такая сила, способная одарить невероятным талантом, но требующая взамен душу – согласился бы я на подобную сделку. Истовая религиозность никогда не была моей силь-

ной стороной. Откровенно говоря, я бы смело мог причислить себя к числу агностиков. И тем не менее если существует темная сила, стало быть, непременно есть и светлая, и, если за душу предлагают столь солидный куш, стало быть душа не только существует, но и является весьма ценной субстанцией. Так выгодно ли подобное предложение?

Однако соблазн посмертной славы невероятно велик. Какая к черту разница что там с этой душой, будь она низвергнута хоть в самые глубокие пучины ада, если память о тебе останется в веках?

Впрочем эти рассуждения я находил все же весьма нелепыми и тут же стыдился собственной наивности.

Утром я вновь увидел Берестова на крыльце больницы. Он снова сидел на кресле, как и в прошлый раз укутанный в плед и словно бы ждал меня.

– Я вижу моя история произвела на вас впечатление, молодой человек, – хитро улыбнулся писатель.

– Признаюсь она весьма необычна, – соврал я, ведь такие истории среди наших подопечных не редкость, да и, откровенно говоря, я слышал вещи куда более странные, однако нельзя было не согласиться с Берестовым. Его рассказ

ведь и впрямь лишил меня сегодня сна. Но как он об этом узнал. Вероятно, на лице моем читаются следы бессонницы. Но как писатель связал ее с нашим вчерашним разговором. Впрочем, подобным личностям свойственно все происходящее вокруг приписывать своему влиянию.

– Вас ведь тоже что-то мучает, не так ли? – Берестов внимательно на меня посмотрел.

– С чего вы так решили? – я не подал виду, но был поражен его пронизательностью.

– Испытав подобное сам, я без труда узнаю муки творческого поиска в других. Скажите, вы ищете что-то в медицине, пытаетесь совершить научное открытие? Я прав?

Мне совершенно не хотелось откровенничать с писателем, тем более что подобные беседы были уж совсем явным нарушением субординации, хотя я и слышал что в некоторых европейских клиниках подобные методы применяются как лечение. Врачи притворяются сумасшедшими или пляшут под дудку пациента потакая его фантазиям, однако профессор Пещерский всячески отрицал пользу столь странного подхода.

– Боюсь вы ошиблись, – я резко развернулся и собрался уж было войти в клинику, но Берестов схватил меня за руку

и вложил в нее крошечных клочок бумаги.

Войдя в кабинет, я развернул записку. В ней значился некий адрес, совершенно не знакомый мне. Кажется, место это располагалось в весьма скверном районе, куда едва ли заходят приличные люди. Что бы это могло значить? Вряд ли у Берестова живут там родственники и что вообще я должен, по его мнению, с этой бумагой делать. Я выбежал на крыльцо, однако писателя там уже не было.

– К черту. – меня охватила злоба на самого себя. Сперва я не сплю ночь, размышляя о цыганском заклятии, теперь вот ломаю голову над странными записками. Выходит, что не я проник в голову сумасшедшего, а он вполне себе поселился в моей. Нужно немедленно взять себя в руки и несмотря на расстроенные от бессонницы нервы, приступить наконец к работе.

Чем сильнее сгущались за окном сумерки, тем явственней во мне зрело желание наведаться по странному адресу. Сам не знаю, что я рассчитывал там найти, но ко времени, в которое я обычно покидал клинику намерение пойти в это место, полностью овладело мной. Я наскоро раздал указания сестрам милосердия и едва ли не бегом пустился ловить двуколку.

Облупившиеся стены замызганных грязью домов непри-

ветливо встречали меня на подходе к заветной улице. Было весьма пустынно, лишь возле трактира пьяно переминаясь с ноги на ногу стоял какой-то субъект. Здание по указанному в записке адресу оказалось мрачной деревянной избой, посеревшей от времени, со сгнившим крыльцом. Окна, низенькие, едва ли ни до самой земли, были густо покрыты пылью. Я осторожно постучал в одно из них. Где-то там, внутри за плотными темными шторами кто-то зажег свечу. Через мгновение тяжелая и слишком огромная для такой хибарки дверь отворилась и передо мной возникло изрытое глубокими морщинами смуглое старушечье лицо. Я сразу же узнал ту самую цыганку из рассказа Берестова. Вот безумец! Настырный безумец. За меня решил, что мне нужно это чертово заклятье и отправил к ведьме.

Старуха тем временем молча запустила меня внутрь дома. В комнате, служившей ей видимо гостиной и залой было темно и затхло. Пахло сушеными травами, свечным воском и пылью. Цыганка поставила свечу на стол и спросила скрипучим голосом:

– Даму ворожить пришел?

Вопрос этот вывел меня из оцепенения, и я внезапно осознал, что совершенно не знаю, что ответить. Зачем я здесь?

Гадалка тем временем достала колоду карт и жестом пригласила меня сесть за стол.

– Один мой знакомый бывал у вас, – начал я разговор. – Он утверждает будто бы вы дали ему некое заклятие, призывающее духов.

При упоминание о заклятии старуха бросила на меня испепеляющий взгляд своих угольно черных глаз, казалось, в тот самый миг она видела меня насквозь.

– Духи эти по его уверению помогли ему достигнуть весьма впечатляющих результатов в своем деле, однако сейчас сводят беднягу с ума.

Цыганка достала маленькую коричневую сигаретку и прикурила.

– Он знал на что идет, – выдавила она не почти не разжимая губ.

– Так, стало быть, это правда? Заклятие существует?

Старуха молча выпустила дым изо рта, не удостоив меня ответом.

– Видите ли, я врач. А тот знакомый мой пациент. Он вро-

де как не в себе. Сумасшедший. Вот я и решил, что духи и заклятие – это его выдумка.

Гадалка сипло засмеялась. Она поглядела на меня с прощательным прищуром.

– Ты ведь сюда пришел не за этим.

– Признаться я сам не знаю зачем пришел. Точнее ваш адрес и дал мне этот самый пациент.

Цыганка вновь затянулась сигаретой. Я смотрел на нее сквозь пелену густого табачного дыма, который вился клубами в тусклом свете и мне стало казаться будто бы это сон. Все это – старуха, эта мрачная комната, этот покрытый изъеденной молью скатертью стол, и хлипкий стул, на котором я сижу – все это лишь снится мне.

Старуха тем временем достала откуда-то, я даже не успел заметить откуда именно, странную и невероятно старую шкатулку. Она порылась в ней, нашла среди монет и дешевых безделушек маленькую пожелтевшую бумажку и небрежно бросила ее мне.

Что это был тот самый свиток с заклятием, который цыганка всучила Берестову, я не сомневался ни секунды. Как

не сомневался я в том брать ли мне этот исписанный листок или нет. В тот момент мне казалось, будто мое тело больше не подчиняется разуму. Я схватил его и не прощаясь кинулся прочь из цыганкиной избы.

Мастерская моя была секретным местом, о котором не знала ни одна живая душа. Никто и никогда не посещал меня здесь и не видел моих бесплодных стараний и страданий. Однако я все равно наглухо запер и дверь и даже зачем-то подпер ее вешалкой. Повсюду на полу лежали разбросанные мною листки с набросками для очередного неудавшегося полотна, некоторые из них были смяты, некоторые яростно растоптаны.

Я глядел на все это странным мутным взглядом, будто бы через слегка запотевшее стекло и в голове моей победоносно стучала мысль – никогда больше не будет этих мук, этой боли и снедающего ощущения бесталанности. Вот здесь в моей руке, на крошечном листке бумаги – спасение. Я сам не понимал отчего я так уверен, что заклятие сработает. Душа моя будто бы раздвоилась в это время. Часть ее была твердо убеждена в том, что магия непременно поможет, другая же половина с ужасом ученого наблюдала за безумством первой, не в силах ничего предпринять.

Я уселся на хлипкий стул, с которого смахнул палитры и тяжело отдышался. Руки мои тряслись, сердце бешено коло-

тилось, и даже правая нога нервно подергивалась, не желая подчиняться разуму. Я развернул проклятый листок, трижды прочел странные слова, и тут же почувствовал, как силы покидают меня.

Очнулся я на полу, когда за окном уже вовсю светало. Голова моя страшно болела, и, казалось, готова была расколоться на части. Ноги ужасно ныли и жутко хотелось пить. С трудом приподнявшись на ноги, я осмотрел мастерскую наивно предполагая, что, будучи в беспамятстве под воздействием заклятия мог написать что-нибудь стоящее. Однако, обнаружив лишь вчерашний беспорядок да дырку на брюках, вслух рассмеялся собственной глупости. Поразительно до чего низко может пасть человек в попытке заполучить то, что вовсе не дано ему природой. С удивлением я заметил, что записка с нелепым текстом таинственно исчезла. Впрочем, это безусловно к лучшему.

...

Вновь потекли серые привычные дни – я занимался пациентами, помогал вернувшемуся из Швейцарии Пещерскому, писал в журналы некоторые статьи по психиатрии. Берестов с тех пор не попадался мне на глаза, да, откровенно говоря, я вовсе и не хотел его видеть. Влияние этого человека на меня было поразительно, несмотря на его скверное положение, и оттого я счел самым лучшим держаться от него подальше.

Где-то на задворках моего сознания иногда пульсировали мысли о живописи, визите к гадалке и заклятии. Однако я гнал их прочь. Судьба не раз дала мне понять, что путь художника, увы не мой путь и как бы ни было прискорбно это осознавать, я твердо решил, что больше не возьму в руки кисти и буду вести степенную и размеренную жизнь врача. Нервные потрясения пережитые мною за последние дни давали о себе знать вечерними мигренями. Пугало что с каждым разом боль становилась все сильнее и нестерпимее. Вчера, к примеру, я промучился до трех часов ночи, а после заснул тревожным наполненным кошмарами сном. Это не может не беспокоить, но все же во мне есть уверенность что нервное это расстройство в скором времени пройдет, особенно если не берeditь раны размышляя о запретном.

Жаль только что головные боли мешают сосредоточиться на занятиях и чтении. Сегодня мне было дурно почти с обеда и увы, я так и не смог как следует вникнуть в статью, которую силился прочитать. Почти полдня я провел в кабинете изучая трещины на потолке под тупую пульсирующую боль в висках. В конце концов мне начало казаться что и голова моя пошла такими же кракелюрами, как покрывающая свод кабинета краска.

Когда же терпеть стало совершенно невыносимо я вынужден был, сообщив Пещерскому о скверном своем самочув-

ствии отправиться домой.

За окном шел дождь, и каждая капля, ударявшаяся о стекло словно гигантский молот отзывалась в моей голове. Я не знал утро сейчас или еще вечер, все мое тело словно исчезло и превратилось в нескончаемое страдание. Казалось, я вообрал в себя все мучения страждущих этого мира. Внезапно что-то выдернуло меня из полусонного забытья и перед моими глазами ясно предстала мрачная страшная и в то же время до жути волнующая картина. То были грешники, низвергнутые в пучину ада. Бесконечные толпы грешников, словно исторгаемые вулканом потоки лавы растекались в разные стороны, окруженные языками пламени и демонами бичующими их плетьюми. Я осознал, что срочно, вот сейчас во что бы то ни стало должен написать это на холсте. Не чувствуя уже ни боли, ни сомнений тело мое само мчало меня в мастерскую.

Я быстро понял, что даже самое огромное из имеющихся у меня полотен слишком мало для задумки. Стена. Вот что идеально подходило для столь монументальной сцены. Я потерял счет времени. Лишь мазки краски – черные, багряные, алые носились словно мухи перед глазами. Казалось, это не мои руки наносят множество черточек прямо на стену, казалось, сами они возникают по своей воле сливаясь друг с другом и выводя на поверхности странные узоры, напоминающие человеческие тела и пылающие кострища.

Обессиленный, едва способный пошевелиться, я обнаружил себя сидящим на полу, перепачканным краской с мучительно ноющей болью в каждом мускуле. На стене напротив меня было изображено нечто весьма пугающее и притягательное одновременно. На первый взгляд это были странные линии, хаотично переплетающиеся, пляшущие, кружащиеся в безумном ритме. Однако хорошенько присмотревшись, можно было различить силуэты людей, словно спасающихся от пожара. Я ословело глядел на это ночное творение и не мог поверить, что подобное создал сам. Да все это не имело ничего общего с привычным нам академическим стилем, да за такое высмеет высоколобая скучная публика. Но я точно знал, – это оно, то, что я искал всю свою жизнь. Новое, безумное, вызывающее ужас и трепет. Главное, что не тоску и равнодушие.

Сколько их сейчас в этом мире, – рассуждал я по пути домой, – всех этих вышколенных академистов, штампующих пейзажи и салонные портреты ради пропитания. Я же создам нечто совершенно невообразимое, то, чего свет никогда не видывал и плевать на критиков и толпу. Впервые за долгое время по телу моему разливалось чувство не просто истинного вдохновения, но и какой-то невероятной и непоколебимой уверенности в собственном величии.

Дома я спокойно отмылся и переоделся и довольно бод-

ро для человека, прошедшего ночь без сна, отправился в больницу. Удивительное дело, но кажется даже мигрень как назойливая тетушка, преследовавшая меня последние несколько дней наконец отступила.

День прошел вполне обычно, не считая общей рассеянности, которой я был подвержен всю неделю. Мысли мои неизбежно улетали в сторону живописи и работ, которые я непременно должен написать. Пещерский заметил мое необычное состояние и поинтересовался не болен ли я, и я зачем-то сохранил что болен и что мне необходимо провести несколько дней без клиники. На счастье, профессор согласился, а я обрадовался, что смогу полностью сосредоточиться на картинах.

Вечером я помчался в мастерскую, предвкушая как сольюсь в неистовом экстазе с моей невидимой музой и краски снова в бешеном темпе начнут складываться в единую картину. Однако сегодня вдохновение и не думало меня посещать. Я вяло размазывал сепию и краплак по палитре, но не признавал зачем это делаю, не было той четкости и понимания задумки что вчера. Это вызывало во мне приступ тревоги. А что, если это конец? Что если я выдохся на этом вот настенном шедевре и более ничего не смогу написать? Мысль о подобном повергла меня в отчаяние.

Я начал было крушить холсты и ту немногочисленную ме-

бель, что имела в себе моя мастерская, как вдруг перед моими глазами возникло видение. Это снова были грешники, но в этот раз они спасались бегством от гигантского черного существа с козлиной головой – видимо то был сам Дьявол. Людские тела ничтожно маленькие в сравнении с огромной когтистой лапой чудища неслись врассыпную словно испуганные осы из потревоженного гнезда.

Я судорожно начал делать наброски увиденного и не заметил, как за этим занятием пролетела почти вся ночь. Очередная ночь без сна, но до того ли мне было. Утром я очертя голову бросился в мастерскую Кауфмана, делавшего холсты на подрамниках, и заказал самый огромный из всех возможных. Вид мой должно быть весьма удивил и даже напугал мастера, однако меня, прежде стыдливо скрывающего свое увлечение живописью, это вовсе не волновало. Да! Пусть весь мир знает, что грядет новое слово в искусстве.

На изготовление столь крупного холста требовался целый день, и я не знал, чем себя занять в ожидании. Снова эскизы, наброски – сотни изрисованных листов. Когда наконец поздним вечером в дверь мастерской внесли долгожданный гигантский прямоугольник, едва только грузчики покинули комнату я с жадностью набросился на краски и они вновь заплясали в безумном танце, сливаясь в невероятные узоры на полотне. Да! Это несомненно будет что-то значимое.

...

Прошло уже несколько месяцев с тех пор, как я в первые написал адскую сцену на стене в своей мастерской. За это время мне удалось создать несколько значительных полотен и провести первую в своей жизни выставку. Выставка эта вышла весьма скандальной, чего и следовало ожидать. Большинство критиков словно стервятники набросились на мои работы, газеты пестрели заголовками вроде "от сумасшедших пациентов к сумасшедшим картинам", "психиатр лишился рассудка и начал писать омерзительные картины". Но нашлись и те, кто в состоянии оценить истинное искусство, кто понимает как важно и нужно выходить за рамки скучных академических правил. Они-то, и провозгласили меня пророком новой эры в мировой живописи. У меня появились поклонники, ученики, последователи.

Однако здоровье заметно ухудшалось. Я почти перестал спать, а если сон все же смыкал мои глаза, то кошмары – те самые адские сцены, что я писал, – изводили меня. Я был одним из грешников что мчатся по раскаленным камням, преследуемые потоками раскаленной лавы и дьявольской дланью. Демоны жгли меня на кострах, варили в кипящем масле, пытали раскаленным железом. И все это было настолько явственно что боль, нестерпимая боль пронзала все мое тело.

Из больницы я уволился, солгав зачем-то про переезд в Краков. Интересно слышал ли Пещерский про мою выставку. А может он даже и побывал на ней. Какое же мнение составил тогда этот степенный невозмутимый человек в пенсне о моих картинах. Впрочем, это не имеет значение, ведь Пещерский довольно стар и, как и все старики до ужаса консервативен. Вряд ли он в состоянии оценить новаторские идеи.

Вечером мне стало особенно дурно. Я лежал на кушетке и никак не мог понять – сплю я или нет. Внезапно все вокруг меня – стены, картины, мебель и потолок закружились в кошмарном вихре. Очертания предметов до того исказились, что те перестали быть похожими на себя. Я попытался приподняться на локте и увидел, как из камина вырывается поток огненной лавы. Алая раскаленная река стремительно заливала собой пол. В ужасе я хотел было вскочить и броситься вон, однако тело мое не меня слушалось. Ноги, казалось, были парализованы, а руки судорожно металась в воздухе производя хаотичные движения. Кушетка, на которой я лежал, внезапно взмыла ввысь. Огромные когтистые лапы сжимали ее с обеих сторон и поднесли к жуткой морде отвратительного чудовища. Его змеиные желтые глаза ехидно глядели прямо на меня, а зловещая, источающая невероятный смрад пасть застыла в жуткой ухмылке. Вязкая тягучая слюна капала с гигантских зубов. Я понял, что еще мгновение и буду поглощен этим богомерзким ртом и оттого зажмурился, приготовившись ощутить прикосновение острых

склизких клыков. Они вонзались в меня снова и снова, перемалывая плоть как жернова мельницы. Я уже сотни раз должен был умереть, впасть в забытие, но я все чувствовал дикую ни с чем не сравнимую боль. Вот они истинные муки ада – расплата за сделку с самим Сатаной.

Когда я смог наконец открыть глаза комната снова была прежней. Все вещи были на местах, а в камине уютно потрескивал огонь.

Но как подобное возможно? Демоны! Стоит сказать, что к этому времени я совсем забыл и визите к цыганке, и о заклятье, и о Берестове с его историей. Но сейчас нет никаких сомнений, что именно дьявольские силы, призванные в тот проклятый час изводят меня. Нужно непременно снова вернуться к гадалке. Если есть яд, должно быть и противоядие. Наверняка у старухи есть средство, что б снять эти чертовы наваждения.

Однако на следующий день я был слишком разбит, чтобы куда-то ехать. Тело мое болело так, словно и впрямь побывало в пасти у неистового чудовища. Каждое движение давалось с невыносимым трудом, а потому первую половину дня я провел в кровати то разглядывая надоевшую лепнину на потолке, то погружаясь в тревожную полудрему. Мне страшно хотелось спать, но в то же время я до ужаса боялся снов. Ведь мои сны теперь, и кажется уже навечно, наполни-

ны жуткими вещами.

Что бы не быть снова поглощённым кошмарами мне пришлось встать и буквально заставить себя выйти на прогулку. Погода стояла слякотная и промозглая. Моросила белая снежная крупа, а ветер пробирал до костей. Я бродил, закутавшись в пальто по безлюдному скверу и в голове моей, казалось не осталось не одной мысли. Но столь оглушающая пустота была даже приятна. Несмотря на холод мне вовсе не хотелось домой, напротив – я находил особое удовольствие гулять в этом зимнем безмолвии, в эту колющую снежными иглами метель.

Вымощенная камнями дорожка привела меня к воротам кладбища, что было весьма удивительно ведь здесь в самом центре города отродясь не бывало кладбищ. Повинуясь какому-то неведомому чувству, я открыл ворота и зашел внутрь. Со всех сторон на меня глядели старые надгробия – потрескавшиеся, сплошь поросшие мхом, кренящиеся едва ли не до земли. Однако все они отчего то были пусты -ни фамилий, ни дат. Я вглядывался внимательно в каждое, из тех, что оказывались передо мной и видел лишь покрытую заиндевевшим мхом поверхность. Должно быть время стерло имена давно почивших обитателей этого места. Внезапно я увидел свежую могилу и крайне удивился. Холмик земли еще не опал и не ввалился. На нем печально лежали промерзшие

белые розы, а на новой, не тронутой разрушением могильной плите значилась какая-то надпись. Снедаемый любопытством я поспешил ее прочесть. Это было мое имя. Я начал судорожно смахивать крупинки снега с надгробия и в тот же миг кто-то ледяной рукой вцепился мне в запястье.

Боль, страх и отчаяние снова охватили меня. Но спустя мгновение я опять обнаружил себя на кушетке у камина. Какой нынче день? Или ночь? Сколько я брежу и сколько мне еще осталось мучиться? Лишь один человек мог дать ответы на эти вопросы.

На утро я взял двуколку и поехал по адресу, где жила цыганка. В этом грязном районе с замызганными домами и покосившимися заборами все было по-прежнему, кроме одного. Дома гадалки. На его месте стоял выкрашенный в желтый цвет старый двухэтажный особняк. Вывески на двери сообщали что здесь располагались мастерская сапожника, ломбард и часовых дел мастер Симонов.

Я несколько раз исходил улицу из конца в конец, но дома, где принимала меня старуха так и не обнаружил. Внезапно из-за угла появился чумазая девочка лет восьми, с виду – цыганка. Быть может это внучка той самой гадалки? Девочка с опаской смотрела на меня, не решаясь подойти ближе. Когда же я попытался достать из кармана монеты, цыганка развернулась и пустилась наутек. Мне пришлось последовать за

ней. Мы бежали по грязным, залитым подмерзшими помоями улицам пока наконец она не скрылась во дворе старого покосившегося дома. Хибара эта когда-то была выкрашена голубой краской, но сейчас лишь маленькие ошметки напоминали о былом цвете, в остальном же дом был серый как видавшее много лет и зим дерево. У крыльца на скамейке сидела тучная старуха и беззаботно лущила семечки. Я спросил не знает ли она гадалки, что жила на соседней улице. Старуха бросила на меня недобрый взгляд и жестами показала, что немая. Не солоно хлебавши я вернулся к треклятому особняку, стоявшему на месте нужного мне дома. Сам не зная отчего я надеялся, что мистическим образом гадалкино жилище вернулось на свое место. Но увы желтый особняк все так же смотрел на меня грязными окнами, печально и безнадежно, словно бы говоря – я был здесь всегда, а ты братец совсем свихнулся! Впрочем, это было не далеко от истины.

В отчаянии я помчался в клинику с одной единственной целью – найти Берестова и вытрясти из него всю правду о цыганке и заклятии.

Удивительно, но ни в одной из палат писателя не было. За время моего отсутствия верхний этаж пополнился двумя новыми пациентами. Кроткий низенький старичок и какой-то худой долговязый господин играли на подоконнике в шашки. Каждый раз, когда старичок передвигал деревянный

кружок, он радовался и хлопал в ладоши точно ребенок. Никакой стратегии в этом состязании у игроков конечно же не было. Наблюдая за ними, я на некоторое время даже забыл зачем вновь появился в клинике. Казалось все как прежде – будто и не было никаких гадалок, ритуалов, полотен и видений. Лишь по опасливым взглядам, что бросали на меня заходящие иногда в палату сестры милосердия, я понимал, что все изменилось. Видимо слухи о моем странном поведении дошли и до клиники. Но куда же черт возьми подевался Берестов?

На нижнем этаже сегодня было на удивление тихо. Лишь иногда кричал выпью какой-то новенький. Но писателя я тут тоже не обнаружил. Не оказалось его и в подвалах, что по уверению персонала пустовали уже весьма давно. Никто из сестер не мог взять в толк, о котором из пациентов я толкую, никто не припоминал писателя. Надежда была лишь на Пещерского, ведь Берестов лечился непосредственно у него. Неужто профессор выпустил его из больницы? Впрочем, возможно всякое.

Пещерский принял меня в своем кабинете, сплошь уставленном высокими стопками книг. Когда я вошел, профессор, сняв очки устало тер переносицу.

– А, это вы, – он кивнул на кресло, – давненько я вас не видел. Решили вернуться в клинику?

– Нет, не совсем. Я пришел обсудить с вами одного из ваших пациентов – Берестова.

Пещерский удивленно приподнял брови.

– Берестова? Что-то не припомню такого. Это кто-то из новеньких?

– Нет же. Он поступил сюда еще при мне, больше полугода назад. Писатель. Евгений Александрович Берестов.

Профессор снова бросил на меня недоуменный взгляд и стал рыться в папках. Прошло, наверное, минут десять, показавшиеся мне вечностью, пока Пещерский наконец не сообщил раздосадованным тоном что никакого Берестова за последний год к нам не поступало.

Я решил, что должно быть профессор что-то путает от усталости, или документы затерялись.

– Но как же так? Я же лично видел его здесь в клинике, беседовал с ним. Он ведь совершенно точно ваш пациент. Берестов утверждал, что вызвал демонов и те помогли ему писать книги, а теперь преследуют его.

– Нет, нет. У нас определенно не было таких пациентов. Хоть у кого спросите.

– Не может быть! – в отчаянии я едва ли не взвыл.

– Но зачем вы вообще ищите этого так называемого писателя?

– Мне... Мне он очень нужен. Только он может спасти меня, если меня еще возможно спасти.

В этот самый момент я увидел, как из седой головы Пещерского прорастают жуткие черные рога, а лицо профессора превращается в страшную гримасу. Я закричал как загнанный зверь и лишился чувств.

ЭПИЛОГ

Я аккуратно начертил палочку и отложил уголь в сторону. Триста девяносто пятая. Стало быть, прошло тринадцать месяцев. Весьма важно не потерять счет времени. Пока я рисую эти палочки сам для себя остаюсь нормальным, хоть все вокруг и уверены, что я сумасшедший.

Пещерский настоял, чтоб меня поместили в отдельную палату. Что ж здесь весьма сносно, учитывая, что это вовсе не гостиница, а самая что ни на есть настоящая богадель-

ня. Хочу ли я покинуть это скорбное место? Вы удивитесь, но вовсе нет. Здесь я чувствую себя в полной безопасности. Мне приносят еду, бумагу и угольные мелки, которыми я изредка делаю зарисовки. Я гуляю в саду, наслаждаясь цветением вишен в мае и золотом кленов в октябре, я в уединении, но не одинок. Сестры и профессор проявляют обо мне должную заботу. Кошмары отступили, и я вновь могу мыслить ясно. Меня часто навещает Берестов, хоть Пещерский и уверяет, что такого писателя отродясь не существовало и всю его биографию я выдумал сам. Но посудите сами – зачем мне это? Не знаю почему он это делает, быть может, увлекся новомодными методами. Я не стал его разуверять и теперь подыгрываю, скрывая посещения Берестова от профессора.

Евгений Александрович умнейший человек, но он словно Мефистофель, все время хочет соблазнить меня живописью и грядущим величием. Признаюсь, что я, давно уже утратил всякую веру в себя и стараюсь не вспоминать свой короткий и мимолетный успех у своеобразной публики, однако писатель так ловко рисует мне картины будущей славы, что быть может однажды я все же не совладаю с собой и вновь призову демонов.

КОМАРИНОЕ ЛЕТО

Каждый год в конце июня, как только луга покрывались обильным ковром сочного клевера, а перед проезжающим по железной дороге на север от Белецка мелькали синие цветки

цикория и белый тысячелистник, Лапины всей семьей перебирались на дачу. Марья Николаевна с горничной Лизой, дети-гимназисты погодки Оля и Алеша, маленький Саввушка с нянькой Василисой, дряхлая Анна Михайловна с сиделкой Настасьей и приятельница Марьи Николаевны Надежда Ильинична с сыном – двадцатилетним Митей. Глава семейства Константин Евгеньевич Лапин на дачи приезжал лишь наездами по выходным да праздникам, однако всегда прихватив с собою пару-тройку гостей.

Пять лет к ряду снимали уютный домик в Белоречье, в котором запросто помещались все, кто желал сбежать от городской жары. Однако в мае стало известно, что домик тот сгорел не то пораженный молнией, не то подожжённый худыми людьми. В спешке нашли новое жилище куда севернее прежнего и ближе к болотам – большой двухэтажный особняк, напрочь лишенный декоративных излишеств, будь то резные ставни или замысловатые башенки с вертящимися петушками. Обставлен он был под стать экстерьеру весьма просто – крепкая мебель без изысков и даже абажуры на лампах отчего то не имели бахромы. Дом этот едва ли не полностью скрывался от любопытных глаз в лесной чаще. Подобное расположение угнетало тех, кто жаждал солнечных ванн и цветистого сада, но радовал ищущих уединение в прохладной тени. В числе последних оказалась Марья Николаевна с супругом, остальные же были очевидно расстроены столь за-

терянным в глуши местом. Особенно негодовала вечно мерзнувшая Анна Михайловна. В первый же вечер она, закутанная с головы до ног в несколько вязанных пледов, не просидев на веранде и десяти минут, велела сиделке немедля отвезти ее в комнату. Марья Николаевна же восхищалась тишиной и уединенностью, сосновым запахом и пением птиц. Однако даже и она, когда все собрались за вечерним чаем, не смогла обойти вниманием досадную деталь в виде катастрофического обилия комаров. Ежеминутно кто-нибудь из сидящих за большим накрытым белой скатертью столом хлестал себя по щеке или рукам.

Комары докучали не только вечерами, но и днем, как выяснилось на следующее же после приезда утро, когда все семейство вновь собралось на веранде для завтрака. Прислуживала Алена, крепкая широкоплечая баба с рябым лицом из деревенских, нанятая владельцами дачи. Марья Николаевна радовалась, что не жарко. Она смерть как не любила жару и когда в городе случались знойные дни напрочь отказывалась выходить из дому.

День выдался солнечным, а потому лес, пугающий вечером мрачной густой темнотой, сегодня выглядел приветливо и приятно. Медовые лучи сочились сквозь многолетние сосны, пахло нагретой хвоей и смолой, где-то выстукивали свою простую мелодию дятлы. Дамы чинно попивали чай, а глава семейства внимательно изучал вчерашнюю газету.

– Пишут, что местные болота чрезвычайно богаты торфом. С весны как оттаял снег приступили к добыче. «Весьма любопытно», — заметил Константин Евгеньевич.

– Теперь жди беды, — внезапно подала голоса Алена, и эта ее реплика была настолько неожиданна, что все сидящие за столом перестали жевать и с недоумением уставились на кухарку.

Алена же, от подобного внимания жутко смутилась и поспешно, безо всяких объяснений ретировалась в дом.

– Мы с Митей пойдем гулять по окрестностям после завтрака, узнаем есть ли здесь речка. — оборвала повисшую тишину Оля.

– Я пойду с вами. — заявил Алеша, вызвав досаду на хорошеньком личике сестры. Оля, как это часто и случается в ее возрасте была по уши влюблена в Митю. Причем влюбленность эта настигла ее не ранее как вчера, когда молодой человек впервые был представлен девушке.

– Холодно. Страсть как холодно. Оденься потеплее, Оля, — Анна Михайловна взяла с кресла теплую вязаную шаль и протянула ее внучке, — Вот, вот, возьми!

– Да полно вам, бабушка! На дворе июль.

– И в июле запросто можно простудиться, – поддержала свекровь Марья Николаевна, – возьми, возьми.

Оля густо покраснела. Это нелепая забота о ней хотя она уже давно и не ребенок жутко сердила девушку.

Реки поблизости не оказалось, был лишь огромный сплошь заросший тиной пруд, над которым плотными тучами вились комары. От пруда того скверно несло сыростью и гнилью. Голосили лягушки. Никто не решился подойти близко к столь неприятному водоему.

– Так и с тоски помереть можно. – печально заявил Алеша, – ни речки, ни солнечных ванн, ни развлечений.

– Говорят здесь одни болота. – Митя яростно отгонял наспех оторванной от какого-то дерева веткой стаю назойливых насекомых. – Не представляю кому и зачем понадобилось строить тут эту странную дачу.

– Ну пойдете что ль на болота.

– Да что ты Алеша, – Оля стала еще мрачнее прежнего, однако шаль, столь навязчиво всученная родственницами, те-

перь пригодилась для защиты от оголтелых мошек. – На болотах страшно. Там ведь можно и увязнуть.

– Увязнуть. Все увязнуть. – послышался внезапно откуда-то из кустов писклявый голос, а следом появилась и крошечная старушка со странной улыбкой, с виду блаженная. – Всеее там увязнуть. – протянула она и показала коротенькой ручкой куда-то в сторону леса, и тут же припустила, в деревню, оглашая округу криками-" Увязнуть. Увяязнуть. Увязнуууть- увязнуть" и хлопая в ладоши.

Столь необычная и неожиданная встреча подействовала на всех троих отчего то удручающе.

– Что ж. Придется гулять по лесу, а вечера коротать за пасьянсами с бабушкой. – нарушил тягостное молчание Митя. – Оля, ты умеешь раскладывать пасьянс?

Оля вновь густо покраснев рассмеялась.

– Или лучше вот что. – в Митиных глазах загорелся бевсовской огонек. – Давайте устроим гадания с вызовом духов.

Следует обратить внимание, что женщины семейства Лапиных страсть как любили все что связано с потусторонним миром. До смешного суеверные, они часто наведывались к прорицателям и медиумам. Анна Михайловна так и вовсе

слыла в определенных кругах искусной гадательницей и часто прибегала к оракулу госпожи Ленорман. А потому уговорить скучающих дам устроить спиритический сеанс в тоскливый вечер холодного лета труда не составит. Идеей загорелись все. Решено было, что Митя скажется больным и пойдет наверх, после чего тайно выберется через окно из дома, и, когда собравшиеся обратятся к духу, выдаст себя за него, постукивая веткой в окно и завывая в унисон ветру.

Довольные своей выдумкой и предвкушая веселье, Оля, Митя и Алеша направились в лес. В лесу было прохладно, однако комаров куда меньше, чем у пруда. Под ногами ковром стелился мох, отчего почва немного пружинила при каждом шаге. И если вокруг усадьбы росли сплошь высокие голоствольные сосны, то здесь в отдалении переплетались могучими корнями вековые дубы. Сырой грибной запах выдавал, что частые обильные дожди тут не редкость.

Алеша остановился возле куста, густо покрытого сеткой паутины. Он аккуратно, так что бы не заметили другие посадил на указательный палец маленького черного паучка, а после неожиданно выставил его прямо перед носом сестры, весело крикнув:

– Посмотрите-ка какой славный!

Оля взвизгнула и отшатнулась.

– Экая гадость!

– Отчего же гадость? – Митя забрал насекомое у Алеши. Паук суетливо бегал по ладони, ища спасения от лап неведомых ему чудовищ. – Паук очень даже милое создание. В природе мало таких сообразительных охотников. Не кидается на жертву как собаки, а расставляет сети и ждет.

...

Темнело поздно, однако из-за густоты деревьев казалось, что вечер наступает уже в седьмом часу несмотря на летнее время. А сегодня к тому же после полудня небо заволочло сизыми тучами и ожидалось что еще чуть-чуть и польет. Ужинать решили в доме, на веранде было ветрено и весьма прохладно. За чаем Оля скусающим голосом как бы невзначай предложила бабушке раскинуть пасьянс.

– Или лучше давайте вызовем духа!

– Мы забрались в такую глушь, Оленька, что дух или заблудится в лесу или утопнет в болоте, – засмеялся себе в усы Константин Евгеньевич.

– А что весьма интересная мысль, – живо отозвалась Надежда Ильинична, – это нас развлечет.

– Но спиритизм не развлечение, – строго отрезала бабушка и на мгновение Оле показалось что их план вот-вот сорвется, но Анна Михайловна тут же смягчилась – Однако вызвать можно. Только со всей серьезностью.

Со всех сторон слышались клятвенные уверения в самой что ни на есть суровой серьезности.

– Боюсь, что не смогу составить вам компанию, – сообщил внезапно Митя и тайком подмигнул Оле, скрывающей улыбку за салфеткой. – Кажется мне продуло ветром голову.

Тут уж комнату наполнили назидания, советы и сочувствующие возгласы.

– Да уж не простудился ли ты весь, Митенька- встревожилась Надежда Ильинична.

– А я говорила теплее одеваться, – подключилась Анна Михайловна.

Дмитрию же сквозь поток увещеваний все же удалось откланяться и переместиться в свою спальню, где он благополучно облачился в заранее украденный у сиделки белый чепец и покинул дом прямо через окно.

Из гостиной убрали весь свет, оставив лишь пару свечей. На сеанс собрались только женщины, ибо глава семейства предпочел общению с духами чтение нового сатирического романа, широко обсуждаемого в столице. Алеша же плюхнулся в кресло и решил с ехидной улыбкой наблюдать за событиями, не принимая в них участия. Анна Михайловна, считавшаяся главным семейным медиумом, сидела в центре стола. Закрыв глаза и делая основательные глубокие вдохи, она настраивалась на принятие сигнала от потустороннего мира. Остальные с трепетом и нетерпением ожидали начала. Когда пожилая дама наконец открыла глаза и глухим голосом сообщила: "Пора" все дружно взялись за руки. Марья Николаевна что бы замкнуть круг, держала бабушку за локоть, ведь в правой руке у той был зажат маятник, покачивающийся над листком бумаги, в котором чьей-то нетвердой рукой значились слова "да" и "нет".

Анна Михайловна закатила глаза и мрачным тоном проговорила:

– Духи, странствующие и блуждающие, неуспокоенные и ищущие посредника, отзовитесь!

Бабушка в семействе Лапиных считала, что призвать можно только мятежный дух, не нашедший покоя в загробной жизни, убиенный или же не завершивший земные дела. Всем

же остальным, довольным своим потусторонним положением никакого резона выходить на контакт с медиумом нет.

– Здесь. Кто-нибудь. Есть? – громовым голосом отрезала Анна Михайловна.

Аккурат в тот самый момент, когда она завершила фразу, послышался странный звук, будто бы кто-то легонько царапал стекло. Надежда Ильинична вскрикнула, Марья Николаевна испуганно покосилась на окно, Оля упорно пыталась не засмеяться, горничная Лиза и сиделка Анны Михайловны Настасья имели совершенно невозмутимы вид, а сама бабушка, сделав глубокий вдох, продолжала:

– Дууух! Ты здесь?

Последовало два четких громких удара в стекло. Алеша, пользуясь тем, что свет свечи не доставал до места, где он расположился и лица его никто разглядеть не мог, скалился во всю. Оля ужасно боялась, что кто-нибудь из присутствующих подбежит к окну и увидит там Митю, однако парализованные страхом дамы боялись даже пошевелиться.

Поняв, что таинственный призрак не желает прибегать к помощи маятника, а избрал свой, особый путь общения, Анна Михайловна отложила предмет в сторону и продолжила:

– Дуух! Ты мужчина? Постучи дважды если да!

Снова послышалась пара ударов. Женщины испуганно переглянулись.

– Был ли ты убит?

На минуту воцарилась абсолютная тишина, слышно было лишь тяжелое дыхание взволнованных дам.

Внезапно в одно из окон гостиной часто и громко забарабанили, а через мгновение то же произошло и с еще тремя окнами. Кто-то явно бегал вдоль дома и неистово стучал по стеклам.

Все, кроме давившихся смехом Ольги и Алеши, повскакивали в ужасе со своих мест. Марья Николаевна и Настасья начали крестить стены в комнате, Надежда Ильинична истерично повизгивала от ужаса, а Анна Михайловна, видимо осознав, что призванный дух весьма склонен к хулиганству, громко кричала: "Прочь! Прочь! Поди ты прочь!" На шум спустился Константин Евгеньевич и дамы наперебой начали рассказывать, что случилось.

Скептически прокашлявшись, глава семейства бесстрашно пошел наружу. Он обошел дом, заглянул в кусты и не

обнаружил никаких следов присутствия потусторонних существ.

– Да Бог с тобою, Костенька. – махнула рукой Анна Михайловна, – разве их увидишь? Конечно, ты там никого не нашел. Духи ведь людям не показываются. Разве что сильный медиум, да и то навряд ли...

Немного успокоенные Константином Евгеньевичем все разбрелись спать по комнатам, хотя особой уверенности что привидение таки покинуло дачу у многих не было. Бабушка рекомендовала каждому приколоть к подушке булавку и молиться Святому Киприану Антиохийскому.

...

Оля проснулась утром от страшного крика. Наспех накинув халат, она босая выбежала в коридор, где наткнулась на испуганную матушку, горничную Лизу и отца, которые уже спешили к источнику душераздирающих воплей. Источником этим оказалась сиделка Анны Николаевны. В дверной проем было видно, как Настасья, показывая пальцем куда-то вдаль заходила визгом, а сама старушка, сидя в своем кресле тщетно пыталась привстать, чтоб разглядеть то самое, на что указывала сиделка. Когда же Лапины гурьбой высыпали из дома то глазам их предстала довольно странная и страшная картина. Возле стены под окном распластавшись лежало тело. Издалека было совершенно неясно кому оно принад-

лежало и теплилась ли в нем жизнь. Дамы захохали и запричитали.

– Должно быть каторжник какой! – сухо заметила Лиза. – Или пьяница местный.

Константин Евгеньевич твердой уверенной походкой отправился к лежащему. Однако, когда Лапин достиг своей цели лицо его внезапно помрачнело. Он медленно присел на корточки и аккуратно повернул к себе голову мертвеца, а в том, что это был мертвец Константин Евгеньевич ни минуты не сомневался.

– Это же Митя! Господи боже! Это же наш Митя! И мертв! «Совершенно мертв!» —едва глава семейства произнес это, как тут же пожалел о своей бестактности. Но было уже поздно. Надежда Ильинична услышала страшные слова и тут же лишилась чувств.

Едва не упала в обморок и Ольга. Она закрыла обеими руками рот и зашлась в глухих рыданиях. Усадьба наполнилась плачем, стенанием, бормотанием молитв, на руках у няньки зарыдал и маленький Саввушка.

Митю положили на тахту в гостиной, мать его, Надежду Ильиничну отнесли наверх и уложили в постель. Послали за доктором. Оля наконец набралась смелости подойти

и взглянуть на покойника. Увидев это белое жуткое лицо, она испугалась и удивилась одновременно. "А он ли это?" Мертвец был не просто иссиня-бледным, но и весь осунулся и усох. Щеки его впали, глаза ввалились, контуры неестественно заострились. Однако, внимательно присмотревшись можно было все же угадать знакомые Митины черты. Казалось, будто он умер очень давно и пролежал непогребенный в каком-то страшном месте, что тело его не истлело, но мумифицировалось будто мощи святых, что видела Ольга как-то в одном монастыре, в который ее возила бабушка. Но как мог покойник в одну ночь так иссохнуть. И что послужило причиной его гибели? Свирепая и стремительная болезнь, что за несколько часов способна сотворить такое? Но вчера он выглядел совершенно здоровым. Оля обессиленно сидела на стуле, подперев рукой голову, она очень хотела отвести взгляд от этого безобразного скрюченного тела, еще вчера смеявшегося и шутившего, но не могла

К полудню приехал доктор. Он внимательно осмотрел Митин труп и сообщил, что не обнаружил никаких признаков насильственного умерщвления.

– Признаться я вижу такое впервые. – доктор протер пенсне и уселся в пододвинутое господином Лапиным кресло. – Если бы все вы не уверяли меня в один голос, что этот несчастный юноша не далее, как вчера был жив и здоров-

вал, я бы ни за что в это не поверил.

– Так что же, по-вашему, произошло? – Константин Евгеньевич опустил на стул рядом.

– Не могу знать наверняка. Необходимо вскрытие!

– Это не по-христиански! – донесся из угла комнаты строгий голос Анны Михайловны.

– Пусть режут. – слабо произнесла Надежда Ильинична, – я хочу знать, что или кто убил моего мальчика. – И дама снова зашлась рыданиями.

Вскоре тело увезли, а скованные мрачным настроением обитатели дачи разошлись по своим комнатам. И вроде в воздухе витала мысль, что надо бы убраться отсюда в город, однако в слух ее отчего то никто не произнес.

Марья Николаевна сперва вызвавшаяся быть сиделкой при убитой горем подруге была вынуждена все же ретироваться к себе после настоятельных просьб Надежды Ильиничной оставить ее в одну. Лапина погрузилась в глубокое старое кресло в гостиной и глядя на тахту, где еще пару часов назад лежал Митин труп, впала в странное оцепенение. Мысль о том, что на месте бедного юноши мог оказаться кто-то из ее детей, нагоняла на Марию Николаевну первобытный

страх и одновременно с тем она ощущала облегчение, что все же не Оля, не Алеша и не маленький Саввушка обнаружены сегодня безобразным трупом возле дома.

Оля лежала на кровати и безучастно глядела в потолок. Она размышляла о том, как ужасна смерть. Сегодня ты любишься чьей-то улыбкой и каштановыми кудрями, а завтра эта улыбка превращается в жуткую гримасу покойника, а кудри трясутся в телеге, везущей бывшее еще недавно крепким тело в мертвецкую. Оля как-то видела в одной книге по анатомии, забытой кем-то в парке, рисунок, изображавший вскрытие. В мрачном подвале на холодном столе человека разрезают вдоль и выворачивают внутренности будто у пристреленного на охоте зайца. Как же это жутко! Бабушка права это вовсе не по-христиански, не по-человечески. Ни за что на свете Оля бы не хотела оказаться после смерти на таком столе. Она так и не рассказала взрослым о вчерашней шутке, да и что бы это могло изменить теперь?

Надежда Ильинична, выхолощенная бесконечными рыданиями, погрузилась в дрему. Ей снилось что Митенька жив и все они пьют чай на веранде за ужином, отгоняя назойливых комаров. Он улыбается и ловко отшучивается от маменькиных непрошенных советов, а вечернее солнце красит медью его кудрявую голову. Где-то, в глубинах подсознания она понимала, что все это сон и оттого ей так не хотелось просы-

паться.

Анна Михайловна отправила прочь сиделку, заперлась на ключ и достала из черного бархатного мешочка изрядно потрепанную колоду оракула Ленорман. Для защиты от всего потустороннего она зажгла свечу. Старушка тщательно перетасовала карты и выложила четыре их них на скатерть крестом.

– Ах, надо бы вечером гадать. – причитала Анна Михайловна сама себе, – но вечером уж больно боязно.

Немного подумав Лапина-старшая смешала, не переворачивая карты и заново начала выкладывать их четырьмя линиями по три.

– По всему выходит, что он еще здесь, – бормотала себе по нос пожилая дама, когда карты предстали перед ней лицевой стороной, – он и сгубил мальчика. Дура старая что наделала. Разве же можно было вчера? На троницкой неделе! И ведь знала же... Но зачем... зачем?

Анна Михайловна достала белый платок с вышивкой и разрыдалась прямо в него.

Константин Евгеньевич озадаченно курил на крыльце. Совсем не этого он ожидал от дачного отдыха. Сперва новая

усадыба оказалась мрачным рассадником кровососущих насекомых, а теперь еще и покойник обнаружился. Черт знает какие слухи поползут теперь об этом в городе. А они обязательно поползут. Но ведь не может же внезапно так оказаться, что Митю убили. Это же скандал! А бедная Надежда Ильинична! А Марья Николаевна и Ольга! Господи, как все отвратительно складывается! Не стоило брать в наем эту чертову дачу!

Слуги же собрались в детской, возле кровати с заснувшим наконец после долгого плача Саввушкой. Нянька его Василиса шептала, чтобы не разбудить дитя:

– Это точно дух вчерашний убил. Анна Михайловна ведь его так и не прогнали!

– Да полно тебе, – скептически ответила Лиза, – это очевидно какая-то хворь. Доктор наверняка вернется и все объяснит.

Лиза считала себя человеком весьма образованным, она часто тайком почитывала научные журналы, выписываемые Константином Евгеньевичем, а потому всякое явление старалась объяснить именно с научной стороны.

– Нечего там объяснять, – зашипела в ответ Василиса, – и так все ясно. Духа нужно привечать с уважением и прово-

жать так же. А вчера в суматохе Анна Михайловна кричали на него, да только это неправильно. Вот он обозлился и отомстил.

– Это как на крещенские гадания, – подала голос Настасья, – если через зеркало вызываешь суженого, когда он появиться следует непременно крикнуть: "Чур меня!", а иначе сам диавол, показавшийся в образе суженного в зеркале заберет твою душу.

– Экую вы суеверную чушь несете, – Лиза поднялась с места, и, не желая больше выслушивать мистические рассказы женщин ушла под предлогом помощи хозяйке. Василиса и Настасья же принялись травить друг другу жуткие байки одна страшнее другой. Обе про себя понимали, что уснуть сегодня в этом мрачном доме едва ли удастся.

Обедал Константин Евгеньевич вдвоем с Алешей, который весь день писал в своем дневнике заметки для будущего романа. Дамы, запершись каждая у себя, от еды отказались. И лишь к вечеру, проспавшись, прорыдавшись и кое-как наконец оклемавшись за столом собрались все гости печальной усадьбы, кроме Анны Михайловны. За старушкой послали сиделку, и та немедленно вернулась сообщив, что барыня "закрылись в спальне на ключ и не отвечают". Столь странное поведение старшей Лапиной вызвало недоумение

среди домочадцев. Константин Евгеньевич с женой несколько минут настойчиво барабанили в дверь, однако Анна Михайловна так и не отозвалась. Решено было вскрыть комнату.

Едва только глава семейства выбил могучим плечом запертые на хлипкий замок створки, им с супругой предстала страшная картина.

Анна Михайловна сидела в своем кресле перед столом, на котором было разложено карточное гадание. Голова ее в белом чепце противоестественно запрокинулась назад, а рот был открыт так, будто перед смертью несчастная узрела нечто ужасное. И что еще более жутко и странно, старушка оказалась так же иссушена, как и найденный утром Митя. Правая рука покойницы застыла в оборонительном жесте, словно Анна Михайловна пыталась защититься от нападавшего, левая же рука лежала на столе и указательным пальцем ее был направлен на карту, изображавшую гроб.

Константин Евгеньевич, пораженный увиденным, застыл на месте, а Марья Николаевна, слабо вскрикнув сползла по стенке на пол.

Испуганные, без единой кровинки в лице обитатели дачи собрались в гостиной в ожидании доктора. У каждого из собравшихся в голове роились страшные мысли. Одну смерть можно списать на случайность, но вторую? Что происходит в этом затерянном в лесной глуши особняке? Болезнь, прокля-

тие, умалишенный убийца? В комнате стояла гнетущая тишина, однако никому и в голову не приходило ее нарушить. Да и что тут можно было сказать?

Погода за окном дачи была под стать царящему внутри настроению. Тяжелые свинцовые тучи заволокли небо, ветер гнул небольшие деревца едва ли не до земли, поднимая пыльные бури. Надвигалась страшная гроза. Где-то вдали за верхушками сосен короткой вспышкой сверкнула молния, и тут же оглушающий громовой раскат прокатился по всей окрестности. Крупные капли забарабанили в окно. Ливень уже начал набирать силу, когда во двор по раскисшей земле въехала повозка с доктором.

Смахивая воду с очков, волос и бороды врач вошел в гостиную.

– Вам ведь уже сообщили про мою матушку? – мрачно спросил Константин Евгеньевич.

– Про матушку? Я приехал по поводу вскрытия Дмитрия. А что с вашей матушкой?

Доктора молча отвели в спальню Анны Михайловны. Он внимательно осмотрел тело, тщательно прощупав руками кожу на лице.

– Поразительно! Я как раз спешил к вам, чтоб сообщить удивительнейшую вещь. Труп молодого человека, что я забрал сегодня утром из этого дома оказался непонятным способом обескровлен. И судя по внешнему виду этого тела с матушкой вашей произошло то же самое.

Со всех сторон слышались возгласы негодования.

– Но как подобное возможно? – возмутился Константин Евгеньевич. Неужто кто-то выпускает кровь из людей у нас под носом? Ведь не бродят же здесь вурдалаки.

– Возможно мы имеем дело с неизвестной науке болезнью. Однако я не видел ранее случаев, чтобы все развивалось настолько стремительно. Или же... – доктор слегка замялся, – Или же речь идет о весьма изощренных убийствах.

Дамы ахнули, а господин Лапин не на шутку возмутился:

– Уж не хотите ли вы сказать, что кто-то из нас занимается подобными вещами?

– Нет-нет. Что вы! Я вовсе не имел в виду кого-то из присутствующих, тем паче что большая часть из них дамы. Я только хотел сказать, что вскрытие молодого человека породило больше вопросов, чем ответов.

– Но, если это все же болезнь. – подала голос Оля, – заразна ли она? Что если мы уже поражены ею и нас ждет участь бабушки и Мити.

– Какие ужасы ты говоришь, Ольга! – Марья Николаевна опустила на стул и вздрогнула от очередного раската грома.

Дождь между тем уже вовсю хлестал по стеклам, будто грозясь их выбить. Ветер был так силен, что обломил тяжелую грузную ветвь, растущего во дворе клена и та с грохотом рухнула на крышу веранды.

– Светопреставление! – Настасья набожно перекрестилась и кинулась зажигать лампадку перед стоящими в комнате Анны Михайловны образами в массивных окладах, которые старушка возила с собою по всюду куда бы ни направлялась.

– Ну зачем же мы тут стоим, возле покойницы, – опомнился вдруг Константин Евгеньевич, – давайте перейдем в залу.

Все переместились в гостиную и расположились, где придется.

– Ну не может же быть что бы тут орудовал убийца, – Ла-

пин нервно расхаживал по комнате, заложив руки за спину. – Да и как можно выкачать всю кровь из человека, не пролив и капли? А я внимательно осмотрел место, где нашли утром Митю, да и в матушкиной комнате, как вы и сами можете убедиться ничего подобного нет.

– Не могу с вами не согласиться. – доктор погладил бороду, – Случай, признаться, из ряда вон. Вероятнее всего это некая инфекция. Возможно, с болот. Тут ведь, как вы наверняка слышали, с недавних пор добывают торф. Вот и разворошили Бог весть что...

– Духи это болотные, – внезапно подала голос до того весь день молчаливая Алена. Она собирала со стола не пригидившиеся к обеду чашки и покосившись на всех исподлобья продолжила, – бывало здесь уже такое.

– Нууу, – со скептической улыбкой произнес врач, – сейчас начнутся фольклорные рассказы.

– А мне интересно, – перебила его Марья Николаевна и тут же обратилась к кухарке -что именно бывало? Такие случаи как с Митей и Анной Михайловной?

– Такие же, – Алена, стараясь отчего то ни на кого не смотреть, продолжила, – позапрошлым летом Васька коню-

хов сын с другими ребяташками шатались там у болот, да видать его, духа этого и потревожили. А через день сидел этот Васька на яблоне ногами болтал, да в других камешками кидался, и тут как налетела на него не пойми откуда тьма комариная. Клубом черным летели, облепили его всего, он и пикнуть не успел. Свалился с яблони то и лежал, а как комары улетели – подошли к нему ребяташки, а он вон как тот ваш Митрий или барыня, Царствие им Небесное, весь усох и скукожамшись. Всю кровь ему комары то выпили.

– Глупости какие! – доктор с нескрываемым презрением посмотрел на кухарку, – я слышал про случаи с пчелами, ну так те выделяют яд. Но что бы комары выпили всю кровь! – он засмеялся, – вы только представьте сколько их должно быть. Наверное миллионы. Нет, вы, как хотите, а я в подобное верить отказываюсь.

Внезапно улыбка на лице врача сменилась серьезностью.

– Хотя... вполне может быть, что комары переносят инфекцию. Это весьма любопытно. Я бы, конечно, всем вам рекомендовал уехать отсюда как можно раньше. Жаль, что погода до невозможности скверная.

За окном снова раздался громовой раскат, а дождь, казалось даже не собирался останавливаться. На улице почти совсем стемнело. В доме зажгли свечи и засобирались ужинать.

– Боязно как то, что она там сидит, – Марья Николаевна кивнула головой на комнату старушки.

Мужчины перенесли тело покойницы в постель и накрыли с головой белой простыней. Лапина наказала Лизе накинуть на все зеркала покрывала и зажечь у образов лампадку.

Все расселись за круглым столом, за которым вчера гадали. От свечей в комнате стало уютней, однако тягостная атмосфера, царившая в комнате, довлела за ужином: разговоры не клеились, раздражающе позвякивали о тарелку приборы, а в окно снова и снова молотил дождь. Когда Алена принесла самовар, ненастье вроде бы поутихло. Слышно было как глухо падают с ветки на ветку капли на мокрых деревьях.

– Дорогу теперь, наверное, так развезло, что и не выехать, – посетовал доктор.

– Придется вам переночевать у нас. А завтра все вместе прочь из этого места. – ответил Константин Евгеньевич. – Что бы тут ни было, оставаться здесь – сумасшествие!

Все молчаливо согласились с Лапиным.

– И спать тут боязно, – Марья Николаевна покосилось на

дверь старушкиной спальни.

В это самое время в окно вновь что-то затарабанило, сперва тихо, так что можно было подумать на слабый дождь. Однако стук все нарастал и стало казаться, что сотни толстых шмелей или мух неистово бьются о стекло.

Сидящие за столом испуганно переглядывались. Первым поднялся доктор, и, подойдя к окну, аккуратно отодвинул массивную ночную штору. Там, снаружи, в сгущающихся сумерках темный клубок разъяренных мошек нещадно пытался проникнуть в дом. Лапины, Надежда Ильинична, кухарка, сиделка, нянечка, горничная Лиза – все они, не сговариваясь собрались напротив окон и с ужасом наблюдали страшную картину.

Комариных туч становилось все больше. Они то сливались в единое громадное черное облако, то разлетались на несколько плотных стай. Все сильнее и громче становились удары в стекла. Парализованные страхом, обитатели дачи боялись пошевелиться. Наконец доктор, первый вышедшим из оцепенения схватил, наполненный какой-то невзрачной посудой сервант и стал двигать его к одному из окон.

– Константин Евгеньевич, подоприте второе шифоньером.

Лапин тотчас же принялся перемещать шкаф ко второму окну. А дамы стали баррикадировать стульями двери. Как только гостиная оказалась наглухо запечатанной изнутри, снаружи все внезапно затихло.

Сами не зная отчего все, кто был в комнате, сбились в плотную кучку на тахте и сидели, боясь пошевелиться. В звенящей тишине было слышное взволнованное неровное дыхание каждого. От звука падавших иногда на деревянную раму капель женщины нервно вздрагивали.

Бог знает, сколько прошло времени с момента как прекратилось жуткое беснование насекомых. Уставшие, изможденные в полудреме Лапины и все, кто разделил с ними эту страшную ночь, просидели в комнате до рассвета. И лишь когда сквозь узкую полоску, составляющую зазор между шкафом и окном стал проникать тусклый солнечный луч, доктор наконец отодвинул мебель от окон.

– Выжили, – выдохнула Марья Николаевна и без сил опустила голову на подушку.

...

Когда по размытой дождем дороге, увязая в грязи тощие лошади везли дачных жильцов и их небогатый скарб в город, каждый из тех, кто трясся в непрочных повозках, думал о своем. Но мысли их были удивительно схожи. Впрочем, ни-

чего удивительного тут нет. С чем столкнул их случай в этой ужасной забытой Богом глуши? Было ли то действительно проклятие болот или странная болезнь и природные аномалии? Да и впрямь ли отражали они вчера атаку обезумевших полчищ комаров? Уж ни привиделось ли это все, не приснилось ли? И каждый хотел спросить у другого – а правда ли? И каждый не находил в себе сил для вопроса и стойкости, чтобы услышать ответ. Потому и ехали молча и лишь, подгонявшие иногда лошадей извозчики, редкими криками нарушали тишину.

Рябая Алена проводив отъезжавших безразличным взглядом, чавкая калошами по свежей грязи отправилась домой. Она твердо знала, что молодой барин и старушка далеко не последние, чьи обескровленные тела найдут в этом месте, а потому собиралась сегодня же пойти к сестре в соседнюю Шепетовку, что подалее от лихих болот.

А на самих болотах, из потревоженной трясины поднимались все новые и новые черные комариные тучи и разлетались по округе.

ШКАГУЛКА

Серафим Аристархович Белецкий страсть как любил бродить по всевозможным антикварным лавкам. Он часами разглядывал как милые старинные безделушки, так и действительно ценные вещи с многовековой историей. Сера-

фим Аристархович считал, что каждый предмет, перешагнув определенный срок своего существования был, несомненно, достоин уважения будь то нелепая сахарница или ваза тончайшего фарфора династии Мин. Ведь каждая вещь хранит свою тайну. Быть может, незамысловатого столетнего чайника с пастушкой и не касались пальцы китайского императора, но и он, несомненно, ценен. Он знал старинный уклад и честно служил какому-нибудь почтенному семейству. Господин Белецкий, рассматривая подобную утварь, живо представлял как тучный купец дует щеки перед блюдечком крепкого чая. Или вот – простенькое колечко, каких и не носят знатные дамы, а глядишь для кого-то это колечко могло быть дороже пуда золота. А медальоны – почерневшие от времени, покрытые патиной, но хранящие дорогой любящему сердцу локон. Сколько воспоминаний сокрыто в маленькой овальной вещице. Однако больше прочего Серафим Аристархович любил предметы с загадкой – статуэтки таинственных идолов с далеких островов, магические амулеты, ножи для страшных и неведомых ритуалов. Именно их он отыскивал среди множества милого барахла и заботливо расставлял на полки специально отведенного под коллекцию шкафа. Шкаф наглухо запирался, а ключ хранился в месте, известном лишь одному Белецкому. Серафим Аристархович верил, что многие из загадочных вещиц и впрямь обладают магической силой, а потому прятал свою коллекцию от любопытных глаз и рук. А коллекция эта являла собой

нечто весьма своеобразное. Были здесь и странная фарфоровая кукла с мертвыми глазами, в которой по уверению лавочника, пытавшегося сбыть жуткую игрушку, живет неимоверно злой дух. Была здесь и старая доска Уиджа для вызова духов, привезенная из Англии одним отставным генералом. Были и обсидиановые четки, снятые с покойного африканского колдуна, и обладающие страшной разрушительной силой. И даже колода якобы принадлежавшая самой Мари Ленорман, так же заботливо хранилась в маленьком деревянном ящичке.

Поздним ноябрьским вечером Серафим Аристархович, смахивая перчатками первый мокрый снег с пальто, заявился в антикварную лавку братьев Глинкиных. Скучавший за прилавком владелец, при виде посетителя оживился, а узнав в вошедшем давнего клиента, услужливо поклонился гостю. Арсений Глинкин любил постоянных своих покупателей столь же страстно, сколь ненавидел случайных дамочек, от праздности таскающихся к нему в лавку. Дамочки верещали, бесконечно трогали хрупкие предметы руками, оставляя следы жирных пальцев, и так и не сторговавшись по цене, надув щеки покидали обитель старинных предметов. То ли дело Серафим Аристархович. Белецкого Глинкин уважал и сразу раскусил в нем истинного ценителя антиквариата. Знал лавочник и страсть коллекционера к мистическим и оккультным вещичкам, а потому, если нечто подобное оказывалось в его магазинчике, то на полки это Глинкин не выстав-

лял, а хранил в кладовой на случай визита Белецкого.

Вот и сегодня был у Арсения Дмитриевича один занятный объект, которым он надеялся заинтересовать Серафима Аристарховича. Шкатулка черного африканского дерева невероятно тонкой работы. На крышке ее красовались ровно двенадцать аккуратно вырезанных человеческих черепов, а по центру в роли ручки выступала крупная козлиная голова, олицетворявшая суть самого Дьявола. Стенки ее снаружи так же были тончайшей резьбы с загадочными узорами. Шкатулка эта помимо запаха старого дерева источала едва уловимый аромат мускуса и сандала, и вроде бы как являлась дарохранительницей для некоего жуткого дьявольского культа Северной Африки, жрецы которого не гнушаются человеческими жертвами.

Впрочем, самому Глинкину эту вещь продал некий странный субъект, уверявший что получил ее в дар от одного британского лорда за весьма сомнительного рода работу, о которой не принято говорить вслух в приличных кругах. Лорду же в свою очередь шкатулку презентовал французский генерал, а уж как к тому попал столь своеобразный предмет остается лишь догадываться.

Шкатулка эта сразу же вызвала живейший интерес у Серафима Аристарховича. Да вот только была в ней одна загвоздка. На вещи этой был маленький навесной замок мед-

ного оттенка, явно сделанный кем-то в более поздний период и ключа от этого замка ни у кого не имелось. Белецкий вертел дивный предмет в руках и заворожено рассматривал резьбу. Сквозь ажурные узоры он силился углядеть внутренности шкатулки: кажется, дно ее было устлано пурпурным бархатом, что весьма странно для якобы африканского предмета. Серафим Аристархович не верил в легенду о дьявольском культе полупервобытных племен, однако нечто мистическое в этом черном ларчике безусловно присутствовало. Да и кто знает, если удастся-таки шкатулку вскрыть не найдется ли внутри нечто более ценное? Дорогое украшение или текст заклинания на неизвестном языке. Да хоть бы и любовная записка, все одно нечто интригующее. А потому, недолго думая, Белецкий сторговался с лавочником и уже через несколько минут нес заботливо завернутый в плотную бумагу ларец домой. Серафимом Аристарховичем овладело сладостное чувство от удачного приобретения. Он и сам не мог объяснить в чем же состояла удача покупки запертой шкатулки без ключа, однако ощущал приятно разливавшуюся по телу радость, пьянившую словно коньяк многолетней выдержки.

Обычно Белецкий не распространялся среди домашних о своих мистических антикварных находках, но сегодня загадочных сверток заметила его пятнадцатилетняя дочь Анастасия. Она накинулась на отца с расспросами и тому пришлось немного рассказать о новом приобретении. Когда же

Серафим Аристархович извлек шкатулку из бумаги, Настенька обомлела от восхищения, чем вызвала недоумение у отца. Казалось бы, довольно мрачная вещь, испещренная черепами, должна вызывать у молодой девушки отвращение, однако дочь пришла в неописуемый восторг и тут же начала упрашивать Белецкого подарить ей шкатулочку.

– Бог с тобой, Настенька. Зачем тебе столь странная вещь? Да и сломанная к тому ж.

– Ах, папенька, да вы посмотрите, как она хороша. Вы и сами это прекрасно знаете, уж будь она дурна так и не купили бы.

– Но она же для моей коллекции, – вяло запротестовал Серафим Аристархович. Характером он обладал мягким, да и в дочке души не чаял, а потому отказывать ей было для него сущим кошмаром. – На что она тебе?

– Уж очень по душе пришлась. Ну папенька! – Анастасия обиженно надула губы, и колеблющийся отец был вынужден сдаться под напором этого жалостливого взгляда, хоть и поворчал для проформы.

– Ах, ну бери, бери. Хотя к чему столь страшная вещь молодой девице, я совершенно не могу взять в толк. Мало

ли у тебя шкатулок – и филигранные и с перламутром, нет подавай ей жуткую с черепами.

– Ах, спасибочки! – обрадованная Настя жарко поцеловала родителя в покрасневшую от волнения щеку, и, схватив ларец тотчас выбежала вон.

– Погоди... – выкрикнуть Серафим Аристархович, но дочери уже и след простыл. А Белецкий меж тем начал осознавать, что совершил ошибку. пойдя на поводу у отеческих чувств. Ведь эта шкатулка вполне может быть опасной. Да ни один из магических предметов коллекции не принес в дом Белецких несчастье, но все они заперты в шкафу. Кто знает, что на самом деле таит в себе эта вещь? Расстроенный Серафим Аристархович направился ужинать, надеясь за столом уговорить дочь вернуть шкатулку.

За ужином супруга Белецкого Анна Саввишна пришла в сильное волнение, узнав, что дочь завладела жуткой вещью, испещренной черепами. Женщиной она была набожной и суеверной одновременно. Блюдя все церковные праздники, Анна Саввишна верила и в приметы. Она всегда носила на исподнем булавку от сглаза, верила в колдовство и заговоры, а в последнее время так и вовсе пристрастилась к спиритизму. В тайне от мужа госпожа Белецкая посещала собрания, на которых медиумы зывали к усопшим. На одном из таких собраний, вселившийся в ясновидца дух, предупредил Анну

Саввишну о грозящей ее семье опасности. Не предававшая сперва странному предсказанию особого значения Белецкая, услышав про шкатулку не на шутку испугалась.

– Отдай ее отцу! – строго наказала она дочери и тут же с негодованием обратилась к супругу. – Негоже в доме иметь подобные вещи! Зря ты, Серафим, собираешь эти предметы. Надо бы вызывать отца Сергия и освятить твой шкаф.

Серафима Аристарховича отчего то напугала мысль об освящении его коллекции. Он живо представил как отец Сергей, дымя кадилом, разбрызгивает святую воду на фигурки африканских языческих богов и нашел в этом что-то до отвращения противоестественное.

Анастасия же наотрез отказалась возвращать шкатулку отцу.

– Это все глупости и предрассудки, маменька! Шкатулка просто красивая вещица и ничего сверхъестественного в ней нет. А если и есть у меня в комнате стоят образа – уж не будете же вы, маменька, сомневаться в силе Святых угодников или же нательного креста – девочка приложила ладонь к груди, к тому месту, где под платьем располагался ее серебряный крестильный крест.

На столь веские аргументы у родителей не нашлось достойного ответа и им не оставалось ничего иного, кроме как перевести разговор на иную тему, ибо этот спор достоверно окончился победой юной барышни.

Анастасия Серафимовна Белецкая была натурой страстно увлекающейся, что весьма свойственно ее возрасту. Она залпом поглощала новые книги, внимательно изучала сведения о естественных науках, содержащихся в энциклопедиях, и даже тайком почитывала выписываемые отцом газеты. В мечтах своих юная особа то воображала себя на раскопках египетских гробниц, то тщеславной ученой, алчно ищущей секрет бессмертия в тайной лаборатории, то известной писательницей или поэтессой. Ясно было одно – оставаться скромной девицей ждущей хорошей партии Анастасии Белецкой было вовсе не по душе.

Когда же Настенька увидела загадочную шкатулку, то ощутила нечто весьма странное. Казалось, будто кто-то невидимый и неведомый шепнул ей на ухо: "Вот здесь, здесь в этом мрачном черном ларце и спрятана тайна бытия" И потому юная Белецкая, не раздумывая, приняла решение завладеть предметом во что бы то ни стало, хоть бы и пришлось выкрасть его из папенькиного шкафа. Однако, оказалось достаточным лишь ласкового тона да жалобного взгляда, и эбеновая шкатулка перекочевала в комнатку Анастасии.

Оставшись наедине с вожаделенной вещью, девица сама не зная отчего принялась ее обнюхивать точно охотничья борзая. Запах старого дерева, восточных благовоний и чего-то еще – непонятного, но весьма приятного и интригующего источала шкатулка. Настенька аккуратно потрогала венчавшую крышку козлиную голову и каково же было ее изумление, когда она обнаружила что голова это крутится. Белецкая слегка покрутила козла влево, и произошло невероятное – замок щелкнул и отвалился, а крышка внезапно открылась, явив взгляду юной барышни пурпурную бархатную обивку, устилавшую дно. Шкатулка была пуста, однако откуда-то из самых ее недр заиграла чарующая музыка. Сложно понять, что за струны или же клавиши создавали столь прекрасные звуки, однако мелодия завораживала.

Настенька приблизила загадочную вещицу к лицу, чтоб внимательно рассмотреть откуда же льется столь прекрасная музыка, но так и не обнаружила никаких хитрых устройств. Однако едва только она перевела взгляд со шкатулки на комнату, как с удивлением поняла, что спальня ее преобразилась. Точнее это было вовсе и не ее спальня, а чей-то кабинет, сплошь уставленный шкафами с необычными предметами и старинными книгами. Белецкая вскочила со стула и с любопытством принялась осматривать интерьер. На полках в одном из сервантов стояло множество шкатулок и каждая, казалось, была прекрасней предыдущей. Розовая с перламутром, усыпанная жемчугом и диковинными раковина-

ми, малахитовая с золотыми вставками и изумрудной крошкой, красного дерева с тончайшей восточной резьбой. Были здесь и стеклянные флаконы с духами – маленький изысканный в виде цветка таил в себе фиалковый аромат, побольше, имевший вид коринфской колонны пах цитрусами и морем, еще один, увенчанный крышкой-куполом источал сандал и амбру. А книги? Древние, слегка истрепанные на самых разных языках – китайский, арабский, французский, испанский. В некоторых содержались странные рисунки, изображавшие то обряды каких-то жутких жертвоприношений, то и вовсе сам Владыка Преисподней. Однако столь страшные картинки вовсе не испугали Анастасию, она потянулась было за следующей книгой, как внезапно вновь оказалась в своей привычной спальне. Но куда же исчезла загадочная комната с ее невероятно интересным содержанием? И что это было? Странный сон? Но ведь она не спала. Наваждение шкатулки? Или может это признак какой-то душевной болезни, что иногда случаются с молодыми девушками. Однако Анастасия Белецкая при всей своей впечатлительности вовсе не страдала расстроенными нервами. Ах, у кого бы узнать про столь необычное явление? – размышляла девица. Маменьке с папенькой точно ни слова, не то точно отберут.

Весь вечер до самой полуночи Настенька пыталась разгадать в чем же секрет шкатулки. Она вертела ее и так, и эдак, хотела было даже отодрать бархатную обивку, но уж больно было жалко портить красивую вещь. К тому же тщательно

прощупав пурпурную ткань Белецкая пришла к выводу что ничего кроме деревянного дна под ней нет. Но как объяснить музыку и странное видение? Неужто незаметно для самой себя Анастасия и впрямь задремала и волшебная комната лишь плод ее воображения?

Ах как хотелось бы вернуться в ту комнатку, – мечтательно подумала Настасья, – если это был сон, быть может, ночью я снова ее увижу.

Однако почти до самого утра юная Белецкая не смогла сомкнуть глаз. Она ворочалась в кровати и мысли о шкатулке непрестанно носились в ее голове. Лишь перед самым рассветом Морфей открыл для нее свои объятия, и Анастасия и впрямь увидела ту самую комнату. Но вовсе не так ярко и живо, как тогда, когда из ларца лилась красивая музыка. Сон ее был бледной тенью, выцветшим воспоминанием о волшебной комнате, да и то недолгим.

Проснулась Белецкая разбитой и с жуткой мигренью. Она вновь вяло повертела в руках шкатулку, но так и не обнаружив тайных отделений со злостью отодвинула предмет прочь.

– И с чего это я решила будто в ней что-то интересное, – обиженно размышляла Настенька, – обычная дере-

вяшка. Отдам ее вечером папеньке.

Шкатулка и впрямь перестала казаться ей такой уж красивой. Да взять хотя бы ее перламутровый ларец для украшений – он же в тысячу раз милее и лучше.

– Если и есть у этой вещи хоть какая-то ценность, – думала Белецкая, – то состоит она лишь в том, что на ее фоне другие кажутся куда приятнее.

До самого полудня Анастасия не выходила из комнаты и лишь к обеду смогла собраться с силами. Было воскресенье и потому Белецкие собирались в гости к близкому другу Серафима Аристарховича и по совместительству крестному Настеньки – Дмитрию Алексеевичу Прокофьеву. Дочь сперва не хотела ехать, но решила, что стоит немного развеяться, может и пройдет это сжимающая голову тупая боль.

Жили Прокофьевы недалеко и путь занял менее четверти часа. Обед был сытным и славным – суп из судаков, томленные в медовом уксусе перепелки, тушеная белорыбица, а на сладкое – бланманже. Настенька нехотя, исключительно ради приличия, поковырялась в тарелке. Как бы она ни хотела освободить свой разум от мыслей о событиях вчерашнего вечера и злосчастной шкатулке, у нее ничего не выходило. В конце концов юная Белецкая уж было почти решилась спросить об этом по пути домой отца, но сообразив, какое ее рас-

спросы вызовут среди родителей волнение, поняла, что лучше уж хранить все в тайне. Да и нет никаких подтверждений что комната с диковинами ей не приснилась.

– Что это ты Настенька будто не здорова сегодня? – тревожно поинтересовалась Анна Саввишна, когда уж почти подъехали к дому.

– Голова разболелась, да и спалось что-то неважно. – печально ответила дочь.

– Уж не шкатулка ли эта на тебя так действует? Раньше ты всегда была бодрa и весела.

– Ну что за глупости, маменька, – сама не ожидая от себя возмутилась вдруг Анастасия. – Я же сейчас не дома и шкатулки подле меня нет, а голова все одно болит.

– Погода прескверная, видно так действует, – пришел на помощь дочери Серафим Аристархович.

Вечером Настенька, ссылаясь на то, что уж больно перестаралась с обедом у Прокофьевых, от ужина отказалась. Она лежала одетая на кровати и задумчиво глядела в потолок и, если бы вы внезапно тронули ее за плечо и спросили – О чем же ты, Анастасия, думаешь, юная Белецкая вряд ли смогла бы вам ответить. Мысли ее носились в голове вих-

рем. Однако вихрь этот внезапно был прерван полившей ее невесть откуда прекраснейшей мелодией. Той самой мелодией, что играла в первый вечер из шкатулки.

Настенька радостно вскочила с кровати и хотела было кинуться к полке с ларцом, но вновь обнаружила себя в загадочной комнате. Теперь в комнате этой помимо шкафов с диковинами была массивная дверь. Белецкая раньше видела такие двери лишь в одной энциклопедии, где описывался какой-то индийский город, не то Калькутта, не то Бомбей. Немыслимо красивые узоры переплетались и создавали ощущение словно это вовсе не дерево, а кружево. Настенька решительно открыла чудную дверь, потянув за тяжелое железной кольцо.

Едва лишь она шагнула вперед, как лицо ее обдул свежий теплый ветер, принесший с собой аромат цитрусов, жасмина, мирта, вереска, лаванды и розмарина. Казалось, она вошла в благоухающий сад, где все деревья цвели и плодоносили одновременно. Впрочем, это было не далеко от истины. Перед Анастасией и впрямь оказался сад – южный томный, с тяжелыми плодами апельсинов и бергамота, тревожимых иногда морским бризом. Настенька никогда не была на море и не видала таких пышных и душистых садов. Она вдыхала этот чудный запах и не могла насытиться, ей мнилось, будто она попала в рай.

Однако едва лишь Настя хотела прогуляться по столь живописному месту, как вновь оказалась в своей скромной спальне. От разочарования Белецкой хотелось плакать. Ах, зачем она меня мучает, – с отчаяньем подумала девица и, едва сдерживая слезы, бросилась на кровать.

Снова выдалась бессонная ночь. Настенька с тревогой размышляла о том, к чему же шкатулка показывает ей это прекрасное место. Теперь уже не осталось никаких сомнений в том, что это проделки загадочного ларца. Ах, как бы мне хотелось поселиться в том чудном месте. – мечтала Анастасия, – я бы часами разглядывала великолепные вещицы, изучала бы древние книги, а вечерами дышала бы морским воздухом. Я бы бродила меж цитрусовых деревьев, и слушала по ночам шум прибоя – наверняка он проникает в открытые окна дома. А сколько еще неизведанных комнат таит в себе тот дом? Бьюсь об заклад, там есть помещения с дивной старинной мебелью, античными статуями и греческими вазами, и галерея, увешанная портретами загадочных дам и господ, библиотека сверху донизу заполненная редким экземплярами книг. А что там дальше, за садом? Бескрайнее море, с изредка белеющими парусами кораблей? Оливковые рощи? Лавандовые поля?

А если шкатулка будет переносить меня и в другие места? – думала Белецкая, а в том, что визит в дивный сад

не был последним путешествием, подаренным ей ларцом, Настенька была уверена. Она стала размышлять о том, как неплохо было бы разгадать шкатулкин замысел. Ясно одно – все два ее посещения прекрасного места происходили вечером. Анастасия горько жалела, что не успела засечь точное время, когда начала играть музыка. Но ничего, – решила Белецкая, – уж в следующий раз я не оплошаю. А что, если забрать с собой оттуда какой-нибудь предмет? К примеру, ту чудесную перламутровую шкатулочку с жемчугом?

Злость Настеньки сменилась мечтательностью и нетерпеливым ожиданием завтрашнего вечера. Ах, как же ей хотелось подольше побыть в волшебном доме. Или того лучше – каждый вечер в разных домах, временах эпохах. Во дворце французского короля, в покоях Клеопатры, в замках северных принцесс. Со столь сладостными мыслями Анастасия наконец заснула, а тусклый свет, слабо проникавший через портьеру, возвещал начало нового дня.

Прямо со следующего утра Настенька места себе не находила в ожидании заветного часа. Она пыталась отвлечься разными занятиями – читала роман, вышивала красные маки, даже лепила фигурки из воска да все было не то. Мысли Белецкой неустанно кружились вокруг шкатулки и таинственного дома. Казалось, не было ни одной минуты, что бы Анастасия не думала о ларце.

Странное дело, – размышляла она, – лишь третий день здесь это вещь, а я к ней так привязалась будто и не было до нее у меня никакой жизни. А что же было? – Внезапно, Настенька осознала, что плохо помнит предшествующие появлению шкатулки дни. Однако это открытие ее несколько не напугало. Не помню, значит ничего хоть сколько-нибудь важного и не произошло, – решила Белецкая.

В полдень к ней заглянула матушка. Анна Саввишна с тревогой подметила, что дочь стала заметно меньше есть и в целом была несколько задумчива и рассеяна. С присущим ей суеверием Белецкая старшая решила, что Настенька все же подверглась магическому воздействию странного предмета. Однако как поступить в столь неприятной ситуации Анна Саввишна не знала. Она разрывалась между желанием отвести дочь к причастию и стремлением посоветоваться с медиумами городского спиритического общества.

– Не заболела ли ты, Настенька? – стараясь быть как можно ласковее, спросила мать.

– Со мной все преотлично, маменька, – нервно, словно отмахиваясь от назойливой мухи, отрезала Анастасия.

Опасения Анны Саввишной подтверждались. Раньше дочь не позволяла себе быть такой резкой. Впрочем, можно

ли сейчас винить девочку, ведь то вовсе не ее воля. Старшая Белецкая, закрыв дверь в Настенькину спальню, решила все сперва узнать мнение медиумов. Да самым разумным казалось решение избавиться от злощастной шкатулки, но как знать – насколько глубоко ее влияние проникло в Анастасию. Ведь можно сделать и хуже. Сперва следует спросить у сведущих людей.

Едва наступил вечер, Настенька с замиранием сердца ожидала заветной музыки. Она села на кровать молитвенно сложила руки, закрыла глаза и надеялась, что вот-вот, да и заиграет знакомая чудесная мелодия. Однако проходили минуты, часы, близилось десять, а музыки все не было. Юная Белецкая маялась до полуночи – она бродила по комнате, заламывая руки, трясла шкатулку, кричала на нее, чем напугала и без того встревоженную мать, проходившую мимо комнаты. Так и не дождавшись желанных звуков, Настенька рухнула на кровать и обессиленно лежала, глядя в потолок. Гнев отпустил ее, уступив место отчаянию и тоске.

Но едва только легкая дрема сомкнула ее веки, как вновь полились благословенные звуки. Анастасия открыла глаза и обнаружила себя в огромной кровати под нежно-розовым полупрозрачным балдахинном. С восторгом девица вскочила и принялась осматривать комнату. Справа от кровати была изящная тумба, над которой висело старинное зеркало в позолоченной массивной оправе. На тумбе этой стояли

всевозможные склянки, пузырьочки, пудреницы, флаконы с помпой, коробочки с румянами и помадой. Напротив кровати располагалось окно. Оно было настежь открыто и легкий теплый ветер слегка колыхал занавеску. Настенька выглянула наружу: бескрайнее синее море простиралось до самого горизонта, солнце клонилось к закату и его медовые лучи окрашивали морскую гладь в медно-розовый цвет. Где-то вдали черными точками порхали чайки. Белецкая никогда раньше не видела чаек, но была уверена, что это они. Снова пахло цитрусами и розмарином, но в этот раз к пряному аромату примешивался еще и свежий запах моря. Как же здесь чудесно, – восхищалась Настенька, – вот бы остаться тут навсегда. Она еще сильнее высунулась из окна. Море было так близко, что на лице своем девушка ощущала теплые капли соленой воды.

– Настенька, Настенька, да очнись же ты! – доносилось откуда-то издали, но голос становился все громче и громче. Анастасия открыла глаза и увидела встревоженное лицо матери, за спиной которой не менее встревоженно топтался отец. Так же над ней с озадаченным видом склонился и доктор Евгений Валентинович Вяземский, бывавший у Белецких частым гостем на праздничных ужинах.

– Что случилось? Почему я здесь? – вяло пролепетала девушка.

– Мы не могли тебя разбудить. – дрожащим голосом ответила Анна Саввишна. – К завтраку ты не спустилась, к полудню я уж совсем извелась. А сейчас вот уже четвертый час и ты только очнулась. Наверное, это глубокий обморок.

– Во сколько же вы, Анастасия Серафимовна, вчера легли? – вежливо поинтересовался доктор.

– Ах, уже и не помню. – Настенька ужасно хотела, чтобы ее оставили в покое. Мало того, что выдернули из прекрасного сна, так еще и пытаются допросами.

– Думаю, барышня вчера легла весьма поздно. Вот и проспала сегодня так долго. Зря вы, Анна Саввишна так беспокоитесь, – резюмировал, улыбаясь, Евгений Валентинович, – А вам, Анастасия Серафимовна, следует наладить режим сна, что боле не пугать так родителей.

Едва только доктор покинул дом Настенькина матушка вернулась в спальню дочери и принялась бесцеремонно шарить по полкам. Впрочем, долго искать не пришлось, так как злосчастная шкатулка стояла на самом видном месте. Анна Саввишна схватила ее и строго отрезала:

– Это! Больше не будет храниться в нашем доме! Я сегодня же попрошу отца, что б вернул ее в антикварную лавку.

– Не смей! – Настенька с остервенелым визгом кинулась на мать, и если бы не подоспевший вовремя Серафим Аристархович, то девица верно бы расцарапала родительнице лицо.

Юную Белецкую заперли в комнате, где она сперва нещадно, с невероятной для столь хрупкого организма силой крушила мебель и предметы. Родители же сидели в гостиной и с ужасом взирали на черную эбеновую шкатулку. Теперь уж ни у Серафима Аристарховича, ни у Анны Саввишной не было ни малейшего сомнения, что вещь эта проклята и именно она довела их дочь до столь ужасного состояния.

Выбившись из сил, Настенька затихла. По крайней мере не было больше слышно звона разбитых ваз, зеркал или глухих ударов в дверь.

– Хоть бы заснула, – с надеждой прошептала мать. – А это, – она указала на шкатулку, – непременно сожги. Завтра же.

В Серафиме Аристарховиче тем временем боролись страстный коллекционер и любящий отец. Первый желал оставить столь необычный и мощный по своему воздействию предмет в своем закрытом шкафчике, второй же настаивал на немедленном истреблении проклятой шкатулки. Суро-

вый тон жены, ее горе и тот кошмарный взгляд, что имела Настенька, когда бросилась с кулаками на собственную мать, все же убедили Белецкого в необходимости уничтожить свою последнюю антикварную покупку.

Настенька тем временем неистово рыдала в подушку. Больше всего на свете она хотела бы вновь оказаться там, в том чудном доме, где ветер разносит запах моря и цитрусовых деревьев и остаться там навсегда. Никогда, никогда больше не видеть эту чертовую комнату и родителей. Но, теперь, когда шкатулку забрали, ей больше не бывать в тех прекрасных местах, не дышать лавандой и миртом, не глядеть в морскую даль. Ах, как жестока к ней судьба. Дала кусочек счастья, чтобы тут же его забрать.

Но что это? Настенька присела на кровать и не могла поверить своему счастью. Музыка. Та самая волшебная музыка заполнила комнату. Казалось, она лилась ото всюду – из шкафа, из осколков разбитого зеркала, из опрокинутой вазы.

В мгновение ока Анастасия оказалась в ночном саду. Сад этот был полон звуков и запахов. Ароматы цветущих магнолий, туберозы и орхидей наполняли воздух дурманящей пряностью. Стрекотали цикады, а где-то недалеко волны облизывали еще теплый от вечернего солнца песок. Ветер играл листвой апельсиновых деревьев и лавра. Птицы, дивные ночные птицы пели в их ветвях.

Вот оно, великое, безграничное счастье, – подумала Настенька и побежала к морю. Огромная бледно-желтая луна отбрасывала золотистую дорожку на водную гладь. Вода была теплой, а волны такими ласковыми словно объятья любящей матери. Белецкая легла на берег и усталилась на небесный свод – мириады звезд мигали ей из загадочной темной дали. Настенька наконец-то чувствовала себя не гостьей, а частью этого мира. И она и эти звезды и морские волны и лунный диск – все это часть единого целого. А что это – сон или колдовство или бред воспаленного сознания не так уж, в сущности, и важно. Главное – это счастье, безмерное, безграничное, огромное как этот мир.

Она пролежала так до самого рассвета, пока первые медовые лучи солнца не осыпали золотом водную рябь. На веранде прекрасного дома ее уже ждал накрытый какой-то невидимой рукой завтрак. Самые вкусные на земле булочки, варенье из чудесных фруктов, которые Настенька не пробовала ранее, черный крепко заваренный чай с жирными сливками, как она любила.

Внезапно перед Белецкой возник человек в белых одеждах. Он был еще молод на висках его и в бороде пробивалась седина. Вид его был строг, но благообразен. Должно быть я в раю и это сам Господь, – подумала Анастасия. Незнакомец,

словно прочтя ее мысль ответил:

– Разве так важно кто я?

– Разве так важно кто я, – повторила про себя его вопрос Настенька. – А ведь и впрямь не важно. А кто же я? Кто я сама? Я ведь и этого не знаю.

Она больше не помнила себя, не помнила ту Анастасию Белецкую, которой являлась еще пару дней назад. Теперь ей казалось, что она всегда была здесь – ночным ветром, колышущим ветви лавра, птицей, щебечущей в кипарисовых зарослях, пчелой, выходящей над цветком олеандра. Она всегда была здесь, она и есть это место.

– Ты видела здесь очень мало, – произнес человек в белых одеждах. – Я пришел сказать тебе, что ты можешь познать большее. Ты можешь стать рыбой и плавать в синих морских глубинах между кораллов, ты можешь стать орлицей и парить в небе, созерцая луга, рощи и виноградники. Ты можешь стать царицей и тысячи людей соберутся на площади и будут восторженно кричать твое имя.

И Настенька тут же обратилась чайкой и взмыла над морем. Бесконечно синяя гладь распласталась под ней, бесконечно синее небо простиралось над ней. Она пролетала сквозь белые перины облаков и грелась в обжигающих лучах

солнца.

А ее настоящее брненное тело сидело, глупо улыбаясь на кровати, и безутешные родители напрасно старались, пытаюсь привести дочку в чувства.

В тот же день Анастасию Белецкую забрали в сумасшедший дом. Она так и проводила все дни и ночи со странной улыбкой на лице, вроде не во сне, но и не бодрствуя, словно сознание ее покинуло и блуждало где-то в далеких краях, что в общем то было не далеко от истины. Настенька не пила и не ела, и все попытки насильно влить в нее питье и еду оканчивались неудачей. Через неделю столь странного существования юная Белецкая тихо скончалась у себя в палате, оставив неразрешимую загадку докторам и страшное горе родителям.

А черная загадочная шкатулка эбенового дерева таинственным образом исчезла, и как не пытался Серафим Аристархович ее отыскать, дабы покончить навсегда с проклятой вещью, ничего у него не вышло.

Говорят ее видели на турецком базаре, а может и на каирском рынке да вот только никто не может знать точно — она ли это была. Однако если все же вам встретится нечто похожее, приобретать ее настоятельно не рекомендую.

СУЖЕНЫЙ

По свежему хрустящему снегу, еще не убранному дворниками, спешила невысокая девушка в черной приталенной шубке. Поглощенная собственными мыслями, она будто и не замечала тяжелые снежные хлопья, обильно исторгаемые небом на ее темно-русую косу и ресницы. Девушка блаженно улыбалась кому-то воображаемому, словно вела в своей голове приятный диалог. Это была гимназистка старших классов Варенька Свешникова. Она неслась с занятий домой, но вовсе не для того, чтобы корпеть над учебником французского или того хуже – географии. Нет. Варенька страсть как хотела записать на листе, пришедшие ей в голову строки стиха. В стихе этом она туманно намекала на некий прекрасный, но не доступный предмет. Варенька была влюблена и, с того самого мига как вспыхнула в ее сердце роковая страсть, каждый день для нее был и раем, и пыткой. Пылкое ее воображение рисовало то картины томных, щемящих сердце прогулок с предметом обожания, его признания, и робкие, но многочисленные взгляды. То вдруг она стыдилась своей слабости и находила эти чувства унижительными, решая, что с завтрашнего же дня запрещает себе всяческие мечты. А после недолгого, но крайне мучительного воздержания от фантазий, делавшего ее раздражительной и подавленной, Варенька вновь ныряла в водоворот воображаемых страстей. Сегодня был как раз такой день, когда, усмирив грызущий душу

стыд, она позволила себе быть влюбленной и счастливой. И пусть тот, с чьим именем на устах она засыпает каждую ночь и не знает о ее страсти, пусть для него она лишь едва знакомая непримечательная девица, но что плохого в мечтах, если они хоть на мгновение, но делают ее столь радостной?

Объектом сильных чувств Вареньки стал Родион Ростовцев – юнкер В-го училища, статный молодой человек с ясным взглядом и густой гривой каштановых волос. Варенька повстречала Ростовцева на поминальной службе по безвременно ушедшему троюродному брату, скончавшемуся от чихотки прошлой весной. Тогда, в апреле, когда все в природе возвещало жизнь, страсть как не хотелось думать о смерти. И потому, заметив в церкви томные – синие с поволокой глаза молодого юнкера, Варенькино сердце затрепетало, словно пойманная в крошечную клетку птичка. Всю панихиду она бросала робкие взгляды на статного юношу, и пару раз Варе даже казалось, что и он посмотрел на нее как-то особенно по-теплому. Вечером того же дня девушка сидела во дворе на старых, давно не смазанных скрипучих качелях и мечтала. Царили весенние, сиреневые сумерки, готовились распуститься вишневые и яблоневые цветы, было томно и сладостно и потому на Вариных устах блуждала блаженная, так не приличествующая трагическому событию улыбка.

Сперва она боялась, что кто-нибудь застанет ее столь неожиданно счастливую и спросит – уж не радуется ли она

кончине брата. Но так нравилось ей мечтать, что она тут же отогнала от себя все ненужные мысли – пускай думают что хотят, брата уже не вернешь, а в ней кипит кровь и заставляет неровно биться ее молодое сердце.

Варенька представляла как вот в такую же чудную пору в этом самом саду они будут гулять с Ростовцевым по узким тропинкам меж яблоневых деревьев. Юнкер робко возьмет ее руку в свои и, взглядом моля о взаимности, поднесет к губам. Ах, как же сладостно будет это мгновение. Они конечно же обручатся и станут появляться вместе на приемах, и все девицы с нескрываемой завистью будут на глядеть на Вареньку и ее прекрасного жениха.

Спустя пару недель безудержных фантазий девушка случайно услышала, что Ростовцев волочит за Наташей Синицыной, девицей весьма недурной наружности с неплохим приданным. Узнав эту сплетню, Варенька стала мрачнее тучи. Она поняла, что на пути, к безграничному счастью, возникло кошмарное непреодолимое препятствие. Сердце ее разрывалось от боли и несколько дней Варя ходила чернее тучи, вяло отвечая на вопросы домочадцев, что ей нездоровится. Пару раз она даже следила тайком за домом Синицыных, что б как следует разглядеть конкурентку.

– Да не так уж она и хороша! – думала Варенька, провожая взглядом спешащую к двуколке Наташу. Одета в про-

стенное бежевое платье с незамысловатой шляпкой на рыжеватых волосах, Синицына и впрямь не выглядела яркой красавицей. Однако что-то притягательное в ней определено было, и Варенька с горечью это отметила. – Счастливица. Как же невыносимо больно, что тот, о ком нынче все мои мысли, увлечен ею. Чем заслужила она такую радость.

Варенькино горе было таким же глубоким и сильным, как и ее влюбленность. Но не прошло и недели как сквозь черные тучи тоски и ревности, стали пробиваться лучи надежды. Девушка узнала, что между Родионом и Наташей еще точно ничего не уговорено, а кроме прочего за Ростовцевым закрепилась слава волокиты, который раз в полугодие нет-нет да увлечется очередным игривым локоном или пикантной мушкой на румяной щеке.

– Это все оттого, – размышляла Свешникова, – что судьбою ему предназначена я. Потому он и волочится за многими и никак не найдет той самой. А ведь это я. Надо бы непременно попасться ему на глаза и устроить личное знакомство!

Так промаялась она все лето и осень, то воспаряя к небесам, то погружаясь в пучину отчаяния. И лишь к новому году выдался случай быть лично представленной Ростовцеву. На катке, где после первых морозов сновали туда-сюда стаями румяные юноши и девушки, Варю и Родиона познакомил наконец общий товарищ.

Ростовцев окинул беглым взглядом девушку и даже не удостоил Свешникову хоть сколько-нибудь вежливой улыбки. Зато с давней Варенькиной знакомицы Оли Астафьевой не спускал глаз. Все ездил вокруг нее, стараясь как бы невзначай поддержать под локоток. Та жеманничала и уворачивалась с напускным кокетством. День, который Варвара тысячи раз представляла в своих мечтах, оказался днем краха ее надежд.

– Это что же получается? – размышляла про себя Варя, – если, как о нем судачат он не пропускает ни одной юбки, а на меня даже и не взглянул, стало быть, я для него гаже всех? Но как же так?

Сложно описать горе, постигшее юное Варенькино сердце. Да с высоты прожитых лет, первая влюбленность кажется нам сущим пустяком, но это после, когда страсти уже не будоражат молодую кровь. Варино отчаяние было таким сильным, что сперва она стояла словно пораженная громом, и пару раз ее едва не сбили с ног лихие катальщицы с песцовыми муфточками. Сославшись на дурноту и головокружение, Свешникова покинула каток и, не вытирая стынущих на зимнем ветру слез поспешила домой. Завьюжило, и очередной порыв вихря сорвал с Варвары шапку, но она и не думала останавливаться, решительно шагая сквозь снежный буран.

– Ну и пусть. Пусть меня продует. Пусть я заболею и умру. Пусть я буду лежать в бреду и горячке. Пусть..

В отчаянии она было хотела рухнуть в сугроб, и зарывши лицо в ворох колкого снега рыдать навзрыд, но сновавшие несмотря на метель по улице прохожие, уберегли ее от столь неприличествующего молодой даме поступка.

Приближалось Рождество. Всюду: на улицах, рынках, ярмарках витал счастливый дух грядущего праздника. Краснощекие лоточники продавали калачи и сбитень, торговые ряды ломились от яств и разносолов, лавочники украшали витрины золотыми ангелочками и еловыми ветвями. Вечерами – бесснежными с синим бархатным небом и скрипящим от мороза настом мимо окон сновали парочки, отовсюду слышался девичий смех. И только Варя Свешникова не разделяла этой веселости. На каникулах она часами просиживала за книгой, делая вид, что усердно изучает предмет, да вот только за все это время не прочла ни одной строчки. Иногда крупные соленые капли падали на пожелтевшие страницы, и Варя украдкой смахивала их, стараясь придать себе ученый сосредоточенный вид.

Как грустны были в эту пору и домашние приготовления к сочельнику. Варя нехотя наряжала елку, вспоминая как радовали раньше ее все эти милые предрождественские хло-

поты. Каждый год она с нетерпением ждала момента, когда можно будет достать из пыльных коробок стеклянные шишки, сосульки, орешки с позолоченной скорлупой. деревянных коньков и бумажные гирлянды. Каждый год говела она перед праздником, чтоб в святой день как следует насладиться румяным гусем и медовыми пряниками. Но сегодня не было в ней и следа былого восторга. Варя будто внезапно и резко повзрослела, безвозвратно утратив детскую способность радоваться каждой вещице.

Особенно была она грустна в сочельник и всеобщее веселье лишь еще больше загоняло Варвару в тоску. Тоскливо прошла и всенощная, приносившая раньше чувство свершившегося чуда. Свешникова всю службу с завистью рассматривала молодые семейные пары прихожан и с горечью осознавала, что им с Родионом никогда не стоять вот так в пропахшей хвоей и горячим дыханием верующих церкви и не глядеть сквозь слезы на венчальную икону Казанской Божьей матери.

На ужин за столом собралась вся семья. Подавали заливного поросенка, пироги со стерлядью и севрюгой, утку с яблоками, а на сладкое-пломбир с шампанским и ананасами. За праздничной трапезой Варины домочадцы были особенно веселы. Отец рассказывал забавные случаи, имевшие место быть на службе, а мать и братья от души смеялись. Бабушка же внезапно вспомнила состоявшуюся прошлой осе-

ную свадьбу, наделавшую немало шума в светских кругах. Вдовствующий г-н Ларинский возьми, да и женись ни с того ни с сего на собственной горничной. И ладно бы если дама та была бы молода и недурна собой, так нет же. Наружность невеста имела весьма посредственную, а возраст будущей мадам Ларинской неизбежно приближался к тридцати годам.

– Но в одном я уверена наверняка, – рассуждала Ольга Дмитриевна, бабушка Варвары, – в этом деле едва ли обошлось без чародейства.

– Да полно вам матушка про такие вещи говорить в святой праздник! – возмутился отец. А вот Варю бабушкино сообщение заинтриговало.

– Разве можно с помощью чародейства заставить человека тебя полюбить?

– Ну конечно! Всему городу известна эта мадам Межер и многие девицы и даже замужние дамы не гнушаются ходить к ней за всевозможными зельями и приворотами.

– Да ну перестаньте, матушка! Зачем вы забиваете Варваре голову глупостями. – Отец внимательно посмотрел на Варю. – Это страшный грех, Варенька. Да и не верю я в эти

ваши привороты. И нет ничего удивительного в том, Ларинский проникся чувством к единственной даме, что скрашивала его вдовческое одиночество.

– А я вам говорю, что его приворожили. – не унималась Ольга Дмитриевна.

Родные поспорили еще немного и перешли на обсуждение святочных катаний. Но этот нелепый разговор о странном союзе бросил в Варину душу зерно надежды и настроение ее изменилось. Теперь вместо тоскливых размышлений о своем несчастье она задумалась о том, как бы выяснить больше о загадочной мадам Межер, не вызывая толков и подозрений.

Оказалась, мадам Межер и впрямь пользовалась популярностью среди молодых и не очень особ города. Едва только Варенька осторожно поинтересовалась у одной из подруг насчет загадочной ворожеи, как тут же получила подробный рассказ о множестве соединенных ее магией союзов и адрес гадалки в придачу. Однако посетить мадам Варвара все же не решалась. Мучительно размышляла она о том, какое суровое наказание ожидает души тех несчастных, кто отважился прибегнуть к черной магии для достижения своих целей. Но может, Господь, увидев, как сильна ее любовь к Родиону и как чисты на самом деле помыслы, пощадит несчастную девушку. Варя была уверена, что, если только ей удастся привлечь Ростовцева, она, несомненно, сделает его самым счаст-

ливым человеком в мире. Так что же в этом дурного?

Или может все же сходить в храм и попросить у Господа помочь в любви? Но за свою недолгую жизнь Варенька слишком часто видела, как бывает глух Бог к человеческим мольбам, иначе и не шли бы к гадалкам и знахарям отчаявшиеся люди. Но в храм Свешникова все же зашла.

После утрени, Варя стояла в опустевшей церкви перед образом своей покровительницы Великомученицы Варвары. Пахло ладаном и сыростью, сухая старушка намывала истоптанный прихожанами пол и бросала на девушку редкие недобрые взгляды. Варя зажгла свечу и хотела было приложиться к образу, однако что-то ее остановило. Она вдруг ясно осознала, что в глубине души все уже решила и не сегодня так завтра отправится на ту злосчастную улицу, где на первом этаже невзрачного дома и находится салон мадам Межер. Так к чему же все это притворство – свечи, иконы, молитвы. Варя чувствовала, что вершится ее судьба, какой-то рок несет ее к странному и столь страшному для христианки поступку, но противиться этому року она уже не могла.

...

В приемной мадам Межер царил полумрак. За столом возле окна сидела некая дама, видимо принявшая на себя обязанности секретаря гадалки. Дама эта была лет сорока с рысыми, отдававшими в рыжину волосами, забранными в ту-

гой пучок на затылке. Она исподлобья одарила сухим ничего не выражающим взглядом Варю, и узнав, что та не записана хотела уж было отправить девушку восвояси. Однако полистав лежащий на столе журнал, строго сообщила:

– Вам необычайно повезло, мадмуазель. Одна особа отменила сегодняшний визит к мадам на это самое время. Подождите немного здесь. Мадам скоро вас примет.

Откуда то из кабинета, в котором должно быть и сидела гадалка пахло восточными благовониями. Сладкий сандаловый запах слегка одурманивал и клонил ко сну. Варенька присела в глубокое кресло. Тревога и волнение, которые безраздельно владели ей по пути к этому дому, отступили, и теперь Варваре казалось будто все это – странное место, гадалка за толстой дубовой дверью, снегопад за окном, и сама она – все это нереально. Может это лишь странный сон? Старые рассохшиеся часы мерно отсчитывали время. Часы эти были настолько древние и необычные, что казалось, их таинственным образом выкрали из очень далекой эпохи и какой-то загадочной страны, очертаний которой уже не найти на картах. Впрочем, многие предметы в этой приемной выглядели весьма удивительными. Маленькие статуэтки неведомых божков из черного дерева, свитки папируса, испещренные клинописью, чаши из темной глины с будто бы запекшейся на дне кровью. Вареньке было жутко и одновременно любо-

пытно рассматривать все эти вещи.

Внезапно скрипнула дверь, и из кабинета вышла закутанная в пальто высокая дама. Лицо свое она старательно закрывала песцовым воротником, чтоб сохранить инкогнито.

В обители гадалки было еще темней чем в приемной. Наглухо закрытые тяжелые портьеры не пропускали свет из окон. Повсюду стояли странные вазоны и шкафы, наполненные множеством таинственных вещей. Варя успела разглядеть лишь несколько склянок с невероятно уродливыми зародышами, да каменные статуи неизвестных идолов. Сама мадам Межер была стриженной брюнеткой неопределенного возраста. Глаза ее, густо подведенные сурьмой, делали ведьму похожей на изваяние Нефертити, что встречается в некоторых музеях. Она тасовала колоду карт, и быстрые движения морщинистых рук заставляли плясать и колыхаться пламя трех черных свечей, горевших на столе. Справа от гадалки, в медной курильнице дымилось благовоние.

Варя растерянно стояла посреди комнаты, пока Межер знаком не разрешила ей присесть. Варенька хотела было раскрыть рот, но мадам жестом показала ей молчать.

– Воровать любовь. – Мягко произнесла гадалка с французским акцентом и не обращая внимания на округлившиеся Варины глаза продолжила – Мне нужна вещь ваш кавалер.

Свешникова знала, что в таких ритуалах необходим предмет или фото, а потому заранее припасла случайно обронённую на улице перчатку Родиона. Как удивительно гладко все складывается, – размышляла она, – эта перчатка теперь пригодилась и место для меня у мадам тоже освободилось весьма кстати. Значит сама судьба хочет свести нас с Родей, пусть и против его воли.

Гадалка тем временем, отложив колоду в сторону и закрыв глаза, водила руками над перчаткой. Беззвучно шевеля губами, она вдруг схватила Варвару за плечо и, крепко сжав начала бормотать уже вслух несвязный текст на каком-то должно быть очень древнем языке.

Не то от удушливого воздуха, не то от странной обстановки происходящего, не то от волнения, а может и вот всего сразу, но Вареньке сделалось дурно. Она откинулась на спинку глубокого кресла, в котором сидела и погрузилась в странное состояние. Варя осознавала себя одновременно и в своем теле, и вне его. Ей казалось будто дух ее отделился и парит под потолком комнаты сверху наблюдая за обмякшей обездвиженной плотью. А затем и вовсе Свешникова увидела какие-то далекие края, страны, загадочные и неизвестные земли. Она пролетала над океанами и горами, точно птица по воздуху пересекала засушливые пустыни и тропические леса, она проносилась сквозь мириады звезд и густые пери-

ны облаков. Страх полностью исчез и Вареньке даже стало нравиться это невероятное внетелесное путешествие.

Внезапно она очнулась и обнаружила себя все еще лежащей в том самом кресле, а мадам Межер опуская кисть руки в стакан брызгала водой ей в лицо, пытаясь, видимо, привести в чувства.

– Я кажется, приболела, – как бы извиняясь за свой неожиданный обморок, пролепетала Варя. Она бросила на гадалкин стол несколько смятых бумажек, вырученных в ломбарде от продажи серег и браслета, подаренных ей бабушкой на именины, и поспешила выйти на улицу.

В городе уже стемнело. Из пепельного неба мягко беззвучно сыпались огромные хлопья снега. Варя вдохнула свежий зимний воздух. Дальше по улице из булочной пахло выпечкой и марципаном, от проезжающий мимо повозок несло овчиной и мокрым деревом. Свешниковой казалось, что все, через что ей пришлось сейчас пройти – гадалка, полет души, обморок, все это было лишь сном. Станным и в чем даже приятным, но сном. И ведь действительно клонило в дрему. Дойдя наконец до дома, Варя, не раздеваясь рухнула на кровать и крепко заснула.

Январское воскресное утро выдалось солнечным и морозным. Искрились сугробы, под ногами свежо хрустели дорож-

ки, ребятишки катались с горы на салазках, в пушистых ветвях деревьев резвились снегири и синицы. Варвара проснулась в прекрасном настроении, будто сон, которым она так долго спала, излечил ее от всех душевных недугов. Страшно хотелось есть и, Свешникова, умывшись тут же поспешила в столовую. Оказалось, что все уже позавтракали и Вареньке пришлось в одиночестве уписывать сдобу в прикуску с крепким черным чаем со сливками. Отличавшаяся в обычное время слабым аппетитом, сегодня Варвара, не стесняясь съела пять булок, усердно сдобрив выпечку сливочным маслом и абрикосовым вареньем.

Она и думать уже не думала о своем вчерашнем визите к мадам Межер. Где-то на задворках ее сознания шастала мысль о свершенном привороте, однако хорошенько поразмыслить об этом Вареньке не удавалось или попросту не хотелось.

Днем она сама не зная зачем бродила по ярмарке радостно рассматривая медовые пряники и сахарных петушков, будто никогда не видала их ранее. Варя чувствовала себя невероятно окрыленной, она дегустировала бочковые огурцы с лотков, грызла прямо на морозе свежий калач и едва не пустилась в пляс вместе с балаганщиками. Целый день Варенька слонялась по улицам восхищаясь всем что видела – ах какие прекрасные сказочно снежные деревья, ах какие замеча-

тельные люди с простыми, но добросердечными лицами, ах какие чудные здания и какой великолепный празднично сияющий над этими зданиями небосвод. Но если бы кто-нибудь внезапно остановил ее и спросил – в чем причина ее столь неистового счастья, Варвара Свешникова не смогла бы толком ответить.

Так миновала почти неделя. Вьюжные дни сменялись солнечными, а городские жители то разъезжали на санях, то сидели по домам за шипящим самоваром. Аккурат перед Крещением Варенька с подружками гимназистками вновь собрались на каток. Настроение ее к тому времени выровнялось – она больше не витала в облаках от беспричинного счастья, но и не кручинилась в тоскливых думах. Будь что будет, решила Варя – полюбит меня Родион так и славно, а нет – значит, тому и быть. Она все еще гнала от себя мысли о привороте, отчего то ей теперь стало жутко стыдно за свой поступок. Как хорошо, – размышляла Свешникова, – что никому не известно, что я наведывалась к этой даме.

На катке было не протолкнуться. Разодетые по последней моде барышни, юные гимназисты, статные матроны в соболиных мехах, импозантные хлыщи с набриолиненными усиками – все бодро скользили по льду, задеваясь иногда локтями. Был здесь и Родион Ростовцев в компании давних приятелей. В этот раз Варенька даже не пыталась приблизиться

к юнкеру. Однако едва она проехала круг Ростовцев сам нарисовался подле девиц. Прямо как в прошлый раз Родион поддерживал девушку под локоть во время катания, но только теперь на месте Оли Астафьевой была сама Варя. Можно ли описать то невероятно счастье, что испытывала она в эти мгновения. Локоть, ее собственный локоть казался ей святым местом ведь именно к нему, пусть и через пальто прикасался ее возлюбленный. А взгляд, этот взгляд. Сколько томления и страсти было в этих синих глазах. Варенька таяла. Она напрочь забыла, что столь явная симпатия Ростовцева в ее сторону может быть вызвана магическим воздействием. Варе казалось, что Родион просто наконец-то заметил, как она хороша и как славно они подходят друг другу.

После катка пошли гулять в заснеженный парк. Почти стемнело и пушистые ветки искрились в свете зажжённых фонарей, отчего становилось тепло и уютно, хоть мороз и щипал щеки. Впрочем, тепло на душе у Вари было не только из-за фонарей. Родион сперва запоем рассказывал ей забавные случаи из детства и юношества, но, когда они подошли к раскидистой ели, Ростовцев дернул огромную еловую лапу. Сотни искрящихся снежинок посыпались Варе на лицо и даже за шиворот, но это вовсе ее не расстраивало. Напротив – она заливисто смеялась этой мальчишеской выходке своего друга. Родион сперва тоже хохотал, но внезапно лицо его стало серьезным и внимательным. Он приблизился к Варваре и внезапно губы его впились жарким поцелуем в ее уста.

От волнения и сладостности момента Варя едва не лишилась чувств. Все, о чем она мечтала, еще тогда сидя на качелях, после похорон брата, все это воплощается теперь в жизнь. Если бы от счастья и впрямь можно было бы умереть, Свешникова скончалась бы прямо сейчас возле этой огромной заснеженной ели. Они еще долго бродили по аллеям и щебетали как весенние пташки, а прощаясь, пообещали друг другу встретиться вновь как можно скорее.

В ночь после этой долгожданной прогулки Варя никак не могла уснуть. Она мечтала и мечтала, представляя пышную свадьбу, сотни гостей, батюшкино благословение и слезы маменьки, праздничное венчание и роскошный бал в честь молодых. Мысленно Варвара выбрала и портниху, у которой сошьет подвенечное платье, и блюда, которыми уставят столы и имена детей – сладких ангелочков, которые непременно родятся у них с Ростовцевым. Варвара Ильинична Ростовцева – до чего хорошо звучит!

Лишь под утро Свешниковой удалось задремать и отчего то сны ее не были так же радостны как явь. Варе виделось то, как она падает в глубокий колодец, не имевший дна, то будто стоят они с Родионом счастливые перед зеркалом, да только в отражении вовсе не они, а покойники какие-то жуткие тянут к ни руки. В холодном поту проснулась Варвара, и долго еще лежала с открытыми глазами размышляя от чего

же такие дурные сны. Мысли, страшные мысли о расплате за приворот начали медленно проникать ей в голову. Но Варя гнала их. Она так не хотела омрачить свое счастье.

До самой Масленицы Варя и Родион виделись едва ли не каждый день. Ходили в синематограф и музеи, бродили по воскресеньям на ярмарках, согреваясь горячим сбитнем, катались на санях за городом. Ростовцев начал, не таясь, захаживать к Свешниковым, что было воспринято всем семейством как виды на женитьбу. Родителям Варвары молодой юнкер пришелся весьма по душе, а потому они совершенно не препятствовали общению двух любящих сердец. А что сердца эти непременно любящие было и глупцу понятно. стоило лишь взглянуть как ворковали они друг с другом. И наконец прямо на масленичной неделе Ростовцев явился в дом к Свешниковым просить руки Варвары. Молодых благословили иконами и условились к Троице сыграть свадьбу. И не было на целом свете человека счастливее чем Варенька.

Одно только печалило ее. Сны. Каждую ночь виделось ей страшное. Однажды снилось будто сидят они втроем в гостиной Свешниковых – Варя, Родион и покойный двоюродный брат Дмитрий, пьют чай да ведут светские разговоры. За окном снег выюжит, в камине дрова потрескивают. И вроде все чинно и ладно. Но тут Варвара возьми и спроси:

– А как же ты, братец тут сидишь? Ведь мы же тебя похо-

ронили.

А тот отвечает с любезной улыбкой:

– Да ты же, сестрица и сама давно умерла. И Родион скончался. Вот и сидим мы тут, покойнички, чай пьем.

И Варя будто бы и впрямь ощутила себя мертвой. Посмотрела она на свои руки – а они бледные и мороз по всему телу. Вот уже и смертью запахло – смрадом покойническим да ладаном, как на отпевании. А братец смеется и приговаривает:

– Мертвее мертвого. Мертвее мертвого.

От таких снов Варе делалось дурно и страшно. Уж не предзнаменование ли это чего дурного? И ведь поделиться не с кем. Кому расскажешь про приворот этот злосчастный. А в том, что кошмары мучают ее из-за обращения к ведьме, Варвара была уверена. Свешникова хотела было пойти в храм, да и исповедаться батюшке, но при одной мысли об этом голова ее кружилась, а ноги становились ватным. Как и венчаться то теперь, – думала Варя, – коль до церкви дойти не могу.

В прощенное воскресенье Родион отчего то так и не посетил Свешникову хоть уговорено было что он явится, и Варя целый день его прождала. А на завтра ближе вечеру принес-

ли записку с посылным. В ней приятель Ростовцева Малышев сообщал, что Родион болен и помещен в госпиталь. Едва только Варя прочла эти жуткие строки, тут же сердце ее упало. -Умрет, – беззвучно прошептала она, – непременно умрет. Такова расплата за те недолгие часы счастья, что выпали на нашу долю. А дьявол то своего не упустит. И горько зарыдала. Она порывалась прямо сейчас бежать в больницу и сидеть у кровати любимого и только общими усилиями и увещеваниями что в столь поздний час ее не пустят в госпиталь, родным удалось уговорить девушку остаться дома.

Однако едва только наступил день, Варвара помчалась к Ростовцеву.

В госпитале было серо и неуютно. На койках стонали, замотанные в простыни больные, пахло спиртом и чем-то дрянным. Родион лежал на спине и тяжело дышал, каждый выдох его сопровождался хрипом. Лицо Ростовцева было покрыто испариной. Варя нежно прикоснулась к его лбу. Горячий.

– Родя, Родичка! – Он даже не открыл глаз. – Неужели нельзя хоть что-нибудь сделать? – крикнула Варвара проходящему мимо доктору, – Ему же плохо!

Врач остановился и с удивлением взглянул на Свешнико-

ву поверх очков, а после внимательно осмотрел Ростовцева.

– Воспаление легких. Весьма запущено. – со вздохом произнес доктор, – Это ваш брат?

– Жених. На Троицу свадьба ... – Варя не смогла договорить, так как рыдания рвались из ее груди.

Доктор бросил на девушку полный сочувствия и отеческой нежности взгляд и попросил сестер милосердия принести ей успокоительных капель. Но разве могли капли унять ее горе?

Всю неделю до пятницы Варвара бегала в госпиталь и сидела у кровати больного, который почти и не приходил в себя. В душе ее слабым огоньком теплилась надежда, что Родион выздоровеет, что силы вернуться в его молодое тело, жар спадет и он снова улыбнется ей своей нежной и вместе с тем слегка надменной улыбкой. Но увы, чуда не происходило. Ростовцев то неподвижно лежал, тяжело дыша, то метался по кровати в бреду и бормотал несурязицу.

В пятницу, когда за окном уже сгущались сумерки, а обесиленная Варя задремала на стуле подле кровати, Родион внезапно очнулся и заговорил ясно.

– Что же ты... – начал он, обращаясь к Свешниковой, и

Варя была уверена, что он сетует на ее присутствие в больнице. Мол дескать и не стоило так беспокоиться.

– Ах, Родичка! Ты очнулся! – Она нежно погладила его ладонью по горячей щеке. – Я здесь, рядом.

– Что же ты наделала, Варя? – спросил Ростовцев слабым голосом и во взгляде его было столько осуждения и укора, что Свешникова едва ли не отпрянула. Она поняла, что невесть откуда, но Родион знает, что его тяжкая болезнь – расплата за ее сделку с темными силами. Он знает все и ненавидит ее. Он погибает из-за ее глупости и душа его никогда не простит Варвару.

Ростовцев закрыл глаза. Дыхание его сперва выровнялось, но внезапно он издал глухой протяжный стон и умолк. Уже навсегда. Варя, прильнув губами к его безжизненной руке рыдала. Она рыдала горько, долго до полного оупения, и когда сестры милосердия осторожно оттаскивали ее от кровати, Свешникова смотрела затуманенным взглядом вокруг, но уже ничего не видела и не понимала. Какие-то женщины, свет ламп, белый потолок с трещинами. Где она и кто она? Варя обмякла и упала прямо на руки сестрам.

День похорон выдался пасмурным. Случилась оттепель, кое-где из-под снега траурно виднелся чернозем, а повозки за городом утопали в раскисшей грязи. Варя все это время

лежала в кровати. Она почти ничего не ела и просто глядела в окно, в котором виднелось лишь серое небо да голые ветви старого вяза. Так, и выглядит должно быть ад. Мрачные дни и безотрадное как ее жизнь небо. Временами Варвара погружалась в самую бездну отчаяния, в какую может погрузиться человек познавший горечь утраты счастья, которое было совсем близко. Вот-вот еще чуть-чуть и они с Родионом могли бы стоять радостные у алтаря. Но она все погубила. Своими же руками. Зачем, ах зачем она решилась на этот несчастный приворот? Лучше бы уж Ростовцев был бы сейчас с другою, но жив. Впрочем, и мысль о женитьбе Родиона на ком-то еще так же больно жгла Варвару, как и боль от его утраты. А что, если приворот тут вовсе не причем? Что, если это просто случайность? Нелепая выходка слепой судьбы? Ведь Ларинские, о которых обмолвилась бабушка до сих пор живы и счастливы. Нет. Можно было бы тешить себя надеждой, что невиновна в смерти Родиона, да вот только этот его предсмертный взгляд... Нет. Он знал, он все знал. Быть может, сам Бог или Дьявол раскрыли ему страшную тайну на смертном одре. Виновна. Только ты одна и виновна. Варя с ненавистью впивала ногти в собственные руки, словно пытаясь разорвать свою плоть, а после истерзанная погружалась в бесчувственное оупение и часами осоловело глядела в потолок.

И разве страшен был ей теперь загробный ад, если в этой

жизни она претерпевала такие муки. Иногда Варя даже хотела, что б языки пламени лизали ее кожу, чтобы дьявольские отродья каленым железом клеймили ее тело. Быть может болью и страданиями ей удастся смыть с себя свой страшный грех.

Лишь спустя неделю после похорон Варвара нашла в себе силы выйти из дома. Стояли хмурые слякотные мартовские дни, когда промозглый ветер продувает хлеще январской вьюги. Варя бесцельно бродила по городу иногда останавливаясь у витрин, но вовсе не для того, чтобы получше разглядеть выставленный товар, а Бог знает зачем. Она глядела на ворох шляпных коробок или на разодетые в пышные платья манекены и словно сама не понимала, что перед ней.

Так дошла Варвара до того самого парка, где под раскидистой елью Родион впервые поцеловал ее. Снег с еловых лап растаял и дерево уже не выглядело таким огромным и монументальным. Кое-где старая пожелтевшая хвоя некрасиво свисала с полуголых веток. Вот так и Варин роман с Ростовцевым был лишь временным мороком, насланным ведьмой. Как не могла эта ель вечно стоять обсыпанной сказочным искрящимся снегом, так не могло и вечно длиться чувство, рожденное не сердцем, а колдовством.

Снова горькое ощущение вины накрыло Варю. – Неужели жизнь молодого прекрасного человека стоила твоего детско-

го "хочу"? – пыталась она себя. – Неужели не могла ты просто выждать и найти другого, кто ответит взаимностью. Словно трехлетний ребенок топнула ножкой – подайте мне и все. А теперь он мертв, по твоей прихоти мертв. Ничтожная, злая, злая, негодная. Варя уже кричала это вслух и вокруг стала собираться толпа зевак. Варвара рыдала и царапала себе лицо, а из толпы послали за городовым. И забрали бы Свешникову в сумасшедший дом, если бы по счастливой случайности мимо не проходил ее отец. Привлеченный странными криками он глянул поверх голов на объект всеобщего любопытства и с ужасом опознал свою дочь, которую стремительно поспешил увести домой.

...

Варю снова уложили в постель, и настрого запретили покидать дом. Истерзанная кошмарами, она вновь лежала, обессиленно глядя в опостылевший уже потолок. Был слякотный мартовский вечер, за окном почти стемнело, а в комнате у икон горела лампада, слабо освещая Варино ложе. Внезапно маленький огонек затрепетал, словно кто-то дышал на него, а после и вовсе погас. Варвара вяло поглядела на потухшую лампаду и краем глаза, увидела, как в зеркале замельтешило что-то белое. Внимательно присмотревшись, она вдруг узнала лицо Родиона. Он стоял прямо там в зеркале во весь рост и нежно ей улыбался.

– Родя Родичка! – Варя не могла понять действительно ли

он здесь или это воспаленное ее воображение играет с ней злую шутку. Но Ростовцев внезапно ответил:

– Варенька! Я так по тебе соскучился!

Свешникова подскочила с кровати и приблизилась к зеркалу. И вправду он – как живой, только бледный слегка. Те же синие с поволокой глаза, те же каштановые кудри и эта улыбка.

– Но как же ты здесь... ты же...

– Умер? – Родион улыбнулся еще шире. – Ах, глупышка. Смерть – это вовсе не конец. Смерть – это так – пустяки. Знали бы люди как прекрасна загробная жизнь, как безмятежно и спокойно здесь, по на этой стороне, так вовсе и не боялись бы смерти. И я бы радовался даже, что умер, да вот только ты, моя дорогая Варенька, увы не со мною.

– Ах, Родичка! – Варя закрыла лицо руками. – Неужели ты на меня не злишься?

– Ну как я могу злиться? Я же сейчас воистину счастлив, и только наша разлука мешает моему счастью быть полным. Пойдем со мной, Варенька, пойдем! – он протянул ей руку.

Свешникова стояла посреди комнаты и не могла понять,

что же ей делать. И главное – кто перед ней? Светлая ли чистая душа Родиона или демон, пытающийся заманить ее в ад? Заметив нерешительность девушки, зазеркальный Ростовцев начал уговаривать еще нежнее:

– Варя, Варенька, невестушка моя! Ну что же ты стоишь? Иди, иди ко мне скорее!

– Я.. я право не знаю... – Варя почувствовала головокружение и стала пятиться к кровати. – Мне прилечь бы надо.

Родион сперва кинул на Свешникову злобный взгляд, но тут же смягчился:

– Приляг, отдохни. Да подумай хорошенько – как славно нам будет с тобой здесь, в загробном мире. Здесь ни печали, ни тоски, не страданий, лишь легкость да безмятежность. Подумай, Варенька, подумай. А я завтра снова вернусь.

Ростовцев или то, что им притворялось исчезло, а Варя, добравшись до кровати, закуталась в одеяло. Ее колотила дрожь, мысли лихорадочно носились в голове. Что это было? Привидение, игра воображения, чары, насланные гадалкой. Явился ли Родион мстить, или может и впрямь обрел покой и ждет ее что бы навеки быть вместе. А может и не было ничего и сходит она с ума. Варваре стало казаться, что не бы-

ло и вовсе ни Родиона, ни приворота, ни страшной смерти, да и ее самой никогда не было. Она погрузилась в какую-то странную полуобморочную дрему и прямо как тогда, в мрачном кабинете гадалки, душа ее вновь летала над неведомыми землями. Вот только земли эти были пустынные и безжизненны, она неслась над бесплодными полями, над черными пепелищами, на мертвым снегами, где на тысячи километров нет ни деревца, ни живой души. Да и сама она не имела уже ни рук, ни ног, а была лишь черным сгустком зловонного дыма. Наверное, это и есть смерть.

На утро Варя решила, что происшествие с Родионом в зеркале всего лишь сон. Слишком нелепой ей казалась мысль, что душа его и впрямь явилась ей вот так. Днем даже немного удалось отвлечься от мыслей о Ростовцеве, она читала какой-то журнал с модами и поела больше обычного. Однако, чем ближе становился вечер, тем сильнее Варя чувствовала надвигающуюся тревогу. А вдруг это вовсе не сон? Вдруг Родион снова явится ей в зеркале и позовет с собой? И вот уже Варвара уверена, что вновь сейчас увидит покойного жениха. Но он ли это? Стал бы настоящий Родион звать невесту на тот свет, пусть даже там и вправду чудесно? А она сама? Умри сама Варя, мечтала бы она забрать с собой и возлюбленного? Ах, да ты же сама его и сгубила – снова корила она себя. Пусть даже он был бы и в аду, и тебе там самое место. А что мне в этой жизни? Все постыло. Да и как жить, если такая вина на душе? Уйду, – решила Варя, – ес-

ли все это не сон и Родион снова явится, уйду вместе с ним. Ничто меня тут не держит. Маменька с папенькой, конечно, горевать будут, но кабы знали они какая их дочь негодяйка и грешница, то может и не плакали бы вовсе.

Однако мысль о том, сколько боли причинит ее безвременная кончина родителям, Варю жгла нестерпимо. – Но не поступаю ли я снова, как своенравное дитя, – размышляла она. – Снова лишь бы мне было хорошо. Лишь бы не страдать, а что до остальных хоть трава не расти. А что, если папенька с маменькой захворают после моей смерти. То одного сгубила, а то уже и целую семью. Ах несчастная. – Варвара разрыдалась. Она никак не могла решить, как же искупить ей старую вину, не сотворив новых бед.

Между тем за окном снова сгущались сумерки и тьма, расползалась по комнате в которой на этот раз не горела даже лампада.

Как и вчера Родион снова явился в зеркале. Как и вчера он лукаво улыбался Варе.

– Ну, что же ты надумала, Варенька? Идешь со мной? – Ростовцев протянул девушке бледную руку.

– Право, не знаю. – Свешникова задумчиво уселась на пол. Она не боялась призрака, и даже будь то хоть сам дьявол

не он был ей страшен. Варя ужасалась мысли разбить сердца родителям. – Я бы пошла, пошла за тобой Родичка. Но как же маменька с папенькой? Они ведь за твою гибель волновались, а мою так и вовсе пережить не смогут.

Ростовцев криво усмехнулся.

– Так и что же тут страшного, глупенькая? Будем жить тут всем семейством – ты и я, и папенька твои с маменькой. Будут души наши радоваться каждый день, чай у камелька пить, да с горы кататься как на масленичной неделе.

Варя призадумалась. А что, если он прав? Что если там, на другой стороне вовсе не муки ада, а вечное блаженство, хоть бы ты и грешница. Ведь сказано же, что Господь Всемилостив и всепрощающ и уж если как следует покаяться, то и на тебя найдется Божья милость. А разве не каялась она все это время? Разве не корила себя, разве мало исстрадалось ее несчастное сердце. Может и заслужила Варвара Свешникова от Господа прощение за свой страшный грех, и Родион послан ей теперь, как знак искупления. И уж сейчас они смогут навеки быть вместе.

Варя подняла свое заплаканное лицо и посмотрела на Ростовцева. Вид его был немного бледный, отчего вызывал в ее сердце прилив щемящей жалости и любви, и оттого хотелось

крепко его обнять.

– Я согласна. – едва слышно пролепетала Варвара.

Не прошло и мгновения как Варя стояла перед зеркалом, но уже с другой стороны и ощущала жуткий, пробирающий до костей холод. Она видела свою комнату, но будто бы через мутное стекло и все казалось неестественным и странным. Цвета поблекли, а вскоре тьма и вовсе поглотила то, что было в этой маленькой спальне. Варвара заметила, что сама она облачена в подвенечное платье, но платье это не выглядело праздничным. Оно обветшало висело на ней, какое-то пыльное и скверно пахнущее будто его сняли с покойницы. Свешникова осмотрела свои руки – а ведь руки то и впрямь мертвецкие – бледные с синюшными венами. Но самое страшное ждало Варвару впереди. Когда она наконец подняла свой взгляд на Родиона, то обнаружила что перед ней стоит вовсе не ее жених. Страшное дьявольское отродье со впалыми щеками и рядом желтых клыков отвратительно скалилось ей в лицо. Глаза его были черны абсолютно, даже и там, где у людей бывает белое, а изо рта несло смрадом и гниением.

– Ну что, Варенька, невестушка моя, пойдем? – существо галантно подставило ей свою руку, словно для променада.

Онемевшая от ужаса Варя, дрожа всем телом, посмотре-

лась вокруг. На многие версты простиралось поле, сплошь покрытое мертвой сухой травой, которую нещадно гнул к земле порывистый ветер. Кое где торчали скрюченные черные деревья, напрочь лишенные листвы. А небо, свинцовое, тяжелое, несло бесконечные грозовые тучи, способные, казалось, разверзнуться какой-то невероятной бурей.

Существо приблизило к Варе свое жуткое лицо и она, выйдя наконец из оцепенения, бросилась бежать куда глядят глаза, однако какую бы сторону для бегства она ни выбрала, исчадие ада тут же выростало прямо перед ней и хохотало загробным смехом. Час расплаты настал. Час расплаты и вечных мук.

...

Бездыханное тело Варвары Свешниковой обнаружила утром ее матушка. Сперва решили, что Варя от горя наложила на себя руки, однако осмотревший ее врач, пришел к выводу что смерть наступила естественным образом и вероятнее всего от нервного истощения. Убитые несчастьем родители схоронили дочь рядом с несостоявшимся женихом Родионом Ростовцевым. Эти две свежие могилки молодых любящих сердец невольно привлекали внимание нечастых посетителей кладбища. Сердобольные старушки или тучные матроны останавливались у надгробий и скорбно качали головами.

А между тем сразу после Вариной смерти в приемной мадам Межер объявился рослый человек в длинном черном пальто с приподнятым воротом. Человек этот решительно направился сразу в кабинет, даже не удостоив взглядом перепуганную секретаршу. Минут через десять он так решительно вышел, но уже с небольшой багряной коробкой подмышкой. Никому из спешащих по улице прохожих и в голову не пришло бы кто этот загадочный господин и что именно он несет в коробке. Лишь помощница гадалки, опасливо глядевшая в окно на удаляющуюся фигуру, таила страшную догадку, что это сам Дьявол является к госпоже за сбитыми со светлого пути душами. Она провожала незнакомца взглядом пока он не скрылся в одном из переулков. В приемной дожидалась очереди рыжая девица с заносчиво вздернутым носом. Секретарь со вздохом одарила ее сочувственным взглядом. Молодые наивные души. Как хотят они подчинить своей воле то, что подчиняться вовсе не хочет. Пройдет не так много времени и в багряной коробке у таинственного господина окажется и эта строптивая дамочка. Можно обмануть судьбу, но Дьявола не обманешь.

ПОМЕЩИЦА АГАТОВА

Давно я не бывал в имении своей тетки Глафиры Серафимовны Агатовой. Уже лет семнадцать минуло, наверное, с той самой поры, когда я, еще студентом Б-го университета гостил в этой тихой деревенской глуши. Пару недель назад

мне пришло письмо от ее экономки Аксиньи, такой же дряхлой, как и сама тетушка. Аксинья эта уверяла, что Глафира Серафимовна плоха и ежели отдаст Богу душу, то некому будет и похоронить старушку, ибо слуги все давным-давно разбежались от собственной лени и тетушкиной скупости. Сама Агатова была желчной и прижимистой, так и не выйдя замуж прожила всю жизнь в девах, раздавая тумачи нерадивым дворовым девкам, да складывая в кубышку некрупный доход с имения.

Кроме меня да моей сестры Ольги у Глафиры Серафимовной и не было наследников, а потому, получив известие о ее возможной скорой кончине, я тут же отправился в Залесское. Двести верст по грязной, размякшей от дождя дороге дались нам с кучером Иваном тяжко. Телега то и дело увязала в раскисшем черноземе, а ливень хлестал что есть мочи, словно расвирепевший барин, что порет розгами распоясавшегося отпрыска. Подъезжали к деревне уже в сумерках. В редких избах горели тусклые лампадки. Какая-то сухонькая старушка в замызганном платке, сообразив, что едем мы в усадьбу отчего то с ужасом перекрестилась. В самом же доме Агатовой было темно. Впрочем, зная скаредную сущность тетушки, я не нашел в этом ничего удивительного. Помнится, как собирала она огарки, и сама плавила в свечу, лишь бы не тратиться на новую. До пяти, а то и семи раз заливала крутым кипятком чайную заварку, хоть та уже не

давала ни цвета, ни вкуса. Дивно ли что все, кроме верной ее псицы Аксины, сбежали из усадьбы, лишь бы не терпеть дурного характера Агатовой.

Двор был заброшен, как и сам дом. На крыльце и веранде догнивали не убранные бог знает еще с какой осени листья, деревянные ступени местами истлели и угрожающе скрипели под ногами, замызганные окна, верно, уже и не пропускали свет. Холодный вечер и мрачное запустение удручали меня. Впрочем, Залесское никогда и не было в моих воспоминаниях милым уютным местом с вечерним самоваром и мятными пряниками, но все ж таки раньше в нем было куда приятнее.

В доме царил настолько непроглядная тьма и тишина, что мне, грешным делом, подумалось, что и тетка моя и ее Аксиныя отдали Богу душу, пока собирался сюда. Наощупь я продвигался из передней в гостиную и задел какую-то хрупкую вещицу, должно быть вазу, что с грохотом разбилась об пол. Тут же послышались и шаркающие шаги, а вскоре передо мной возникло освещенное тусклым огарком церковной свечи желтое лицо Аксины. Признаться, восковая физиономия теткойной экономки знатно меня напугала. Старуха была сухой и бледной словно трехдневная покойница.

– Ааа.. Приехали значит, – Аксиныя расплылась в улыбке, отчего лицо ее стало еще более жутким. – Хорошо, хорошо,

ждали вас. А Глафира Серафимовна совсем плохи.

– Что же и не встает с постели?

– Какоой там. Уже третий год не встает. Все я ее охаживаю. А месяц назад и меня узнавать перестала. Не ест ничегошеньки. С ложечки пою ее водой как синицу.

– А соборовали тетушку? – поинтересовался я, памятуя напускную набожность родственницы.

Аксинья испугано на меня уставилась, и помолчав с полминуты, словно переваривая мой вопрос, затараторила:

– Какой уж там. Им ведь только деньги. – вероятно речь шла о дьяконе. – Они без денег и не приходят. им или монетку сунь или курочку или творожка. А с Глафиры Серафимовны сами видите, – экономка обвела сморщенной рукой комнату, в которой, впрочем, решительно ничего кроме ее головы в изношенном чепце не было видно.

– Да полно вам. Батюшка даже и нищего и того и причастит, и соборует.

Старуха в ответ лишь раздраженно махнула рукой и повела меня в спальню, где мне и предстояло ночевать.

Свечи мне не выделили, а потому перемещаться в комнате снова приходилось на ощупь. Когда глаза немного привыкли к темноте, я, различив наконец очертания кровати, не раздеваясь погрузился в пропахшие затхлостью одеяла. В окно мерно барабанил дождь, где-то в углу скреблись мыши. Несмотря на скверный запах, и непрекращающееся возню грызунов, накатившая усталость сковала тяжестью мое тело, и я погрузился в сон. Одному Богу известно сколько времени я пролежал на старой скрипучей кровати – однако внезапно что-то вытащило меня из дремы. Это было странное тревожное ощущение присутствия кого-то постороннего в комнате. Я приподнялся на локте и внимательно взгляделся в темноту. В тусклом сером свете пасмурной ночи, едва проникавшем через замызганное окно, я разглядел лишь контуры тяжелого комода, да какой-то крупный сундук, стоявший поодаль от кровати. На комодe белели кувшин и миска для умывания, на сундуке пылилось какое-то тряпье. Кроме меня в комнате определено никого не было. Я снова лег на толстую подушку, перья из которой нещадно кололи мне шею, и внезапно краем глаза увидел, как в окно глядело чье-то лицо. От неожиданности я вскрикнул, но тут же зажав себе рот рукой, стал молча рассматривать странного ночного гостя. Лицо это было явно старушечьим, в чепце на подобию того, что носила Аксинья, однако этот был белым. Быть может, суетливая экономка решила потешить свое любопытство. Однако, чем больше я вглядывался в физиономии за

окном, тем явственнее напоминала мне она тетушку. Но как подобное возможно? Если Агатова не то, что ходить, и есть уже не способна, как может шастать она по ночам под проливным дождем? Я озадаченно встал с кровати и аккуратно, стараясь не шуметь, стал приближаться к окну. Но едва я сделал пару шагов, как лицо стремительно исчезло. Уж не показалось ли мне? Нет. Я отчетливо видел физию Глафиры Серафимовны. Странное дело. Впрочем, завтра я непременно увижу тетку, а там уж станет и понятно насколько ей худо. Перевернувшись на бок, и стараясь не принюхиваться к затхлой наволочке я погрузился в раздумья, плавно перешедшие в сон.

Снилось мне будто бы я гощу в этом поместье, но лет эдак двадцать назад. Будто сидим мы с тетушкой на веранде и чаевничаем. На столе самовар дымится, а Глафира Серафимовна разливает по чашкам крепкую заварку. В блюдах всевозможные сладости – пирожки, пряники, халва, варенье разложено по креманкам. Смотрю я на это все и даюсь диву – да что за перемены такие в помещице Агатовой, ведь отродясь лишнего куска сахара не положит, а тут вдруг такое. А тетушка знай себе попивает чай с елейной улыбкой, да гладит меня шершавой ладонью по руке. Внезапно вижу – матушка моя, покойница стоит за калиткой и рукой мне встревоженно машет. Я встаю и порываюсь к матушке подойти, но чувствую, как тетка крепко вцепилась мне в локоть и держит и взгляд у нее жуткий. Я из всех сил пытаюсь вырваться, но

теткина хватка словно у разъяренной собаки. Матушка кричит: Беги! и я просыпаюсь весь мокрый от пота, а за окном уже тусклый утренний свет возвещает начало нового такого же хмурого, как и предыдущий дня.

Признаться вставать мне не очень хотелось – тело ломило, а голова гудела. Однако и лежать в этой затхлой обшарпанной комнате, пропахшей пылью и бог знает, чем еще, не было никакого удовольствия. Сейчас бы выпить крепкий кофе да плотно позавтракать, но зная теткину скупость, да и общий упадок дома и хозяйства, дай Бог если хоть какая-то заварка еще осталась в закромах у Аксины. Я горько жалел, что помимо табаку не прихватил с собой и чай или кофе. Хорошенько поразмыслив, я решил сходить первым делом в деревню и там уж прикупить у местных хоть какой-нибудь провиант.

Кувшин для умывания оказался совершенно пуст, а потому пришлось самому добывать воду из старого колодца со скрипучей цепью. Колодец этот не чистили Бог весть сколько и содержимое его цвело и пахло гнилью. В отчаянии я натряс с листьев дождевых капель и похлопал себя мокрыми ладонями по лицу. Да, жизнь в Залесском то еще испытание для привыкшего к благам городского жителя.

Несмотря на наступивший день, в доме стояла мертвецкая тишина. Я не сумел найти на кухне ничего хоть сколько-ни-

будь пригодного для завтрака. В мешках в кладовой валялись кое-где остатки муки, да пропыленный горох, в буфете сиротливо стояла банка с засахаренным до каменной твердости медом. Ни чайной заварки, ни кофея отыскать не удалось. О том что бы добыть масла или молока и речи не шло. Чем же жива здесь Аксинья и что скармливает она тетке известно лишь одному Богу.

Перед тем как наведаться за припасами в деревню, я решил зайти в спальню Глафиры Серафимовной. Сам не знаю отчего, но мне было страшно туда ступить. Хоть видел я на смертном одре даже собственную матушку, а все одно глядеть как отходит человек всегда тягостно.

В теткиной комнате было темно, будто ночь так и не закончилась. Старые тяжелые портьеры наглухо задвинуты. Пахло так как обычно и пахнет в старушечьих покоях – болезнью и немного лекарствами, однако здесь ощущался еще и сладковатый душок разложения. Меня передернуло от омерзения и все же я решительно подошел к теткиной кровати. Она лежала на спине с закрытыми глазами, на полулысой голове ее был белый засаленный чепец, а руки сложены на груди как у покойницы. Я внимательно присмотрелся к ее тщедушному тельцу и с ужасом обнаружил что Глафира Серафимовна вовсе не дышит, но стоило мне подойти чуть ближе, как она с шумом открыла рот, выпустив оттуда жут-

кий звук. Все же жива еще. Однако плоха, права была Аксинья- старушка совсем плоха.

Я осмотрел комнату и с удивлением отметил, что ни на стенах, ни на прикроватном столике не было ни одной иконы. И если отсутствие горящей лампадки, столь уместной в нынешнем положении, все же объяснялось бедностью и экономией на лампадном масле, то куда исчезли многочисленные виденные мною здесь ранее образа, оставалось загадкой. Уж не снесла ли Аксинья или кто еще к скупщикам?

Я шел по размякшей от многодневных дождей земле и размышлял о том, до какой крайности обнищало Залесское и Агатова. А все от теткиной жадности, никому не давала управлять имением, и сама же довела себя до разорения. Но мучал меня один вопрос – ужели все спустила и проела или все же спрятаны где-то накопленные за долгие годы червонцы. Может конечно и Аксинья прикарманила, да вот только на кой черт они ей? Сама же вслед за Глафирой Серафимов-ной и преставится.

Крестьянские избы, как и все в деревне несли отпечаток нищеты и распада. Покосившиеся заборы, полусгнившие калитки, чумазые ребятишки в обносках, тощие озлобленные собаки. Да найдется ли здесь хоть у кого-то лишняя крынка молока? Я выбрал самый зажиточный по виду дом, во дворе которого в изобилии бегали курицы пеструшки, а у ворот на

привязи стояла пегая лошаденка. Светлоглазая девочка, замотанная в теплый платок, увидев меня, кинулась в избу, а вскоре на крыльце появился и хозяин – низенький круглолицый мужичок лет сорока. Я представился племянником помещицы и попросил продать мне яиц или масла. Мужичок, недолго думая, согласился и послал за провизией дочку. А тем временем рядом со мной откуда-то возникла тощая старуха с бельмом на глазу.

– Упыриха она. – старуха указала костлявой рукой в сторону барского дома. – Всех извела – и Митьку, и Христину и Порфирия. Всех съела.

Сперва я не нашелся что ответить, но все же вежливо произнес – Да у тетушки сложный характер.

– Да какой-то карактер. Карактер то у ней всю жисть был собачий. Я не про то толкую. – Старуха бесцеремонно схватила меня за локоть и глядя прямо в лицо заявила – Померла она, тетка то ваша. Уж год как померла.

– Как померла, когда я ее сегодня же видел. И вроде даже и дышала. – Я начал уж было сомневаться, а может и впрямь я утром глядел на труп, который чудом избежал тления? – Если она померла, то кто же тогда лежит в ее спальне?

– Упыриха! Упыриха она теперь. И Аксинья ее такая.

– Эээ, а ну не мели чего не знаешь – хозяин дома стал прогонять старуху, и та нехотя поплелась по раскисшей дороге.

– Вы их барин не слушайте. Нече делать вот языки и чешут. – мужичок отдал мне продукты и получив деньги раскланялся.

А ведь и впрямь упыриха, – думал я по пути домой. Была у тетки отвратительнейшая особенность выматывать назиданиями нервы так, что после пары проведенных в ее имении дней чувствовал себя словно выжатый. И это она к нам племянникам так относилась, чего уж говорить о слугах. Изрядно она их выедала. Однако кончился ее век, а я как унаследую поместье так сразу выпишу Городецкого чтоб помог навести порядок в бумагах. Сам бы я тут жил и глядишь и наладил бы дела, да вот только Ольга все галдит что имение непременно нужно продавать. Но отчего ж продавать то его – почва тут чернозем, плодородная, лес густой на много верст, да и народ неплохой работающий – им бы доброго хорошего помещика – и доходец приличный обеспечен. Нет, зря это Ольга, зря. Надо бы ее переубедить.

В доме снова было тихо, как в склепе. Аксинья кажется и не вставала еще, хотя уже перевалило за полдень. Я хотел бы разбудить ее, однако вспомнил что многие старухи отче-

го то плохо спят ночью, а днем отлеживаются в постели и потому не стал беспокоить экономку. Вместо этого мне пришла в голову мысль провести небольшую ревизию скудного тетушкиного имущества, а потому я решил послоняться по комнатам. Но каково же было мое удивление, когда я обнаружил, что почти все они заперты на ключ. Должно быть Аксинья, уразумев что двух беспомощных старух весьма легко ограбить, предусмотрительно позаботилась о сохранности вещей. Снова зарядил дождь и я, пока еще совсем не стемнело сел за письма Городецкому и Ольге. В углу снова беспокойно копошились мыши и отчего-то этот звук, сливаясь с мерным дождевым стуком навевал сон. Я сам не заметил, как погрузился в дрему улегшись головой прямо на исписанный лист, а очнулся лишь когда желтой своей рукой тормошила мое плечо Аксинья.

За окном совершенно стемнело, а экономка все так же, как и вчера блуждавшая по дому с огарком свечи сообщила что приготовила барину ужин. Ужином оказалась каша Бог знает из какой крупы, ибо лет этой крупе было столько что и понять гречиха то или ячмень не представлялось возможным. Я густо намазал маслом краюху черного хлеба, купленную сегодня у крестьянина и удовлетворившись этим небогатым провиантом, отправился в постель.

В комнате царила все та же затхлость и это удручало настолько, что невзирая на холод и ненастье, я все же решился

открыть окно. Завтра, пожалуй, следует вытрясти хорошенько все эти пыльные подушки и перины, а по-хорошему выписать бы сюда Настасью из города, что б прибрала весь этот хлам как следует. Я улегся в кровать и задумался о том, что не мешало бы все ж таки пригласить дьякона для тетушкиного соборования. Глафира Серафимовна считала себя человеком крайне набожным и скупость свою частенько оправдывала то постами, то стремлением к праведности и отречению от мирских благ. А однажды даже пожертвовала три рубля на купол Залесского храма. Я решил наведаться завтра к местному дьякону и просить о соборовании болящей. За этими мыслями меня и настиг сон, который вновь внезапно оборвался от столь же странного чувства что и прошлой ночью. Я снова взглянул на окно, которое на сей раз было слегка приоткрыто и вновь увидел старушечье лицо до жути похожее на теткино. Мне захотелось вскочить и резко открыв ставню прокричать какого черта тут творится, однако я с ужасом обнаружил что не могу пошевелиться. Тело мое словно парализованное не слушалось приказов разума. Должно быть это сон – решил отчего то я. Странный кошмарный сон. Бывают, знаете ли такие сны, когда будто наяву видится тебе нечто страшное и вскрикнуть не можешь и убежать сил нет, а после просыпаешься в поту, так, наверное, и со мною сейчас. К мгновению, когда в чресла мои вернулась жизнь, и я наконец то смог сесть в постели, зловещее лицо исчезло, и лишь ветер колыхал белевшую в темноте занавес-

ку. Столь неприятные ночные явления я приписал воспаленному воображению и дурной обстановке комнаты, никак не способствовавшей здоровому сну.

В маленькой обветшалой церквушке из красного кирпича было темно и пахло вовсе не воском или ладаном, как это обычно бывает в церквях, а сыростью и плесенью. Со стен в полумраке глядели сурово грозные лики. Свод, с которого строго взирал Спас, почернел от времени и копоти и от того выглядел особенно мрачным. Свечей в кандилах почти не было и лишь перед Богородицей, да Николаем чудотворцем тлели скромным огнем лампадки. Дьякона Андрея я нашел во дворе за поколкой дров. Это был довольно молодой еще среднего роста человек с весьма благообразной наружностью. Русые волосы на прямой пробор, не длинная поинтеллигентски подстриженная борода. Узнав цель моего визита, священник нахмурился.

– Про тетушку вашу всякое толкуют... – Диакон задумчиво глядел на испещренный зазубринами пень.

И этот туда же, – подумал я, вспомнив жуткие слова вчерашней старухи. И вновь обстоятельно рассказал, что тетка совсем плоха и вот-вот преставиться.

– Я приду, сегодня или если хотите завтра, да только бы желательно засветло.

Уговорились мы на завтрашнее утро и я, сердечно поблагодарив священника и перекрестившись на церковь, соби-рался уж было отправиться в усадьбу, да сам не зная от чего возьми и полюбопытствуй:

– А верит ли Христова Церковь в упырей?

Диакон нервно осенил себя крестным знамением:

– Всякой нечистью земля полнится, да только крест Господень от любого супостата спасет. Крест и молитва главное оружие против врагов человеческих, – он покрестил уже меня и снова принялся за дрова.

Отчего то слова его посеяли тревогу в моей душе. Священник производил впечатление человека крайне начитанного и даже в определенном смысле рационально. хоть по роду службы и обязанного верить в потусторонние субстанции. А потому я ожидал, что он осмеет меня, да скажет полно те вам деревенскими рассказами интересоваться, однако же та серьезность, с которою он воспринял мой вопрос весьма меня насторожила.

День я провел в мелких и суетных делах – вытряс как мог затхлые одеяла, проветрил комнату, перебрал нехитрый скарб из сундука и комода. Кроме истасканных платьев да

отрезов тканей, ничего сколько-нибудь примечательного я не обнаружил. Да и что надеялся я найти у столь скаредной дамы, как Глафира Серафимовна Агатова? Хотя бывали же случаи, когда наследники скупой старушки, таскавшей при жизни один заскорузлый наряд и в пир, и в мир, от которой не дожدهшься и лишнего яйца на Пасху, внезапно отыскивали запрятанный в укромном месте ларец с золотыми перстнями и жемчужными гарнитурами Бог знает для какой цели, припасенными усопшей. Однако тетушка моя, очевидно, не питала особой страсти к украшениям. Для личностей, подобных Агатовой скупость и была самым лучшим украшением. Сэкономив полкопейки на мыльном куске или обманув кого на рубль, они испытывают радость сродни той, что переполняет вертящуюся перед зеркалом модницу в изысканном новом туалете.

Вечером снова вынырнула из спаленки таившаяся там целый день Аксинья. Я не преминул сообщить ей что утром к нам пожалует диакон соборовать тетушку. На восковом лице экономки сперва отразился сильный испуг, который я списал на неохоту нарушать, длящееся Бог знает сколько затворничество. Вслух же Аксинья лишь глухо угукнула и снова скрылась в своей каморке.

Ночь стояла ясная, впервые за неделю. Я вышел в сад и уселся на разохшуюся скамью под раскидистой яблоней. На

бархатно-синем небе, клочками видневшемся между веток, мигали бисеринками звезды. Пахло неуклонно надвигающейся осенью – сырой землей, прелыми фруктами и пожухлой травой. Жидкие облака скрывали иногда бледно-желтый диск растущей луны, однако, когда свет ее падал на дом, то вся усадьба казалась картонной декорацией на театральной сцене. Отчего то я находил это забавным.

Внезапно, в темноте сада, куда не проникало из-за густых ветвей лунное сияние, я разглядел какое-то странное суетивное движение. Сперва я принял его за игру света, однако внимательно присмотревшись различил блуждающий между деревьев белый чепец. Неужто Аксинья разгуливает по саду в столь поздний час? Я поднялся и направился прямо в ту сторону, где и мелькал в ветвях этот женский головной убор.

– Аксинья?! Вам не спится? – я старался придать голосу непринужденный тон.

Но чепец очевидно не был настроен на дружеское общение и по мере моего приближения к нему стал поспешно удаляться. Скорость, с которой он это делал, меня признать поразила. Не могла пожилая женщина так стремительно нестись прочь. Чепец исчез так же внезапно, как и появился. Что, черт возьми все это значит? Играет ли со мной моей воображение или в усадьбе завелся таинственный призрак? На мгновение я даже всерьез допустил мысль, что тетка моя

и впрямь обратилась Бог знает во что и шастает яко тать в ночи, но мысль эта была настолько чудовищна и абсурдна, что я немедля ее отмел.

Ночью мне отчего не спалось. Несмотря на все мои усилия по облагораживанию и проветриванию комнаты, сон решительно не хотел меня посещать. Я беспокоюсь ворочался, размышляя о том, что все-таки означают эти странные видения и поймал себя на мысли что ожидаю как снова увижу сегодня странное лицо в окне. Часы пробили три, но лица все еще не было. Утешившись мыслью, что все это следствие расстроенных нервов, я все ж таки задремал. И снова, как и все предыдущие ночи в усадьбе внезапно проснулся, однако в этот раз виной моему пробуждению было вовсе не странное чувство присутствия постороннего, а ледяные пальцы, сжимавшие мое горло. В ужасе я открыл глаза. Прямо передо мною было искаженная страшной гримасой физиономия моей тетки. В физии этой не было ни кровинки – бледно-синюшная кожа, изрытая морщинами, напоминала жуткую маску из папье-маше. Рот ее, искривленный в злобещей ухмылке обнажал ряд желтых зубов с двумя торчащими сверху массивными клыками. Не было никаких сомнений, что кошмарное существо, вцепившееся мне в шею есть нечто иное как вурдалак.

Преодолев отвращение и ужас, я смог отцепить старушечьи руки от своей шеи и с силой оттолкнул проклятую тварь

от кровати. Существо злобно оскалилось, однако снова напасть не решилось. Конечности ее противоестественно изогнулись и вот так на вывернутых руках и ногах, вопреки всем законам физики то, что некогда было моей теткой заползло на стену и, перемещаясь с невероятной скоростью добралось до окна и выпрыгнуло прочь.

Я сидел на кровати в холодном поту и тело мое была мелкая дрожь. Все мои прежние представления о жизни и смерти, о загробном мире и человеческой душе рухнули в одночасье. Как возможно такое, чтобы в нашем подлунном мире разгуливали по земле подобные существа? А сколько еще их таится в темных лесах и мрачных болотах. Оборотни, русалки, лешие, кикиморы – неужели все это не выдумки малограмотных крестьян? Но как же тогда жить?

Спать я уже не мог и даже лежать в кровати было невыносимо. Я зажег все свечи что нашел накануне в кладовой и стал, не зная зачем ходить кругами по комнате. Что же делать? Единственной и самой естественной мыслью, пришедшей мне в голову, была необходимость обратиться к священнику. Я вспомнил как противилась Аксинья предложению позвать дьякона, каким страхом наполнились ее глаза, когда я сообщил о его завтрашнем визите. Ах, как все-таки правильно, что я наведалься нынче в церковь. Надо бы молиться, надо бы непременно вспомнить все молитвы, которые разу-

чивали мы с Олей в детстве. Скверно, что нет ни лампадки, ни ладана, да и иконы пропали. Впрочем, учитывая события сегодняшней ночи в этой пропаже не было ничего удивительного. Я чернилами начертал распятья в каждом углу и став на колени перед комодом с горящими свечами стал истово молиться пока в окне бледно-сизым светом не забрезжил рассвет.

Утром я, вооружившись, найденным в шкафу серебряным канделябром обошел теткину комнату и спальню Аксины. Ни той ни другой я не обнаружил. Одному дьяволу известно, где притаились страшные упырицы и что затеяли на ночь грядущую. Мне удалось подремать несколько часов пока не пришел дьякон Андрей. Сбиваясь, в неистовом волнении я описал ему все события этой безумной ночи, боясь быть принятым за сумасшедшего. Однако ни единая черта в лице благообразного священника не говорила о том, что он хоть сколько-нибудь сомневается в моих словах. Дьякон слушал меня задумчиво и теребил иногда конец своей недлинной рыже-русой бороды.

– Страшное это дело. – Хмуро сказал он, когда я закончил. – Не первый раз встречаю я упыриное отродье на этом свете. А потому знаю, как его изничтожить. Однако действовать стоит сообща. Мне нужна ваша помощь.

Ни секунды ни колеблясь я согласился делать все, что

необходимо для избавления от вурдалаков. Однако меня ужасно заинтриговал тот факт, что дьякон встречал упырей и раньше и я попросил его поведать мне все, что ему известно об этих жутких существах. И вот что он сообщил.

...

Лет пятнадцать назад, еще будучи служкой у дьяка села Н-е В-й губернии, из которой и происходил сам Андрей он столкнулся с неизъяснимым случаем. Десятилетний первенец одной вдовой крестьянки, будучи ее единственным чадом, скончался от неизвестной продолжительной болезни. Крестьянка та, хоть и была всю жизнь набожной, однако как сын ее слег, то по слухам начала захаживать к одной колдунье в соседнюю деревню. Просила у той снадобий для выздоровления болящего. Однако ни отвары, ни заговоры не помогли уберечь отрока от гибели. Мальчика схоронили, как и положено, а мать его ходила черная от горя и слова с той поры не обронила. А в скором времени начали соседи подмечать странное. Видели будто бы покойного сына то в окне крестьянкиного дома, то в лесочке недалеко от кладбища, а то и вовсе бежал он по деревне перед самым рассветом как угорелый. Да и сама женщина изменилась. Печать бесконечного горя сошла с ее чела, стала она улыбаться да радоваться поди знай чему.

Вместе с тем в деревне обнаруживались пропажи – сперва исчезала скотина, а после мельниковы дочки погодки игра-

лись на сеновале, а в избу так и не пришли. Крестьяне обыскали в селе каждый закуток, и нашли в колодце два обескровленных тела. На шеях у обеих бедняжек при осмотре обнаружались явственные следы укусов. Поразмыслили жители над всеми этими жуткими делами и поняли, что почивший несколько месяцев назад паренек немислимым образом стал вурдалаком. Решили они что раз мать его зналась с ведьмой, то та, богомерзкими заклятьями и омерзительными ритуалами по просьбе скорбящей крестьянки вызволила усопшего из могилы в виде упыря. Собрались у крестьянкиной избы – кто с вилами, кто с дубиной. Стучат к ней, требуют выдать постылое существо на расправу. Не дождавсь ответа, выломали люди ворота и обнаружили что мать вурдалака вздернулась прямо на растущей во дворе березе, а сына ее так и не нашли.

Семь ночей посменно караулили упыря мужики, однако покойник так и не объявился. Тогда решено было ловить вурдалака на живца и с этой целью крестьяне отправили в лес с грибной котомкой семилетнего мальчонку, а сами притаились за мшистыми камнями. К вечеру существо наконец выползло из своего укрытия и пытаясь напасть на беззащитную жертву было насквозь проткнуто вилами одним из мужиков. Прикопали упыря там же в лесу под сосной и решили обходить это место за версту. Да вот только той же ночью проклятый выбрался из новой могилы и снова шастал по де-

ревне наводя первобытный ужас на всех жителей. Тут то на помощь и позвали дьякона. Священник сразу смекнул что обычными средствами вроде ножа или кинжала вурдалака не убить. По поверьям известно про осиновый кол или серебряные пули, однако по расчётам дьякона от кола столько же пользы сколько и от вил, а пуль серебряных в деревне не сыщешь, да и не известно подействуют ли они.

Вурдалак непременно – существо от дьявола, – рассудил священник, – а стало быть бороться с ним надо, как и с прочей нечистью – святой водой, молитвой и распятием. А потому, решено было, что как только упырь вновь объявится в деревне, необходимо будет его изловить, окропить освященной водою и со словом Божьим вонзить в его грудь распятие, после чего непременно сжечь, а пепел развеять над болотом. На том и условились.

На третью ночь после описанных событий вурдалака нашли присосавшимся к коровьей шее. Неистовый рев скотины и привел мужиков с дьяконом к богомерзкому существу. Упыря связали и потащили к местной церкви. Так наш отец Андрей, будучи тогда еще отроком, впервые близко увидел вурдалака. Синяя, почти пепельная кожа, под которой страшно чернели и вздувались вены, впалые щеки, жуткий искривленный в омерзительной ухмылке рот и отчего-то совершенно желтые белки глаз – все это надолго запечатлелось в памяти будущего дьяка. А дьяк, действующий меж-

ду тем кропил упыря водою, и читал над ним псалмы. Существо страшно корчилось, а в местах куда попадали капли, кожа его тлела как пергамент от искр. Когда же крепкая рука священника вогнала в запавшую грудь вурдалака большое серебряное распятие, тот издал невероятный по своей омерзительности крик, и тело его, источая смрад рассыпалось в пепел само так, что в его сжигании отпала всякая необходимость. Сизую пыль, что осталась от упыриного трупа развеяли над болотами, а дом, в котором обитало проклятое семейство, наглухо заколотили досками, и всякий, старался обходить его за версту, а уж если и приходилось идти мимо, то осенял себя крестным знаменем.

...

Признаюсь, рассказ отца Андрея меня успокоил и ободрил. Мы решили грядущую ночь провести в ожидании тетки с Аксиньей, что б как можно быстрее покончить с царящим в усадьбе кошмаром.

К сумеркам все уже было готово – дьякон разложил на комоде все необходимые предметы: веревку, большое, почерневшее от времени распятие, чашу со святой водой, помазок и молитвослов. Пара мужиков из деревни – Архип и Федор были приглашены нами на всякий случай, хоть по утверждению отца Андрея, вурдалаки и не обладают не дюжей физической силой. Однако упырих было две, а потому лишние руки явно не помешают.

В доме было совершенно темно и лишь одну изрядно оплавленную свечу мы оставили гореть на тумбочке, но вскоре потушили и ее, решив не отпугивать светом тех, кого мы сегодня ждали. Все находились в крайнем ожидательном напряжении. Отец Андрей сидел на кровати, обхватив руками голову, я погрузился в старое пыльное кресло, предусмотрительно застеленное простыней. Архип расположился на пуфике возле самой двери, а Федор постелил себе тряпицу у окна.

Ближе к полуночи, я, сквозь охватывающую меня дрему смог увидеть промелькнувший в окне до боли уже знакомый белый чепец. Разбудив моих посапывающих товарищей по охоте, я перебрался ближе к окну и стал внимательно наблюдать за происходящим снаружи. Ветер трепал ветки деревьев и они, пропуская тусклый лунный свет плели причудливые, а иногда даже страшные узоры на покрытой сухими листьями земле. Ни тетки, ни Аксиньи не было видно.

До рассвета мы прождали наших кошмарных гостей, однако упырихи так и не объявились. Разбитые с туманной головой поплелись мы спать. Архип и Федор остались так же в усадьбе. Я был весьма удручен, и мои опасения, что охота эта растянется на несколько дней, вскоре подтвердились.

Последующие две суток прошли спокойно. Ни Глафира Серафимовна, а точнее то, кем она стала, не ее экономка не казали носу в усадьбу. Меня начинало охватывать отчаяние, а от нервного напряжения тряслись руки и крутило живот. Как хотелось мне скорее вогнать распятие в утлую грудь богомерзких старух и прекратить весь этот ужас.

Спустя неделю бесплотных ожиданий мы с дьяконом отпустили мужиков в деревню, а сами стали размышлять как быть дальше. Отец Андрей предположил, что вурдалки должно быть скрылись в соседнем селе, или притаились в лесу. Возможно, ближе к зиме старухи и объявятся в Залесском, однако совершенно не обязательно что именно так и будет, а потому мне необходимо объявить тетушку покойницей и вступить в наследственные права. Однако ж в этом и состояла трудность – как распорядиться мне имением – продать ничего не сведущим людям и обречь их на возможную гибель или жить здесь самому в вечном ожидании упырих. Вопрос этот был невероятно сложен, однако со временем разрешился и он. Усадьбу купил под снос некий предприимчивый господин, что решил дельно использовать плодородную землю и разбить здесь яблоневые сады. Получив свое и подписав все необходимые бумаги, я уехал в город, а отец Андрей пообещал писать мне как обстоят дела в деревне – не случилось ли ничего ужасного, не вернулись ли старухи. Из его писем я узнал, что лишь раз на кануне Крещения видели бабы будто бы мою тетку, бегущую в лес, однако

стоит ли верить подобным рассказам?

...

Прошло уже не мало времени, и воспоминания о тех чудовищных событиях выцвели словно старые фотокарточки, и иногда мне кажется, будто и не было никаких вампирш, никаких кошмарных ночей, проведенных в ожидании ужаса. Будто бы я выдумал это все или перепутал сон с явью. Однако есть нечто, что я вынужден был скрыть от дьякона и до сих пор держу в тайне от своих близких. В ту треклятую ночь, когда тетка Агатова пыталась вонзить свои желтые клыки в мое горло, ее когтистая скрюченная рука оцарапала мне лицо. Порез был совсем небольшим, как от бритвы и располагался на изгибе подбородка. Сперва я не обратил на него ни малейшего внимания, но вскоре начал замечать, что царапина эта как-то странно саднит, а сам я в это время испытываю страшный нечеловеческий голод.

Я списывал этот голод на нервное потрясение и скудный рацион, но вскоре осознал ошеломляющую в своей ужасности вещь – мне страстно хотелось напиться крови. В одну из ночей еще в Залесском, обезумев от этого мучительного чувства, когда утроба моя требовала жуткого насыщения я поймал и выпотрошил зазевавшего в кустах зайца. Мысль о том, чтобы рассказать все отцу Андрею я отмел почти мгновенно – возможно, потому что боялся услышать страшную правду. Кем я теперь являюсь? Я не умирал как тот крестьянский

парень или тетушка, однако что-то во мне переродилось. Я все еще могу потреблять обычную человеческую пищу и вести вполне благопристойную жизнь, однако раз в две или три недели кровавая жажда обуревает меня настолько, что я вынужден идти на охоту. Обычно моими жертвами становятся мелкие животные вроде кошек и небольших собак. Однако в такие моменты я преисполняюсь настолько глубокого отвращения к себе, что пару раз был близок к тому, что окончить свое столь унижительное существование. Порывался я было написать покаянное письмо дьякону, однако что-то меня останавливало. Возможно было бы и смириться со столь скверной участью, да вот только жажда моя увеличивается с каждым приступом очередного упыризма. Я знаю, я чувствую ... Настанет момент, когда мне будет недостаточно животного. Рано или поздно мне придется вкусить человеческой крови. Я оттягиваю его как могу. И если вы спросите меня – когда настанет тот жуткий миг, что болезнь моя призовет меня прокусить чью-то шею, что сделаю я тогда – пойду на поводу у желания или рассеку серебряным распятым грудь, то я отвечу вам: не знаю.